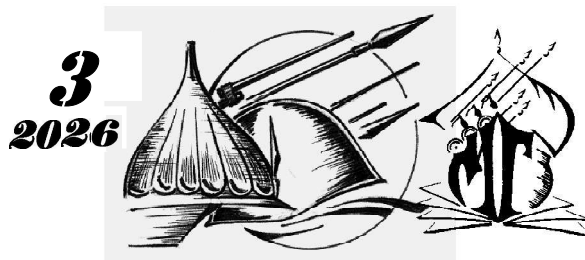

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В номере:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ВЕРТЛИБ. Арктика — купол грома небесного	3
Надежда ЮДИНА. Клеть цифрового мира	64
Филипп ЛЕБЕДЬ. Новые угрозы русским рекам	69
Андрей СОШЕНКО. Вопросы без ответа	116

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Московский жених. Повесть	10
Владимир ВЕЩУНОВ. Чикист. Рассказ	76
Андрей МАРКИЯНОВ. Долг. Рассказ	90
Виктор ТРЫНКИН. Предложение. Рассказ	123

ПОЭЗИЯ

Геннадий КАРПУНИН. Крест. Поэма	52
Владимир ХОМЯКОВ. Русским полем бреду. Стихи	101
Анна ТОКАРЕВА. Назови меня родной. Стихи	109
Анна РЕТЕЮМ. Зерно молитвы. Стихи	142
Галина ТАЛАНОВА. Кручу веретено... Стихи	149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Олег ПЛАТОНОВ. Декабристы как пятая колонна	153
Валерий ГАБРУСЕНКО. Крымская война	160

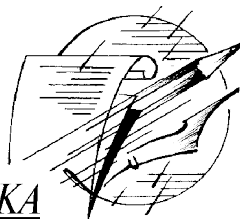
ЛАРЕЦ	
Николай ЛЕСКОВ. Штопальщик . Рассказ	172
ПОДВИЖНИКИ	
Игорь РОМАНОВ. К торжеству Православия над всей Азией	186
СИМВОЛ ВЕРЫ	
Валентин КАТАСОНОВ. Капитализм — религия ростовщиков ...	192
РУССКИЙ ВОПРОС	
Евгений ЕВТУШЕНКО. Об антимигрантском национализме	200
РУССКИЙ МИР	
Михаил КУЛЕШОВ. Опасные иллюзии	205
ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ	
Олег ПЛАТОНОВ. 9 января. Их кровавый след	218
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ	
Ирина ПРИЩЕПОВА. Байкальские зарисовки	227
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ	
Андрей СОШЕНКО. Слуги антихриста	248
Геннадий САЗОНОВ. Рыбное изобилие...	250
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ	
Валерий ХАТЮШИН. Протгуберанцы . Размышления и воспоминания. Продолжение	255
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Голос эпохи (Раздумья над новыми стихами Валерия Хатюшина)	269
ИСКУССТВО	
Руслан СЕМЯШКИН. Её призвание — русская песня . <i>К 100-летию Ольги Воронец</i>	278

Евгений ВЕРТЛИБ,
член Союза писателей России,
президент Международного Института стратегических
оценок и управления конфликтами (Франция)

АРКТИКА — КУПОЛ ГРОМА НЕБЕСНОГО

В логике грядущих «звёздных войн» Северный полюс является осью решающего стратегического превосходства. Именно через арктическое направление проходят кратчайшие траектории глобального удара — баллистического, гиперзвукового, орбитального и противоспутникового. Вся современная архитектура стратегического сдерживания — от систем раннего радиолокационного обнаружения до эшелонированной ПРО, космических платформ наблюдения и ИИ-управляемых контуров принятия решений — замыкается на полярной проекции. Контроль над Арктикой даёт критическое временное преимущество в обнаружении угрозы, выработке решений и нанесении ответного либо упреждающего удара. В войнах будущего именно время, а не численность войск или объём огневой мощи, становится решающим фактором победы.

Именно поэтому США исторически закрепились в Аляске, а сегодня последовательно форсируют Гренландию и Северную Атлантику. Речь идёт не столько о ресурсах как таковых,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сколько о контроле над полярным куполом планеты. ПРО, космическая разведка, перехватчики, системы наблюдения за орбитами и траекториями глобальных ракет достигают максимальной эффективности только при опоре на северные широты. Европа, подтягивая Данию и Германию, интегрируется в этот контур как вспомогательный элемент северного пояса НАТО, стремясь сохранить собственную долю контроля и влияния в формирующейся архитектуре будущих стратегических столкновений.

Для России Арктика — не «один из театров», а главный геостратегический меридиан выживания. Потеря контроля над Севером мгновенно делает уязвимой всю вертикаль стратегической безопасности: от ядерного сдерживания до космических систем наблюдения, связи и управления. Напротив, устойчивое присутствие России в Арктике позволяет сорвать любую концепцию «звёздных войн» противника, лишая его преимущества первого удара и возвращая Москве ключевой ресурс — время для принятия стратегически верных решений. Здесь проявляется синтез классической геополитики с новыми формами ведения войны, где ресурсом становится не столько сила, сколько скорость реакции и полнота информационного контроля.

Китай осознаёт значение Арктики не хуже других ключевых игроков. Его концепция «Полярного шёлкового пути» представляет собой попытку встроиться в северный контур будущего противостояния при отсутствии собственной арктической географии. Пекин использует экономические инструменты, инфраструктурные проекты и научное присутствие как формы стратегического влияния, одновременно избегая прямого военного столкновения с Россией или США. Американская стратегия направлена на блокирование этого процесса, при этом Россия целенаправленно превращается в буфер или объект давления, а Арктика жёстко увязывается с Украиной и другими зонами напряжённости в рамках многослойного пакета рычагов воздействия.

Любые разговоры о «размене» Арктики либо уступках в вопросах контроля над Северным морским путём являются формой стратегической диверсии. Контроль над Северным полюсом означает управление временем реакции победного выживания, траекториями глобального удара и близкими орбитами, что создаёт условия поражения противника ещё до начала классического конфликта. Стратегическое присутствие России в Арктике должно быть непрерывным, автономным и интегрированным, сочетая военные,

экономические, дипломатические и информационные линии. Утрата даже одного элемента этого купола неизбежно ведёт к потере инициативы и ослаблению позиций Москвы на всех остальных направлениях.

Арктика становится ключевым индикатором геополитической зрелости России. Здесь сходятся интересы ведущих мировых акторов и формируется многополярная сфера стратегического воздействия, в которой Москва обязана сохранять субъектность, управлять временем и пространством и быть готовой к немедленному реагированию. Любое внешнее давление — экономическое, дипломатическое или информационное — должно упираться в единый стратегический контур: устойчивое присутствие на архипелагах, контроль над Северным морским путём, развитие инфраструктуры и жёсткую интеграцию с космическими и ПРО-системами

Арктика — это не просто территория или ресурс, а стратегический купол, под которым решается судьба глобального противоборства будущего. Через Северный полюс формируется линия решающего превосходства, где каждый шаг противника фиксируется, анализируется и нейтрализуется, а Россия получает возможность действовать как полноценный субъект, удерживая инициативу и обеспечивая стратегическую устойчивость ещё до начала открытой конфронтации.

Арктика не существует в отрыве от остальных театров давления на Россию. Напротив, именно она задаёт общий каркас, в который вписаны Украина, Восточная Европа, Балтика и другие направления. Южные и западные фронты выполняют функции отвлечения, изматывания и информационного давления, тогда как Север остаётся зоной решающего удара и окончательного стратегического расчёта. В этом смысле украинский конфликт выступает вспомогательным элементом большого северного уравнения, призванного либо вынудить Россию к уступкам в Арктике, либо связать её ресурсы и отвлечь внимание от ключевого направления.

Для США Украина является инструментом давления, а не экзистенциальной целью. Реальная ставка Вашингтона — сохранение контроля над архитектурой глобального сдерживания, где Арктика играет роль верхнего замка всей конструкции. Отсюда попытки увязать прекращение конфликта или частичное признание российских интересов на Юге и Востоке с требованиями «ответственного поведения» на Севере, прозрачности арктической активности

и недопущения усиления китайского присутствия. Логика проста: тактические уступки на периферии должны компенсироваться стратегическими ограничениями в ядре.

Европа в этой конфигурации выступает не самостоятельным центром силы, а усилителем американской линии. Германия, Дания, Норвегия, а опосредованно и Франция, наращивают северное присутствие под прикрытием экологической повестки, научных программ и инфраструктурных проектов двойного назначения. За этим стоит стремление не быть вытесненными из будущей архитектуры безопасности, в рамках которой ключевые решения могут приниматься без их участия. Расширение военной логистики и интеграция в северные контуры НАТО — попытка зафиксировать своё место в будущем разделе ответственности и влияния.

Китай, напротив, действует асимметрично и вдолгую. Не имея прямого выхода к Арктике, он делает ставку на инвестиции, ледокольный флот, научное присутствие и участие в проектах Северного морского пути. Для Пекина Арктика — не только маршрут и ресурс, но и стратегическая страховка на случай блокировки южных морских путей. Именно поэтому США стремятся вбить клин между Россией и Китаем, превращая Арктику в предмет скрытого торга и продвигая идею «большой сделки», в рамках которой Москва якобы должна выбрать между северной субъектностью и восточным союзом.

Подобная логика игнорирует фундаментальный факт: для России Арктика — не предмет торга, а условие исторического существования. Потеря стратегической автономии на Севере автоматически обнуляет любые тактические выигрыши на других направлениях. Ни Украина, ни временная разрядка с Западом, ни частичное снятие санкций не компенсируют утрату контроля над куполом глобального сдерживания. Более того, отказ от арктической связи с Китаем не приведёт к долгосрочной стабилизации отношений с США, поскольку сама американская стратегия направлена на предотвращение появления любого самостоятельного континентального центра силы в Евразии.

В этом контексте Россия вынуждена мыслить предельно жёстко и хладнокровно. Арктика должна рассматриваться как единый театр — военный, космический, экономический и цивилизационный. Северный морской путь, арктические базы, системы раннего предупреждения, орбитальные группировки и энергетическая инфраструктура образуют неделимый контур. Любая попытка его фрагментации — через международные режимы, «совместное управление»

или экологические ограничения — является формой стратегического наступления, замаскированного под нейтральную повестку.

Таким образом, Арктика становится точкой, где сходятся все линии давления на Россию и где проверяется её способность к стратегическому суверенитету. Контроль над Севером означает контроль над временем, пространством и горизонтом принятия решений. Потеря инициативы здесь неизбежно ведёт к втягиванию в чужую игру на чужих условиях. Именно поэтому для России вопрос Арктики — это вопрос не только внешней политики, но и внутренней мобилизации стратегического мышления.

Арктика и Украина формируют два взаимосвязанных фронта, на которых проверяется способность России действовать как субъект, а не объект мировой геополитики. Контроль над Северным полюсом обеспечивает стратегическое реагирование, защиту национальных ресурсов и сохранение линий глобального сдерживания. Южное направление используется противником как рычаг давления, однако без контроля над Арктикой любые успехи на Юге неизбежно обесцениваются, превращаясь во временные победы без стратегического эффекта. Север становится осью национального планирования, тогда как Юг — индикатором давления и проверки гибкости.

Россия обязана интегрировать военную мощь, экономические проекты, инфраструктурные линии и космическое присутствие в единый непрерывный контур, где каждый элемент усиливает другой. Военные базы, ледокольный флот, системы наблюдения и ПРО, Северный морской путь и энергетические проекты формируют неделимый каркас, обеспечивающий контроль времени и пространства принятия решений. Любая внешняя попытка его разрушения или расчленения должна рассматриваться как прямой вызов национальной безопасности и требовать немедленного стратегического ответа.

Стратегическая автономия России в Арктике позволяет не только сорвать планы противника, но и обеспечить долгосрочный контроль над глобальными линиями удара и наблюдения. Контроль над полюсом делает невозможным внезапное стратегическое преимущество любого внешнего игрока и превращает Арктику в купол, под которым запускается механизм гарантированного срыва враждебных сценариев ещё до начала открытой конфронтации.

Вывод однозначен: Россия должна сохранять северную субъектность любой ценой, сочетая её с гибкой, но

непреклонной позицией на Юге и во взаимодействии с Китаем и Европой. Арктика — это не просто территория или ресурс, а стратегический щит, фундамент выживания и проявления исторической субъектности государства. Любые уступки в этом контуре, попытки разменять Север на южные направления или внешние преференции представляют собой не просто стратегическую ошибку, но прямую угрозу самой линии национальной безопасности.

Купол Арктики становится символом России как государства, способного управлять временем и пространством глобального противоборства, интегрировать военную, экономическую и дипломатическую мощь и действовать как самостоятельный стратегический субъект. Его сохранение и укрепление является ключевым условием победы в текущих и будущих конфликтах, гарантией национальной безопасности и воплощением исторической миссии страны.

Концентрация внимания США на Арктике давно перестала быть предметом догадок и проявилась в комплексе аналитических и дипломатических установок, известных в экспертной среде как «пакет из восемнадцати пунктов». Независимо от их формального статуса, все эти положения объединены одной логикой: Арктика рассматривается как ключевой элемент архитектуры стратегического сдерживания XXI века. В утечках и сопутствующих аналитических комментариях последовательно фиксируется тезис о том, что контроль над Севером определяет устойчивость глобальной системы безопасности, а любые региональные конфликты должны рассматриваться через призму поведения сторон именно в арктическом контуре.

В этих материалах Арктика описывается как пространство, где сходятся раннее обнаружение, контроль орбитальных траекторий, противоракетная оборона и управление временными окнами принятия решений. Северный морской путь предлагается рассматривать не как суверенный маршрут, а как объект международного мониторинга и транспарентности, а усиление военной и космической интеграции России в Арктике трактуется как фактор стратегической нестабильности. Особое внимание уделяется недопущению закрепления Китая в северном контуре, поскольку его экономическое и научное присутствие рассматривается как задел для будущего военного и технологического влияния. В совокупности эти положения формируют не дипломатическую повестку, а оперативно-стратегический замысел, где Арктика становится критерием допуска к будущей архитектуре глобального сдерживания.

Именно поэтому периферийные направления давления — Украина, санкционные режимы, частичные предложения разрядки — увязываются с требованиями «ответственного поведения» на Севере. Логика проста и предельно прагматична: тактические уступки на юге и западе должны быть обменены на стратегические ограничения в арктическом ядре. Таким образом, Арктика превращается в верхний замок всей конструкции, а контроль над ней — в инструмент управления временем конфликта. Кто раньше обнаруживает угрозу, быстрее принимает решение и первым формирует контур ответа, тот побеждает ещё до начала открытого столкновения.

Эта установка удивительным образом совпадает с фундаментальной логикой классической китайской стратегии. В её высшем выражении победа понимается не как результат сражения, а как результат опережения — в расчёте, во времени и в управлении ситуацией. Высшее искусство войны заключается в том, чтобы лишить противника возможности навязать бой, лишив его темпа, инициативы и горизонта принятия решений. В этом смысле Арктика в XXI веке становится пространством именно такой победы — без боя, но с полным стратегическим эффектом.

Для России данный контур не является предметом переговоров или размена. Контроль над Арктикой означает контроль над временем реакции, над ближними орбитами и над траекториями глобального удара. Потеря этой способности автоматически обесценивает любые временные успехи на других направлениях, включая южные и западные фронты. Именно поэтому давление на Россию ведётся комплексно: через Украину — как зону отвлечения и изматывания, через Европу — как усилитель северного пояса, через Китай — как фактор скрытого торга и попытку расколоть континентальный центр силы.

В этом контексте Арктика выступает не просто географическим регионом, а механизмом стратегического предвосхищения, под куполом которого решается исход будущих конфликтов. Тот, кто владеет этим куполом, владеет временем, а значит — побеждает без боя. Для России сохранение и укрепление арктической субъектности становится не внешнеполитическим выбором, а условием исторического выживания, без которого невозможны ни стратегическая автономия, ни победа в войнах будущего.

Владимир ПРОНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ЖЕНИХ

ПОВЕСТЬ

Константин Шопша случайно встретил в магазине армейской одежды Валентина Иванова, которого не видел более десяти лет, и пригляделся к нему, когда тот обрадованно окликнул:

— Костя! Сколько лет, сколько зим? — и подошёл, толкнул в плечо. — А ты ещё здоровей стал... Привет! — улыбнулся Иванов.

Шопше ничего не оставалось, как узнать армейского дружка, правда, погрузневшего.

— Да и ты в теле... Вот кое-чего из одежды взял — практичная очень, — доложил Шопша, указав на пакет, и добавил любимую присказку: — Ну так, а чего...

— На фронт, что ли, собрался?

— Не угадал — переезжать надумал. Поближе к малой родине.

— А что так?

— Я ведь прежде на троллейбусах рулил. Но, сам знаешь, троллейбусы из Москвы выгнали, пришлось переучиться на электробусы. Работа схожая, но платят не ахти.

ПРОЗА

Так что, хочешь не хочешь, а надо уезжать, потому как надоело по общагам скитаться, а квартиру в Москве не купишь.

— В таком случае проще в какой-нибудь областной город переехать, где имеются троллейбусы, а они имеются во всех этих городах.

— Мысли мои читаешь! На всякий случай я уже навёл справки, в Рязань позвонил. Обещают взять на троллейбус, только чтобы не затягивал с этим делом.

— А как с жильём? Или опять в общаге станешь жить? Давно бы нашёл москвичку и жил, не зная забот. Я вот не растерялся в своё время, отхватил деваху, а ей досталась трёхкомнатная квартира по наследству. Теперь живу и в ус не дую! Хочешь, кого-нибудь подыщу, если у тебя не получается? — Шопша не знал, что ответить, а Иванов понял его смущение: — Ладно, не буду в краску вгонять... Твёрдо решил?

— Твёрже некуда! Мать просит не бросать её, говорит, что в нашем лесничестве работу мне обещали. Только зачем она в глухомани. — Он не стал раскрывать свои планы, хвалиться, что у него давно хранились деньги на квартиру, но только не в Москве, где цены неподъёмные, а в той же Рязани, где они гораздо ниже.

— Это и понятно, если вся молодёжь по-прежнему в города сваливает. Так что не мы были первыми, не мы и последние. А сейчас-то куда?

— В общагу, куда же ещё.

— Тогда подожди, вместе пойдём, только термобельё куплю. А то перед новым годом на охоту с друзьями собираюсь — необходимо подготовиться.

— Слушай, — предложил Валентин, сделав покупку. — Зачем нам общага? Поедем сразу ко мне!

— Не-не... Мне так привычней.

— Ну, смотри.

Когда они вышли из магазина, то сразу направились в другой — продовольственный.

Валентин купил бутылку вина, Шопша — колбасы, сыра, фруктов, а добравшись до общежития, удалился на кухню. Пока он мыл яблоки, Иванов от безделья разглядывал журнальную картинку над его кроватью. На картинке был изображен парящий над лугом серый журавль, клюв у него был опущен, а внимательным взглядом он словно спрашивал: «Видишь, где живу?»

На родине Шопши, в Мещере, Валентин никогда не бывал и представлял Мещеру схожей со своими тверскими

местами — болотистыми и дикими. Поэтому, наверное, Шопша после демобилизации, с объявлением, вырезанным из воинской газеты, приехал в Москву. Десантники слывут народом залихватским, аховым, и это, видно, помогло Константину устроиться в столице и получить место в общежитии, хотя на все вопросы должностных лиц он отвечал односложно, с причудливым оборотом: «Ну так, а чего...» — оставлявшим в недоумении иных администраторов.

Константин принёс яблоки на вместительной тарелке для первого. От капелек воды яблоки казались ещё румянее и после выпитого за встречу вина захрустели на белоснежных зубах Шопши. Он ел и рассказывал о десяти годах, пролетевших после демобилизации. Из всего рассказа Валентин запомнил, что Шопша несколько раз ходил в кино, а однажды собирался в театр, но отложил поход, когда узнал от знакомых, что в театр неприлично ходить в одиночку, зато регулярно выступал на соревнованиях по перетягиванию каната. Собственно, Константин свёл рассказ к сетованию на то, что перетягивание каната как вид спорта находится на задворках общественного мнения, и едва о нём вспомнят на каком-нибудь празднике здоровья, как сразу же забывают, не позволяя подняться выше районного уровня. После второго бокала вина Шопша договорился до того, что обвинил сомнительный МОК в предвзятом отношении к этому виду спорта.

Он почти всё рассказал о своей теперешней жизни, умолчав лишь о том, что два-три вечера в неделю проводит в обществе старушек, собирающихся в сквере у соседнего дома, если, конечно, позволяет погода. Старушки обожали Константина за его «правильную», не как у сверстников жизнь. Они со спокойствием на душе доверяли ему играть с внуками и, вздыхая, жалели, что их дочери упустили идеального мужа, начинали завидовать той счастливнице, которой суждено будет стать его женой. И ещё по одной причине Константин промолчал об этом: ведь Валентин мог — и вот так сразу! — узнать о постыдном, каким оно виделось Шопше, прозвище: «Любимец старых одуванчиков», которым иногда его называли в общежитии, вкладывая в эти слова иронию и насмешку.

— Мне бы твои заботы, — выслушав Шопшу, Валентин дружески похлопал по его крутому плечу, — а тебе мои... Это я имею в виду семью свою, дочку, из-за которой ты хотя бы разок в неделю не выспался, вот тогда уж не стал бы набрасываться на Олимпийский комитет.

— Ну так, а чего... — зарделся Константин.

— Да я не о том, — сделав печальное лицо, продолжил Валентин, — всему своё время, и от этого не уйдешь. Только мой совет: когда надумаешь жениться, жену толковую выбирай, чтоб вертушкой не была.

Шопша вспотел.

— Я вот в такси работаю, — продолжал объяснять Валентин, — уже шесть лет. Бабья разного перевидал — пропасть. Иная сядет, нога на ногу, сигареты в зубы. Поинтересуюсь: «Что за нужда деньги в дым превращать?» Разоткровенничается, чуть ли не плачет. И от чего, думаешь, слёзы? Говорит: «Несчастливая я!» — «Что так?» — «Мужика найти не могу...» Невольно удивишься: «Да вон их сколько вокруг!» Вздохнёт, пожмёт плечами: «Всё не то. Видимость одна». — «От чего же тогда дети берутся?» — «Ребёнка сотворить — многого не надо...» — возразит уныло.

— Больных хватает...

— Не скажи. У нас ведь как бывает? Стал мужик прилично зарабатывать, а коль деньжата появились — выпивать. Иной так нахрюкается, что однажды выпьет, а всю жизнь похмеляется. Разве до жены такому?

— Нашёл о ком говорить, — нахмурился Шопша, — давай-ка чайку попьем. А то мне утром на работу, — и включил электрический чайник.

Когда чайник вскипел, разлил кипяток по бокалам, опустил в них по пакету чая, вздохнул:

— А я армейскую записную книжку потерял и остался без твоего адреса. Если бы не сегодняшняя встреча... Правду говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком — всегда.

После выпитого вина — десяти лет неведения как не бывало, и подошёл момент, когда Валентин предложил:

— Пойдём прогуляемся и ко мне нагрянем. Посмотришь, как я живу.

По дороге Валентин затащил Шопшу в магазин и, не желая остаться в долгу, купил бутылку водки. Константин воспротивился, но тот объяснил:

— Ты можешь не употреблять, а я себе налью — как-никак в отпуске. — Валентин в этот момент был весел, не страшился ворчания жены и даже был уверен, что она будет рада увидеть Шопшу, о котором не раз слышала. И продолжение вечера, как показалось Валентину, получилось прекрасным, и лишь то, что Константин, сидя за столом, уж слишком откровенно разглядывал его жену, Валентина

немного сердило. «Как был деревенщиной, так им и остался!» — без особенной доброжелательности подумал Иванов, но эта мысль быстро забылась, и он более не вспоминал о ней, посчитав, что, думая так, только оскорбляет себя.

— Он кто по национальности? — спросила Серафима, а по-домашнему — Сима, когда Шопша ушёл.

— Не знаю. Да мне всё равно: говорит по-русски, значит, русский, — ответил Валентин и удивлённо взглянул на жену.

— Слова из него не вытянешь. Вместо слов — дремучесть. У него и фамилия какая-то шипуче-дремучая, похожая на змеиную. Шоп-ша, — врасстяжку, будто прислушиваясь, произнесла Симочка странную фамилию и улыбнулась: — Бывает же!

— А что, у русских дремучих фамилий не бывает?

— Да я вообще сказала...

— Вот то-то и оно.

Когда ложились спать, вновь пристала к мужу:

— Ну расскажи же, расскажи, — попросила она, желая услышать историю о том, как Валентин когда-то спас жизнь Шопше. Правда, эту историю Симочка уже знала, но те давние рассказы были о незнакомом человеке, теперь же, узнав его, Симочка прямо-таки загорелась: расскажи да расскажи! Словно от этого что-то изменится.

— Чего из пустого в порожнее переливать, когда ты лучше меня всё знаешь, — зевая сказал Валентин, и поудобней подмял подушку. — Ну, прыгали — на учении дело было — у Шопши вес побольше, и он десантировался впереди меня. Когда отделились от самолета и раскрылись парашюты, то потоком воздуха нас неожиданно понесло друг на друга. Я ему кричу: «В сторону уходи!..» А до него пока дойдёт... Короче, я застрял в его стропах, как муха в паутине. Шопша сгоряча ножик десантный выхватил и чуть ли не половину своих строп порезал. Купол его парашюта захлопал, словно простыня на ветру, и Шопша резко пошел к земле... Как уж я успел ухватить край его купола — не знаю. Вот так мы с Константином и спускались на моем парашюте: он внизу болтается, а я над ним — словно за шиворот держу... Приземлились относительно удачно. А он даже не догадался запасной парашют раскрыть. Я только ногу вывихнул. У него же неделю копчик болел. А после — мне отпуск, а Шопша прыгать отказался, и его перевели в хоззвод.

— Впечатляет, — отозвалась Симочка.

— Что впечатляет? — не понял Валентин: — Что прыгать потом испугался?

— Тот случай, — Симочка взглянула на мужа недовольно.

Ей казалось, что Валентин привирает, возвышает себя, и пусть нет его вины, но ведь он же попал в стропы к Шопше, а не наоборот! И Константин, можно сказать, собою жертвовал, и будь он на месте Валентина, поступил бы так же. В этом Симочка не сомневалась. А сегодня, увидев его, и вовсе прониклась к нему необъяснимой симпатией. В его неразговорчивости, некоторой грубости Симочка видела что-то от редкого явления природы, манящего таинственностью, которое не каждому дано увидеть. Симочка работала в заводской бухгалтерии и на мужиков насмотрелась достаточно: все они жалобщики — то с кого-то лишней рубль подоходного налога вычли, то кому-то больничный лист неправильно оплатили, то с начислением алиментов бухгалтерия, то есть и она, Симочка в том числе, что-то напутала. Сима понимала, конечно, что ходят жалобщики законно, и в их надоедливых визитах повинны сами бухгалтеры, но кто не ошибается! Это можно было понять, если б не тон «ходовков», их манера вести себя. И для того, чтобы хоть как-то расквитаться с этой недостойной частью мужского населения, она однажды пошла в заводской Дом культуры, записалась в драматический кружок, и вот уже два года успешно играет мужские роли кляузников, анонимщиков и прочих типов, порочащих сильный пол.

— Когда Костя ещё придёт? — спросила Симочка у засыпающего мужа.

— Не знаю. На днях он уезжает из Москвы. Но прежде мы с ним напоследок на охоту смотаемся, — отозвался Валентин, не открывая глаз.

Шопша появился через день. Он тихо просидел два часа с Валентином на кухне, не доставив особенных хлопот хозяйке, и так же тихо ушёл, чтобы через день появиться вновь. Ему всё нравилось в доме Ивановых. Он подолгу играл с их дочуркой: читал ей книжки, смотрел телевизор. Иной раз Константин листал охотничьи журналы и находил, что в них много хроники и мало художественности. Полистав журналы, он копался в книгах: читал в них предисловия и дивился тому, что многие классики покинули этот мир очень молодыми, но столько успели оставить книг! «И, наверное, хороших книг, если их всё ещё издают», — думал Константин и раз за разом ловил себя на мысли, что в последнее время он стал много размышлять.

Константин чувствовал, что в нём пробудилась дремавшая жажда познания, он всему дивился, словно ребёнок, и пытался постичь, понять и добиться того, что когда-то упустил. С недавних пор его интересовало то, о чём он год-два назад и не думал. Например, в конце лета поступил на курсы французского языка и пусть проучился на них всего месяц (стеснялся пытаться изъясняться по-французски при недавних школьницах, не сдавших летом экзамены в университеты), но и после столь короткого обучения в нём утвердилась вера в то, что не всё ещё потеряно, а раз так, то он, не долго колеблясь, начал учиться музыке: купил самоучитель для фортепиано и частенько заглядывал в красный уголок автобусного парка, где пылился расстроенный инструмент. Оказалось, это совсем просто (очень быстро выучил «Во поле берёзонька стояла»), но утомительно. Занимаясь музыкой, Константин однажды осознал, что эти занятия и изучение языка — путь к совершенству. Он поставил себе цель: достичь того состояния души, которое люди обозначают этим словом. Это решение ошеломило: он, Шопша, когда-нибудь будет гармонично развитым человеком, и он уже ступил на этот путь! Но теперь, когда он решил переехать, то поумерил мечтания, жизнь его вновь становится приземлённой, словно он начинал её с самого начала.

И вот настал тот день, когда Костя рассчитался и решил воспользоваться приглашением друга и навестить его перед отъездом. Валентин пригласил, только поставил условие:

— Напоследок побываем на охоте, чтобы потом, после твоего отъезда, было что вспомнить.

Иванову была приятна мысль, что в лице Шопши он нашёл наивного и независтливого друга. Ведь именно зависть друзей и родственников создала взаимную отчужденность, и причину её он, Валентин, видел в своей обеспеченной жизни. Но домашнее благолепие — это слово очень нравилось Иванову — не пришло к нему само собой. И в конце концов он не виноват в том, что природа наделила его умением жить, а других же с избытком одарила завистью. И многим Валентин не раз говорил: «Приходите в таксопарк, работайте на здоровье, кто вам не велит! Только учтите, что придётся вкалывать!»

В день открытия охоты они сгоняли на родину Валентина, где он заранее запасся у егеря путёвкой, и они славно поохотились, хотя Шопша и был без ружья. Он с вечера закинул пузатый рюкзак с вещами к товарищу, собираясь к

отъезду из Москвы, а утром, переночевав, они сперва затемно отправились на машине в соседнюю область — на родину Валентина. Возвращались ближе к вечеру. Зачехлённое ружьё и добытый заяц лежали в багажнике, а Валентин, подстреливший зайца, каждые десять минут повторял, как это у него получилось.

— Представляешь, — в который раз говорил он, — сорока застрекотала, а вниз глянул — заяц столбиком стоит, да огромный, чертяка! Вот такой! — доставал до потолка машины Валентин ладонью. — Ну, я его навскидку, почти не целясь...

Константин более помалкивал, но это шло не оттого, что он был не в духе. Он оценивал своё внутреннее развитие, сделавшее сегодня шаг вперед, и мог без конца слушать Валентина без всякого интереса, хотя нынешний выезд на природу, пусть и без ружья, оказался тем моментом в его жизни, которого он, возможно, дожидался все последние годы. Как жаль, что по-настоящему завязавшаяся дружба с Валентином совсем скоро оборвётся. И в какой-то момент Шопша подумал, что поздно, очень поздно он встретился с ним после большого перерыва, во многом изменившего их жизнь. И очень жаль, что утром он заберёт свои манатки у Ивановых и отправится на вокзал, чтобы к вечеру оказаться в своём селе.

Иванова же его заботы не касались. Он хотел побыстрее добраться домой и показать добычу жене — большой любительнице дичи: сколько будет ахов, вздохов! Костя даже представил, как он небрежно покажет зайца Симе, а ещё раньше подбежит пятилетняя дочурка и с опаской дотронется до чёрного кончика заячьего уха... Потом они в ванной снимут с зайца шкурку, между делом пропустят по одной, и ещё раз по одной... Благодать!

Всё так и было. Симочка бегала вокруг возвратившихся охотников, помогала им разобраться с охотничьим снаряжением и ласково называла мужа Малышом, а Шопшу — Костиком.

— Костик, Малыш загонял тебя, наверное? — спрашивала курносенькая, покрасневшая Симочка, — вид у тебя какой-то хмурый... Устал, видно, с непривычки. Но ничего, сейчас поужинаем, и усталость как рукой снимет.

Шопша незаметно поглядывал на неё и, не желая того, завидовал Валентину. «Всё-таки интересно жить с женой, — думал он. — Вот уж не первый раз вижу их, а они только и знают, что ссорятся и мирятся... «А как бы я, будь на месте

Валентина, жил с Симой? — неожиданно подумал Константин. — Нет, я бы не ссорился по пустякам, — мечтал Шопша, — она хорошая...» Застеснявшись потаённых мыслей, Константин зарделся и долго полоскал лицо холодной водой. При этом Шопша будто ненароком поглядывал в зеркало и умирал в себе дерзкую мысль: «А мог бы я понравиться Симе?» Константин положительно ответил себе на поставленный вопрос, но, увы, Серафима была замужней женщиной, а это убивало в нём дальнейшую фантазию.

Когда запечённый в духовке и слегка подгоревший заяц остывал на столе, Симочка спешно расставляла разносолы. Спешка не мешала ей делать это со вкусом, а как только Шопша сел за стол, то, словно желая угодить ему, Симочка неоднократно меняла местами тарелки и наклонялась над столом, не жалея себя: халатик её распахивался, и, случайно скользя в вырез глазами, Константин замер, с трудом отвёл взгляд и принялся самозабвенно изучать замысловатый узор тарелки, стоящей перед ним... Тоска навалилась на Шопшу. Тоска непонятная, необъяснимая. «Почему я здесь? Почему стал желанным гостем? — терзался Константин, без всякого интереса расправляясь с куском всё-таки жёсткой зайчатины. — Ведь все прошедшие десять лет Валентин как-то обходился без меня? Ведь до того прикипел, что даже на охоту берёт. Что случилось, почему я вдруг стал необходим?»

Ему уже казался подозрительным и пьяный разгул Валентина, и улыбочность его жены. Всё в этом доме Шопшу вдруг стало раздражать. Даже дочь Ивановых — Яночка, пользовавшаяся попустительством родителей и всё ещё не спавшая, даже и она, забавы ради щипавшая Константина за нос и громко хохотавшая при этом, стала раздражать Шопшу, и он в душе придумал ей прозвище: Янка-обезьянка. Константину вдруг захотелось уйти, всё равно куда, где нет ни детских проказ, ни телевизионного неистовства — ничего и никого, одна тишина. В конце концов ночь можно на вокзале переждать. И Шопша стал собираться, но Ивановы воспротивились.

— Малыш, скажи Костику, чтобы не уходил, — говорила Симочка мужу, — у нас такой милый вечер...

— Ты дурака не валяй, — пьяно поддакивал жене Валентин и пытался обнять Шопшу, — ты мне друг или кто? Сейчас ещё по одной пропустим и... зайчиком заедим.

— Хорошо, — не желая обидеть хозяев, спасовал Константин, — только выпивать я больше не буду — мне надо рано вставать, чтобы успеть на утренний экспресс.

— Всё понимаю... А у меня сегодня удачливый день и прекрасный вечер, даже и Симулька-симпатулька не ругается... Дай-ка я тебя расцелую. — Валентин потянулся к жене, но та шутливо увернулась:

— Каждый овощ своё время любит! — и добавила: — Вы ещё посидите, а я пока Яну спать уложу.

Валентин выпил очередную стопку и вконец осоловел, понёс окоlesiцу:

— Я в отпуске и имею законное право на выпивку! Никто мне не указ, буду пить сколько хочу, а ты, Костя, если желаешь, иди спать ложись, вся большая комната в твоём распоряжении. Симпатуля тебе на диване постелет.

— Уже постелила, — неслышно вернувшись в кухню, сообщила Симочка. — И тебе пора спать, — напомнила она мужу, — а то уже носом по тарелке возишь...

— Ладно, хватит на сегодня. Пошёл я в ванную, а ты, дорогуша, со стола убери.

Валентин закрылся в ванной комнате, Костя перешёл в большую комнату, где уже ему было постелено. Он слышал, как в ванной полилась вода, но не заметил, как скользнула Серафима и опустилась к нему на колени, сидевшему в кресле... Она нагнулась, обняла его и начала целовать, не произнеся при этом ни слова, словно они заранее всё сказали друг другу или о чём-то договорились. Шопша задохнулся от поцелуев и неожиданности. Он силой отстранился, оттолкнув ее, и негромко спросил:

— Зачем ты так?

Она ничего не ответила, выскочила из комнаты, словно и не было её. А Константин, не зная, что делать, взял лежавший на столе охотничий журнал, начал листать его. Сразу пришла мысль: тотчас подняться и уехать на вокзал и дожидаться утра, лишь бы никого не видеть из этой семьи. И он уж было поднялся, но сразу же осадил себя: «Что подумает Валентин? Ведь возникнут сомнения: сидел-сидел мужик, а стоило хозяину в ванную комнату удалиться — сразу собрался уйти. А почему, что такое случилось за это время? Нет, — вздохнул Костя, — теперь надо оставаться, делать вид, что ничего не произошло».

Он дождался, когда из ванной вывалился распаренный хозяин, не сразу спросивший:

— Ты всё сидишь? Я уж думал спишь давно.

— Сейчас буду укладываться. Надо мне будильник на пять часов завести, чтобы на экспресс вовремя попасть.

— Это мы запросто.

Иванов нашёл будильник, попытался завести его, но отдал Шопше:

— Сам заведи, а я спать пошёл.

Разобравшись с будильником, Костя завёл, поставил на стол, продолжая обдумывать случай с Серафимой.

Он неторопливо разделся, аккуратно сложил одежду на стуле и лежал в постели тихо, прислушиваясь к звукам вечернего дома и привыкая к полумраку. За окном ветер раскачивал светильник, неярко свет его путался в оконных шторах и несмело блуждал по комнате. Константин мало-помалу успокоился, и прошедший день ему уже не казался суматошным. «Так, наверное, и должно быть, — думал он, размышляя о семье, с которой неожиданно сдружился, — у них устоявшийся образ жизни, каждый из них нашёл занятие по душе: Валентин охотой увлекается, двухнедельный отпуск ради неё зимой берёт, а Симочка ходит на репетиции драматического кружка, и эти их увлечения — своеобразный ритуал, в котором малознакомый человек не сразу находит своё место, и это естественно, что мне сегодня сделалось неуютно».

Он не применял грубых слов в отношении Симочки, потому что к этому моменту простил ей неожиданную выходку, и от теперешних размышлений отвлёк её голос, донесшийся из соседней комнаты. Она ласково, приятным шёпотом успокаивала захныкавшую дочь; Симочкин голос, приглушенный пространством, приобретший в полумраке некую таинственность, разволновал Шопшу. Он прислушался, надеясь вновь услышать его, но лишь доносился храп Валентина, всё усиливавшийся. Константин закрыл глаза, увидел себя будто со стороны маленьким человечком, блуждающим в неосязаемом беспредельном пространстве. Человечек беззвучно летел, кувырвался вместе с причудливыми живыми существами и неодушевленными предметами, плавно, как в замедленной киносъёмке, сближался с ними и двигался рядом с аистом, стоящим на одной ноге, с подбитым зайцем, натыкался на ружье и пытался собрать рассыпанные кем-то патроны, которые, подчиняясь могучей силе, один за другим исчезали в пучине чёрного болота с рыжей осокой по краям... Константин чувствовал, что засыпает, и понимал, что причудливые видения есть не что иное, как результат впечатлений дня, столь насыщенного и необычного.

От легчайшего колебания воздуха, свежестью обдавшего лицо Константина, от необъяснимой и волнующей догадки

Шопшу вдруг покинули фантастические картины, жившие в нём. Ещё не поднимая век, он знал, чувствовал, что перед ним стоит *она*. Это испугало Константина, и, раскрыв глаза, он хотел закричать на неё, прогнать, сказать что-нибудь обидное и грубое... Но Симочкина тёплая ладонь резко и властно коснулась губ Константина, накрыла их, и в первый миг Шопша задохнулся. Он сразу всё понял и отбросил пахнущую луком и резким кремом руку...

— Уходи! — свирепо прошептал Костя и отвернулся к стене. — Уходи... Иначе!

К счастью, вновь захныкала Яна, и Симочка бесшумно исчезла, оставив Шопшу одного. У него шумело в голове, словно он весь день пробыл на солнцепеке. Ему всё ещё не верилось, что Сима решилась на такое. «Гадина, шлюха! — обзывал её самыми погаными словами, но от этого легче не становилось. Хотя Константин лежал под одеялом, его трясло от озноба, зубы у него стучали, и ему казалось, что в комнате минусовая температура. Он понимал, что трясёт его от гадкого и мерзкого предательства, которое он мог совершить. «И кого я чуть не предал? Человека, спасшего мне жизнь, лучшего друга, пустившего в свою квартиру? Трус, предатель, сволочь — вот ты кто, Шопша!» — снова и снова искал Константин слова и не мог найти подходящих...

Больше оставаться в этом доме он не мог. Не включая света, едва справляясь с дрожью, Шопша начал одеваться, но опять же осёк себя, понимая, что неожиданным исчезновением среди ночи лишь вызовет ненужные подозрения. Как же Шопше надоело благоразумие! Он всё-таки остановился и до самого утра томился в забытии, а одеваться начал даже ранее прозвучавшего будильника, который он сразу накрыл подушкой, когда он затарахтел. Пока собирался, к нему вышел заспанный хозяин, на которого теперь Константин не мог смотреть, и что-то сказал невпопад. Когда же Валентин, раскрыв холодильник, предложил перекусить, попить чаю на дорожку, Костя отказался:

— Время поджигает, скоро метро откроется.

Валентин хотел было проводить его, но Шопша чуть ли не огрызнулся:

— Может, ещё за руку поведёшь?!

Он оказался у метро перед самым его открытием, а через полчаса был на вокзале, купил билет до Рязани и вскоре уселся в уютное кресло у окна. И сразу пришло успокоение, отошло ночное происшествие, и чужая семья отдалилась,

вспоминалась теперь как сон. И он, действительно, заснул и не хотел выходить из него, чтобы не ввергнуть себя в пучину обидных воспоминаний, казавшихся безрадостными, тяжёлыми от событий, происходивших против его воли. Теперь он далеко от всего этого, хотя приторные мысли не отступали даже во сне. Он проспал почти до самой Рязани. Пассажиров в вагоне было мало, поговорить оказалось не с кем, хотя он и не считал себя говоруном, но теперь охотно попытался бы отвлечься и забыть всё, что происходило после случайной встречи с Ивановым. Поговорить ни с кем не удалось, и постепенно его настроение сменилось, и остаток пути он радовался всему тому, чего пока не знал, но что ждало впереди.

Ему казалось, что, покинув Москву, он освободился от чего-то такого, что тормозило его. Постоянно цеплялось и не позволяло ни разбежаться, ни вдохнуть всей грудью, хотя вроде никто ему не мешал в этом.

Добравшись до Рязани, он переехал на автовокзал «Приокский» и купил билет на автобус до Дубравки, позвонил матери и сообщил новость:

— А я в Рязани, так что готовься встречать сына!

— Давно жду! — отозвалась она. — Все глаза проглядела. Только ты раньше меня дома окажешься. Еда в холодильнике — с голоду не помрёшь.

— Всё понял. Даже ужин на двоих приготовлю.

Мать Константина, Полина Ивановна, работала на почте. Заработок не ахти, но где найти другую работу, которой не так много даже в их большом селе. Не разбежишься. Хотя такая имеется, и то благодать. Она давно жила одна, разведясь с загулявшим мужем, Костиным отцом, и более замуж не вышла, да и не за кого особенно: кто из мужиков устарел, кто сильно пьющий. Так и жила пятый год одна, зная, что у неё есть сын Костя, который никогда не бросит. Она, конечно, переживала, что он до сего дня не женат. Первое время, когда он после армии обосновался в Москве, мечтала, что сын однажды приедет из столицы с невестой, познакомит с будущей женой, но год шёл за годом, а у него в этом деле никакой подвижки: как был закоренелым холостяком, так им и оставался до сего дня. Но тут уж ничего не поделаешь, своего ума не вложишь. А будешь настырничать в этом вопросе — только хуже сделаешь: замкнётся парень, потом в душу не влезешь.

Сойдя с автобуса в Дубравке и оказавшись дома, «парень» времени не терял. Готовкой ужина он заниматься не стал, а

переодевшись в повседневную одежду, отправился топить баню, желая смыть с себя всё, что налипло за последнее время. Он принёс из ручья несколько вёдер воды в котёл, разжёг под ним печурку. Промёрзшие половицы скрипели, но вскоре оттаяли, баня наполнилась влажным теплом, а пока оно копилось, Костя отправился домой перекусить и попить чаю. Заодно, чтобы порадовать мать, успел нажарить сковородку картошки. Когда вернулся в баню, то в ней уже было не продохнуть. Сразу вспотев, Костя налил в таз воды, облился, и, усевшись на высоком полке, почувствовал, как пот начал заливать глаза, выбиваясь из-под фетровой шляпы. Разомлев, он было захотел выскочить наружу, обтереться молодым снегом, как ранее всегда обтирался, но поостерёгся, отвыкнув за последние годы от экстремального удовольствия и опасаясь, что заболеть недолго, долго потом нужно будет лечиться.

Когда вернулся домой, мать уже вернулась с работы.

— Вот и мама Полина пришла! — обрадовался он.

— Я уж не стала тормозить тебя, — расцеловалась она с сыном. — Думаю, напарится в охотку, грязь городскую смоем с себя — сам прибежит. Ну а теперь рассказывай!

— Да чего рассказывать, если сама давно всё знаешь. Троллейбусный парк закрыли, работать стало нелегко, переучился на электробусы, да жить на птичьих правах не захотелось. Уж лучше, думаю, на родину поеду. К тому же мои мечты о московской квартире отдалялись с каждым годом из-за инфляции. Так что решил круто всё изменить. А в лесхозе, говоришь, место держат?

— Держать-то держит, да только что-то народ у арендатора не задерживается: грубый, самолюбивый, зарплату вовремя не платит — кто с таким работать станет?

— Начальники все такие. Мне что-то другие и не попадались. Может, и правда: сразу в Рязани устроиться. Электробусов там нет, но троллейбусы закрывать пока не собираются, даже новые сегодня на улицах видел... Ты-то как работаешь? Почту вашу не собираются разгонять, а то только и слышишь, что сокращения везде да оптимизация.

— Пока держимся. Даже летом новую почтальонку взяли.

— Кто такая?

— Местная. Знаешь ты её. Вместе учился. Екатерина твоя...

— Маслакова, что ли? Какая она моя.

— Твоя и есть. Встречался же с ней.

— До того, как в армию призвали. Потом её и след простыл. Демобилизовался, а она уж замужем.

— Ты же любил её, дня жить не мог.

— Я-то, может, и любил, а кто-то, видно, не очень. Вообще-то я не привык размениваться на всяких.

— Ну, это дело такое — сердцу не прикажешь. Муж от неё два года назад ушёл, так она теперь одна со своим мальчишкой куётся. Правда, родители помогают.

— Чего развелась-то?

— Муж загулял.

— От серьёзных не гуляют. А у неё как был ветер в голове, так и остался. А боженька всё видит, — сказал Константин и осёкся, вспомнив, что и мать с отцом развелась из-за того, что тот загулял. Подумал: «Это у нынешних женщин поветрие такое: чуть чего не так — муж загулял».

— Не говори так. Никто не знает, что с ним завтра будет.

— Ладно, всё — закрыли тему! — вздохнул Константин. — Ужинать пора — голодный, как волк.

— Сейчас буду накрывать на стол... — сказала Полина Ивановна.

Когда они разогрели картошку в сковородке, отварили сосиски, поставили тарелку с квашеной капустой, нарезали ветчины, в окно кто-то постучал.

— Кого же это бог послал? — встрепнулась хозяйка.

Она пошла узнать, кого принесло, а вернулась не одна, а вместе с Екатериной. Константин от неожиданности зарделся, но не растерялся:

— Уже сговориться успели! Ловко вы! — удивился Костя и кинулся рассматривать Екатерину, покрасневшую то ли с мороза, то ли от волнения.

Он видел её минувшим летом, когда приезжал в отпуск, даже однажды поговорил при случайной встрече, но тогда разговор ничем не закончился: никто не откровенничал, не жаловался. Мол, всё хорошо и жизнь прекрасна. А теперь вдруг сама появилась и ведь неспроста нахальства набралась. Наверняка от матери всё узнала и вот нарисовалась: смотрите на неё. А смотреть-то особенно не на что. Это когда в школе учились, она казалась самой лучшей: невысокая, крепенькая, завитушки льняные, а теперь показалась исхудавшей, куртку сняла — Костя помог повесить на вешалку — смотреть-то и впрямь не на что. И причёска какая-то мальчишеская, делавшая её похожей на пацана. Но он вида не подал. Взял за локоть и усадил за стол, сказав при этом:

— Уж не знаю, с какой целью пришла, но коли появилась — поужинаешь с нами. — И посмотрел ей в серые глаза, заметив, что за все эти годы они не изменились.

Екатерина стеснительно села на краешек стула, переглянувшись с хозяйкой, и Константину показалось, что неспроста они переглядываются. Явно сговорились. И ему сделалось смешно, подумалось: «Неужели я такой завидный жених, что с первых минут меня взяли в оборот? А что, Костя, так и получается. Знать ты ничего не знал, а за твоей спиной заговор произошёл!»

И он по-настоящему развеселился и вспомнил прежние, теперь далёкие годы, когда дружил с Екатериной, и всё тогда легко и просто у них получалось. Примерно так, как теперь. Никогда и ни с какой женщиной у Кости не замечалось такой лёгкости — всегда тяжело складывались отношения, продолжавшиеся иногда всего лишь вечер, а сегодня, сейчас, будто повстречал давнего, милого друга. Поэтому, себя не узнавая, начал ухаживать за Екатериной, и сложилось такое мнение, что они и не расставались никогда, а Екатерина и замужем не была, а он только-только вернулся из армии — и вот она рядом с ним: смотри и радуйся.

Они поужинали, попили чаю с конфетами, и Константин не стал удерживать гостью, но вызвался проводить её. Помог одеться, а вскоре они шагали родным селом. Шопша не удержался, спросил:

— Кто тебя надоумил прийти?

— Мама твоя... А ты не рад?

— Рад, но более удивлён.

— Уж извини, такая теперь стала.

— Да нормальная ты.

— Нет, Костя. Внешне, может и не изменилась, а в душе всё давно поменялось. В последнее время много думала о нас. Как сердцем чувствовала, что ждут перемены. А как-то твоя мама случайно сказала, что ты насовсем собираешься вернуться, то и сна лишилась. Ты уж прости меня, что в юности всё так получилось. Я давно сама не рада. Какой-то туман тогда накрыл, как пьяная ходила.

— Ладно, всего-то не рассказывай.

Они незаметно дошли до её дома, остановились около веранды, Катя вздохнула:

— Вот я и пришла... Мы ещё увидимся?

— А тебе хочется?

— Конечно. Иначе сегодня не мелькала бы.

— Тогда продиктуй номер своего телефона. Завтра-послезавтра позвоню.

Она продиктовала, он отзвонился, чтобы номер зафиксировался у Екатерины.

— Сохрани его. В случае чего, сама позвони. — У неё заквакал телефон, а Костя улыбнулся: — Как видишь, не обманул.

Он обнял её, прижал к себе и порывисто поцеловал, будто подтвердил все свои сегодняшние слова. Нацеловавшись, она не хотела отпускать его, но он, сказав: «Хорошего понемножку» — расстался, пообещав завтра позвонить.

— Ну и как дошли? — спросила дома Полина Ивановна. — Всё нормально?

— А что ты подразумеваешь?

— Ничего особенного. Так просто спросила.

— Тогда я спать. Хотя меня ранними подъёмами не удивишь, но сегодняшний день показался сверхдлинным.

— Отдыхай, конечно. Завтра хоть до обеда спи — никто мешать не будет.

Костя действительно проснулся лишь к обеду, хотя по привычке поворочался с боку на бок около пяти утра, когда привык вставать в утреннюю смену, но теперь это в прошлом. А когда оно вновь вернётся, и вернётся ли — пока в тумане. Он помаленьку разломался, позавтракал, потом, заглянув в холодильник, подумал, что он пустоват, и решил сходить в сетевой магазин. Сходил, затарился, набрав два пакета еды, чтобы не ждать, когда мамка покормит, и с хорошим настроением возвращался. Шёл не спеша, и вдруг кто-то обогнал его. Оглянулся — Катя!

— Откуда, зазноба?!

— С работы.

— Рано что-то?

— Корреспонденции мало теперь. Письма пишут, в основном, пожилым, а молодёжь теперь в смартфонах переписывается, газет почти нет. Журналов вообще ни одного. Участок обошла, теперь домой.

— Так и почту закроют!

— Грозятся. Мы и так лишь дважды в неделю по селу ходим, а когда в начале месяца пенсии разносим, то почтаще получается.

— Одним словом, не переломишься.

— Это так. Только и зарплата соответствующая. Больше из-за стажа работаю.

— Никуда такое дело не годится, но где-то работать надо.

— Можно бы в Рязань ездить, но это сплошные проблемы: то автобус сломался, то пробки. Как-то ездила туда — два часа обратно добиралась, а по-хорошему-то — сорок минут... Давай пакет помогу нести, а то у тебя руки без перемены — затекут.

— Пока терпимо.

— Как хочешь.

— Погоди, — он остановился и переложил из пакета в пакет часть продуктов. — Вот так полегче тебе будет.

Что уж задумал Шопша — бог весть, но Катя его поняла. «Домой заманить хочет, пока мать на работе!» А она и не против: посидеть, поболтать, попить чаю. Думала, что так и будет, но когда пришли и разделись с улицы, Костя помыл руки, разложил продукты, включил чайник и принялся резать бутерброды с ветчиной и сыром. Когда чайник закипел, заварил чай и в какой-то момент замер, разглядывая Екатерину, словно что-то задумал.

— Ты чего? — удивлённо спросила она, но он ничего не стал объяснять, а подхватил на руки и уложил на диван.

— Ой, — вскрикнула она от неожиданности, словно обожглась...

С этого дня Екатерина каждый день заходила к нему после работы, а если не работала, то приходила, собрав сына в школу и дождавшись, пока мать Кости уйдёт из дома. И такой регламент Шопше очень нравился, но он помнил, что его ждут в Рязани, пока ждут. Поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, он как-то поговорил на эту тему с матерью, спросил о том, что ему делать далее. Точнее, сказал:

— Мам, разговор есть! — и поставил стул к столу. — Присаживайся! — и сел напротив неё.

Она внимательно посмотрела на него:

— Ну, говори!

— Не обидишься, если я в Рязани обоснуюсь? Хорошо, конечно, у нас, но где работать? У местного арендатора-лесовода, который, Катя говорит, зарплату по три месяца своим работягам не платит? А больше и негде пристроиться, потому что все мало-мальски приличные места давно заняты. Да и не хочется пахать на дядю. А так буду по-прежнему выруливать на троллейбусе: сам чистенький, руки белые. Смену баранку покрутил — и свободен. К тебе по выходным чаще буду ездить.

— А жить-то где в Рязани будешь?

— Квартиру куплю! Я же тебе денег давал на хранение... Сохранила?

— Конечно, сохранила. И очередной депозит заканчивается с сумасшедшими процентами.

— Вот и вовремя. А проценты уже начали снижать. Так что не всё коту масленица. Самое время подумать о чём-то серьёзном.

— О квартире?

— Правильно мыслишь.

— На однокомнатную квартиру этих денег не хватит даже в Рязани.

— У меня ещё кое-что в запасе есть. Можно двухкомнатную взять.

— Во, разохотился-то?! Это тебя Екатерина надоумила? Не её ли это варежку сегодня на веранде нашла. Вон на табуретке лежит.

Шопша замялся.

— Ладно уж не мнись. Расскажи всё как есть... Скрывать-то нечего, если бабы говорили, что, мол, Катюха зря времени не теряет.

— Мам, сама же все уши прожужжала: женись и женись. Вот, значит, и время пришло.

— Да у неё ребёнок в третьем классе учится.

— Ну и что...

— А то. Помоложе бы надо найти. Тем более что сам не из последних: не выпиваешь, не куришь, при деньгах. Попробуй найди такого!

— Мам, спорить не буду, но Катерину я давно люблю и все эти годы любил. И если такая история с ней получилась, то что теперь: застрелиться и не жить? Да и не сама она развелась, а муж в вольное плавание отправился. Вот и пускай развлекается. А мне уж тридцать второй год, давно пора определиться. А насчёт молодых так скажу: были у меня и такие. Только они, как узнавали, что живу в общежитии и своего угла не имею, то на следующий день их и след простывал. А те, которые на всё согласны, мне и самому даром не нужны. Вот и выбирай, что лучше.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Тебе жить. А как ты всё это видишь? Ведь опасно одному с большими деньгами покупать квартиру без свидетелей. Давай-ка своего брата попрошу, Николая. Он мужик опытный, на вахты ездит, с людьми всякими общается, да и вообще надёжный. К тому же на машине.

Шопша думал об этом, зная, что легко можно нарваться на проходимцев и расстаться с деньгами. Но никого у него не было, кому можно довериться, лишь на худой конец оставался Валентин Иванов, но после выходки его Симочки у Константина к нему и его семье душа не лежала. Да и выпивает он изрядно, а такие всегда ненадёжные: наобещают чего угодно, а как надо что-то конкретное сделать — так в кусты, а потом будут кулаком в грудь бить: мол, как лучше

хотел. Так что предложение мамы — самое верное предложение.

— Я согласный. Мудро! — Костя поцеловал мать. — Ты у меня самая лучшая.

Когда она в тот же вечер связалась с Николаем, жившим в Рязани, и поговорила с ним, тот сразу успокоил и обнадежил:

— Не переживайте. У меня свояк риэлтором работает. Все ходы-выходы знает. Обещаю — поможем. Как будете готовы — сообщите. Ещё три недели я буду дома, за это время надо успеть, начинаем завтра. Я поговорю со свояком, а вам надо деньги приготовить и обозначить свои пожелания.

— Вот, поговори с Костей...

— Привет, племяш! Что-то грандиозное задумал.

— Привет! Так и есть.

— И на что глаз положил?

— Хочу двухкомнатную квартиру взять поближе к троллейбусному парку, чтобы пешком можно ходить после вечерних смен и рано утром.

— Ну это тебе надо где-то присмотреть в районе третьего парка. Там и новостройки есть, и район неплохой, современный. А «вторичку» не хочешь, если чего?

— Вообще-то нет. Ремонт ведь надо делать, а это время и суета.

— Ну почему? Выставляют на продажу отличные квартиры с ремонтом.

— Смотри сам, но я своё пожелание высказал.

— Хорошо, договорились. Завтра созвонимся... Передай трубку матери...

Они ещё о чём-то говорили, а Костя не слушал их, оказавшись в плену мыслей, уносивших далеко-далеко, в сказочное царство, в котором он никогда не был.

Когда поговорили, мама спросила:

— Ты всерьёз хочешь всё это затеять?

— Ну так, а чего? Значит, пора пришла, если такой разговор пошёл.

На следующий день дядя познакомил его с риэлтором Леонидом — молодым, суетливым и хитроглазым мужиком в короткой дублёной куртке, и тот ему рассказал, где какие новостройки, примерные цены назвал. Они заехали в офис компании и там им всё разъяснили, что по чём. Единственное, к чему прицепились — к отсутствию прописки у Кости.

— Это не проблема. Сегодня же пойду в свою сельскую администрацию и решу этот вопрос.

— Тогда более нет препятствий. Собирайте документы, если будете брать по ипотеке, даже можем забронировать одну из квартир.

— Никакой ипотеки не будет — мы не так богаты, чтобы деньги в проценты превращать. Сразу оплатим наличными.

— Это даже для нашей компании лучше.

— Квартиру можно посмотреть?

— Нет препятствий.

Они съездили к новостройке, и администратор сказал:

— Мы посмотрим квартиру на пятом этаже. Ниже уже проданы, кроме первого, и так вплоть до 25-го все свободны.

Посмотрели. Комнаты отдельные, прихожая большая, балкон, кухня — десять квадратов. Вид из окна на сквер. То, что надо.

Костя посмотрел на Николая:

— Ну что — годится?

— Тебе решать.

— Я согласен... Осталось только деньги собрать. — И спросил у администратора: — Сколько на это время отводится?

— Чем раньше, тем лучше. За несколько дней организуете, будет прекрасно.

Они отвезли служивого на его работу, и Леонид сказал Николаю:

— Готовьте деньги. Приготовьте — дадите знать. Телефон ваш у меня есть.

Они расстались и, немного отъехав, Костя сказал дядьке:

— А ведь деньги-то у меня в Москве. Надо несколько дней подождать, когда закончится срок депозита, чтобы не терять проценты, а для этого необходимо будет смотаться в столицу на пару дней. Одним днём не управиться: чтобы получить деньги, прежде необходимо их заказать.

В Москву они отправились через неделю. Подгадали к нужному дню, заказали получение денег на завтра и собирались сутки перекантоваться в машине, но Константин настоял на гостинице. Они нашли недорогую на окраине, купили продуктов на ужин и завтрак и спокойно переночевали, а после полудня поехали в банк за деньгами и полвторого отбыли из столицы с кругленькой суммой.

— А ты — молодец! — похвалил Николай племянника. — Сумел скопить на квартиру — не каждый на это способен. Многие живут от полочки до полочки и не понимают, куда деньжата уходят. А петух жареный прижмёт — бегут в

банк за кредитами, а потом возвращают несколько лет, да с огромными процентами.

— Ну так, а чего... Когда-то отец сказал мне, тогдашнему пацану: «Деньги есть не у того, кто зарабатывает много, а у того, кто мало тратит». Вот я и живу по такому принципу. И не жалею.

— Все бы так жили, только не каждому это дано.

В тот же день, уже затемно, Костя остался ночевать у Николая, предварительно созвонившись с риэлтором, пообещавшим не задира́ть свой процент от сделки.

— А бесплатно, ребята, ничего не делается. Тем более в таком тонком деле.

Оформив документы, Шопша вскоре зарегистрировался по новому адресу, предварительно снявшись с регистрации в своём селе, собрался всерьёз поговорить с Катей, к тому времени ничего по-настоящему не знавшей о затее с квартирой, и почему-то переставшей встречаться с Костей. Когда же он допытался, то расплакалась, посоветовала:

— А ты у своей мамы спроси! А то она очень большая противница нашей с тобой совместной жизни!

— Она ничего не говорила, и я знать ничего такого не знаю.

— Зато всё село знает, что я к тебе на шею бросилась, жизни не даю.

— погоди, надо разобраться. Я поговорю с ней.

— Вот и поговори, а я пока подожду. Хотя чего ждать: ты как был куркуль, так им и остался. Хоть бы сыну моему шоколадку купил. О себе-то я молчу.

— Вот съедемся и всё изменится. И шоколадки, и всё другое будет.

Хотя Шопша обещал поговорить с матерью на эту тему, но так и не поговорил. Не хотел её расстраивать досужими сплетнями. Да и Екатерина хороша — сразу забастовку устроила. Нет бы обсудить, узнать, что к чему, а то в позу встала. «Ну а если встала, то стой в ней и далее, может, что-то путное в голову взбредёт». От такой мысли Костя вдруг резко изменил отношение к подруге. Сразу навязчиво вспомнилась её давняя измена, свои собственные страдания и сделалось неприятно, и почему-то даже поразился такому повороту. «Оказывается, она вошла в доверие, сыграла на моих душевных струнах, — думал он, копя обидную горечь в душе, — а при первом же испытании сразу изменила своё отношение. Мать ей не понравилась! А она наговаривать не будет. Ей лучше видно со стороны, и плохого

своему сыну она никогда не пожелает. А то разлетелась, героиня... Не в том ты положении... Знал я таких...»

Он по-настоящему обиделся на Екатерину, даже обозлился из-за того, что ей не хватило ума понять, что другого такого мужика она не найдёт. «А то, что сплетничают на селе, — так и пусть сплетничают. У тебя своя голова должна быть! — думал он. — А если её нет, то свою я тебе не отдам. А то распустилась, нос задрала. Видали мы таких. Молодых сейчас пруд-пруди. И без довеска найду. Теперь с квартирой только свистни — сразу очередь выстроится!» Наверное, рассуждал Костя эгоистично, даже цинично, но по-другому не мог, когда вспоминал Симу, которая всё ещё не забылась из-за своего недавнего вероломства.

Въехав в пустую и просторную квартиру, казавшуюся без мебели гулкой, Костя за несколько дней обставил её. На деньги, хранившиеся у мамы, он купил мебель, холодильник, телевизор — машины только мелькали у подъезда, доставляя купленное. Костя смотрел на всё, и душа его наполнялась восторгом: «Вот как надо жить! — хвалил он сам себя. — Да, потратил много, но ведь для себя же, для своей будущей семьи!» И что это будет именно так, он не сомневался. И кто бы говорил, что он такой-сякой, он никогда не обращал на эти сплетни внимания, понимая, что мелкие людишки сплетничают от зависти, от неумения жить и от собственной распушенности во всех смыслах.

После Нового года, который встретил с мамой, более или менее обустроив квартиру, он отправился в троллейбусный парк устраиваться на работу, не особенно надеясь, что его примут после значительного перерыва, но нет, в отделе кадров, едва посмотрев его трудовую книжку, удивились:

— Вы что же, после армии только на городском транспорте работали? — спросила опрятная женщина средних лет, похожая на его мать.

— Ну так, а чего... Так и есть, водителем первого класса стал.

— Мы только приветствуем ваш опыт. А то у иного посмотришь трудовую книжку, а у него даже на вкладыше места нет. Летун из летунов. А вы, гляжу, и зарегистрировались в Рязани. У родственников или знакомых?

— Зачем. Квартиру купил.

— Вы, что же, с семьёй переехали?

— Семьи не имею. Молодой пока.

— Тогда вы завидный жених. Наши девчата вас теперь облепят.

Шопша на это ничего не ответил, лишь усмехнулся.

Понимая, что он не настроен говорить на эту тему, кадровичка предложила:

— Вот направление к начальнику маршрута, он вам всё объяснит, закрепит машину.

Несколько дней Костя ездил на учебном троллейбусе, знакомясь с маршрутами своего парка, а потом выехал самостоятельно. Первые «круги» наматывал внимательно, привыкая к улицам, изучая контактную сеть и запоминая попадавшиеся неровности на проезжей части. А они, конечно, имелись. С московскими местные дороги не сравнишь, но не так уж чтобы безнадёжны они были. Работать можно.

Он не заметил, как отработал неделю, потом месяц. Познакомился кое с кем из водителей, но домой к себе никого не водил, когда они узнали, что он живёт один, и стали напрашиваться. А один и вовсе просился прийти с подругой и заночевать с ней. Уж чего-чего, но такого вероломства Костя не ожидал, отказал в резкой форме:

— У меня своей грязи хватает!

И более к нему ни с какими просьбами не стали обращаться. А ему только радость от этого. Да и чего чужим в его доме делать, если он не выпивает, не курит — о чём говорить. Это в столице с Валентином Ивановым проштрафился, повёл себя неадекватно, а здесь-то с какой стати квартиру превращать неизвестно во что. У него ведь порядок почти идеальный: пыли нет, каждую неделю ковры на полу пылесосит, у двери губчатый коврик лежит — когда с улицы приходит, обувь на нём снимает. Он только-только понял, какое это счастье — иметь своё отдельное жильё. Вернулся с работы, принял душ, перекусил и отдыхай, блаженствуй. Это не в селе жить, где забота на заботе сидит и заботой погоняет. Здесь всё по-иному, здесь комфорт. И уют! Это понимать надо. Это не в общаге тесниться, из одного крана умываться — здесь всё своё. Он даже в кабине троллейбуса уборку делал. На улице зимняя слякоть, а у него в кабине прибрано, на полу влажный коврик, а не как у иных окурки валяются. Его даже в пример начальник ставил: «Вот какой порядок надо держать. Вот что значит столица. Чистоплотный в жизни, такой человек и в душе грязи не потерпит!» Такие слова Косте нравились, и он легко применил бы их к себе, но как вспоминалась Симочка, будь она неладна, так его чуть ли не наизнанку выворачивало: вот курва-то попалась! И мысли о ней он гнал от себя, но она нет-нет да вспоминалась, и в какой-то момент он понял, что

тот случай останется в душе на всю жизнь, хотя ничего особенного и не произошло. Но сам факт вероломного посягательства при муже многого стоил.

Отработав полтора месяца, в большой выходной он собрался в родное село и, приехав к вечеру, рассказал маме, как живёт, чем занимается в свободное время. Пригласил в гости.

— В новогодние каникулы была, а более и не соизволила приехать. А то, хочешь, навсегда ко мне переезжай. Дом продадим, будешь в Рязани жить. Работы особой не обещаю, но на почту, думаю, устроишься без проблем.

— Нет, сынок, тебе надо собственную жизнь устраивать, а я, пока в силе, одна проживу. Уж как-нибудь буду здесь перебиваться. Весна придёт, начну в огороде копать, помидорчики-огурчики выращивать, закрутки делать. Приедешь когда-нибудь мать навестить, а тебе баночка свойских маринованных огурчиков в подарок. Или помидорок. Поди плохо. Вот женишься, если жена хозяйственная попадётся, то и свои закрутки в доме появятся. А если у неё не будет охоты возиться, то и купить можно. Сейчас ведь всё есть в магазинах, были бы деньги.

У Кости вдруг появилась мысль спросить о Екатерине. И он спросил, вдруг поймав себя на мысли, что по большей части и ехал в село именно за этим:

— Твоя помощница-то как поживает?

— Уволилась она. На её место другую взяли, а она в лесхоз жить переехала, поближе к арендатору. А арендатор-то наш из соседнего района, а там, говорят, у него семья. И хорошо, что уехала, а то тебе голову закружила, а ты и раскрылился. Я уж в тот раз не стала тебе говорить, но ты у ней далеко не первый был. С ней муж-то из-за этого развёлся! А ты всё: школьная любовь, школьная любовь... Теперь-то хоть понял, от чего тебя Господь отвёл. Так что живи в Рязани, присматривай себе женщину самостоятельную, а всяких погремущек от себя гони. Знай себе цену — за каждую юбку не цепляйся.

Они ещё немного поговорили и сменили разговор. На следующий день Константин колол дрова для печки и бани. Их привезли из лесхоза в чурках, и вот по морозцу они легко кололись. Костя переколол машину дров, сложил в несколько рядов к стене сарая; пока занимался дровами, протопил баню, нагрел воды и потом с превеликим удовольствием понежился на полке.

Наутро, правда, ломило всё тело от непривычной работы и еле-еле разломался. А когда в одиночестве пообедал, то

начал собираться на автобус до Рязани. Лишь маме на работу позвонил, доложил, что дом закрыл, всё, что надо, выключил. Хотя и легко заочно расстался с матерью, но уезжал из Дубравки с тяжёлыми мыслями, и всё из-за известия о Екатерине. Почему-то обидно стало, что так ошибался, и мать ничего тогда не говорила. Хотя чего она скажет. Сказала бы что-нибудь, так ведь всё равно не поверил бы. А теперь всё на свои места встало. В какой-то, правда, момент мелькнула мысль, что, возможно, мать преувеличила, может, даже приукрасила. А может, это так и есть? Не станет же она придумывать то, что легко проверить, — об увольнении Екатерины. А так всё правильно, и нет теперь смысла душу скрести, думами мучить себя.

И печальное настроение у него сохранилось надолго. Прошла неделя, вторая, а ничего его не радовало, и в квартире он давно привык, казалось, что всегда жил здесь. На работе он особых знакомств не заводил, видимо, мужики сразу раскусили, что он за фрукт, и теперь сторонились его. А ему и не нужен никто, когда у него постоянные пассажиры появились, начали приветствовать. У него и в Москве были такие, особенно на ранних и поздних рейсах. Один такой всегда ехал завершающим рейсом. Всегда заплатит за проезд, да ещё отдельно сто рублей даст лично в руки, и от него всегда вкусно пахло, потому что он работал в ресторане. Другой, наоборот, всегда семечками угощал. Заглянет в кабину, положит кулёк на панель и едет довольный, переглядываясь с Костей в зеркало заднего вида. Добрый человек, спасибо, конечно, за внимание, но, придерживаясь правила «из чужих рук не есть», он отдавал семечки воробьям на конечной остановке, хотя от внимания постороннего человека всегда становилось приятно. А воробьи, похоже, даже ждали появления Кости. Потом, когда тот человек пропал, Костя похвалил себя за осмортельность и стал сам запасаться семечками и подкармливал прирученных воробьёв.

В Рязани пока никто не примелькался, лишь дважды попадалась на глаза яркая особа в белой высокой шапочке и рубиновом стёганом пальто. Сперва думал, что какая-то любопытная студентка заглядывает в кабину, а потом понял, что на студентку она мало похожа — явно постарше, но и не настолько, чтобы причислить её к перестаркам. Если бы не медного цвета волосы, что пушисто топорщились из-под шапочки, то Шопша пригляделся бы к ней. А так что-то душа не лежала. Тем более что она не каждый день попадалась

на глаза, особенно в час пик, когда не протиснешься к кабине. А как-то, когда работал во вторую смену, увидел её на конечной, хмуро сказал:

— Девушка, троллейбус дальше не идёт... Необходимо выйти.

— А я обратно п-поеду.

Шопша сперва замялся, а потом разъяснил:

— По инструкции положено пассажирам покидать салон на конечной остановке, водитель обязан осмотреть его на наличие посторонних предметов. Ну так, а чего... Поэтому вам необходимо выйти и вновь вернуться в салон на остановке.

— А я п-повторно оп-плачу п-проезд.

— Оплатите, когда вновь войдёте в троллейбус. Я разве непонятно сказал. Нельзя посторонним находиться в салоне в отсутствие водителя. Вы, быть может, собрались угнать троллейбус! Угоните и совершите аварию, и кто потом будет отвечать?

— Что, я такая п-подозрительная?

— Мне всё равно, какая вы есть, хотя ведёте себя действительно подозрительно, но правила остаются правилами, и никому их нарушать не полагается.

— А я, может, хочу п-познакомиться с вами...

— Зачем я вам? Вы такая интеллигентная, нарядная, причёска яркая. На каком базаре краску купили? — подковырнул Константин.

— Если хотели обидеть меня, то у вас это не п-получилось, потому что мой цвет волос п-природный, я от п-природы рыжая! Разве неп-понятно? Да вам, видимо, всё равно. Не собираюсь я с вами ни говорить, ни тем более в обратный путь. П-прощайте. — И вышла из салона.

Костя даже ничего не успел сказать в ответ, хотя с ней особенно и не поговоришь, если она, как заметил он, заикается на букве «п».

Когда на круту развернулся, то рыжая незнакомка пропала. Пригляделся, а её белая шапочка из-за павильона видна. Постоял на остановке, даже посигналил, но не дождался её и уехал. Много разных пассажиров повидал Костя, но такую капризную впервые встретил. Бывали, конечно, похожие, всё более студентки, — прилипнут к кабине и стоят, глазеют, а как выходят, то и не посмотрят. А чего, спрашивается, глазели? Детское любопытство, интересно смотреть, как дядька баранку крутит?

Шопша думал, что она более не будет ездить на его троллейбусе, потому что до той остановки, на которой она

обычно выходила, ходили троллейбусы дублирующего маршрута. И почему-то печально сделалось и обидно. Более всего на себя за то, что невольно обидел её, сказав о краске, что-то про базар сболтнул... И самое обидное, что теперь не знал, где её искать. Хотя, если напрячься, можно легко вычислить, зная, на какой остановке она появлялась. Он мог рассуждать так бесконечно, но заранее знал, что ни за что не будет искать её. Был бы мальчишкой, тогда бы другое дело...

Но на следующий день она вновь нарисовалась. Случайно заметил её в салоне: глянул в зеркало и на сердце отлегло. Она увидела, что он заметил её и улыбнулась, а он даже помахал ей. Чем ближе была конечная, тем меньше оставалось пассажиров, и она подошла к кабине, попыталась открыть дверцу. Шопша сам открыл, сказал, улыбнувшись:

— Рад тебя видеть! Знаешь, нам не разрешается разговаривать с пассажирами. Так что жди конечную, тогда минутку поговорим.

— Хорошо! — улыбнулась она

И от её улыбки с Шопшей что-то произошло необычное: неизведанное, шальное чувство навалилось на него, у него даже в глазах зашипало, слёзы мелкой росой обозначились.

Несколько остановок они переглядывались в зеркало, а когда троллейбус остановился на конечной, Костя, закрыв двери, вышел к ней. Она поднялась ему навстречу и подала руку:

— Рая!

— А я Костя... — представился он и не знал, о чём говорить. Она выручила:

— Ты, конечно, молодец-огурец... — по-приятельски она перешла на «ты». — Бросил меня вчера на окраине города одну. Не стыдно было?

— Конечно, стыдно. Надо было выйти из кабины и пригласить. Но, извини. Не сразу сообразил. На будущее учту, исправлюсь.

— Думаешь, у нас будет будущее?

— Не знаю. Как сложится.

— А ты раньше на каком маршруте работал?

— В Рязани ни на каком... Из Москвы недавно переехал. Тамошний мэр троллейбусы разогнал, и водители разбежалась кто куда. Я вот Рязань выбрал. У меня мама в области живёт. А ты где и кем работаешь?

— В НИИ.

— Инженер, наверное?

— В п-проектном отделе чертёжницей-дизайнером. После колледжа устроилась.

— Ну и что дальше будем делать?

— Не знаю...

— А я знаю, что у меня послезавтра выходной... Можно в кино сходить. Тысячу лет не был.

— Я согласна.

Костя достал телефон:

— Тогда диктуй телефон. Позвоню. Да и завтра, наверное, увидимся.

Он забил её номер в свой телефон, коротко отзвонился, чтобы он зафиксировался, и спохватился:

— Ой, мне пора отчаливать. Опаздываю!

Рая сошла на остановке, на какой обычно и он выходил, оставив Костю в нахлынувшем потоке мыслей и чувств. Что-то неожиданное произошло с ним. Но что? Хотя почему неожиданное: с ним и ранее такое случалось. Всегда девушки проявляли инициативу, а он оказывался в роли догоняющего. Вот и сегодня произошло тоже самое, хотя положительный сдвиг в лучшую сторону заметил даже он сам, когда пригласил Раю в кино, впервые созрел до такого приятного предложения, хотя и не знал, где находятся кинотеатры, как они называются, какие фильмы в них идут. Да не всё ли равно. Наверняка Рая знает, а ему заморачиваться нет смысла: какой кинотеатр назовёт, в такой и пойдёт. Надо только подготовиться.

На следующий день он договорился, где завтра встретиться, во сколько, и назавтра, собравшись, надел новую тёмно-синюю удлинённую куртку, новые сапоги, вместо обыденной чёрной шапочки — кепку-шестиклинку и отправился в центр города, отметив про себя, что когда жил в Москве, так красиво редко одевался. Но в Рязани захотелось выглядеть по-столичному. И в последний момент вспомнил: если уж шёл на первое свидание с Раем, купил аккуратный букетик цветов (вообще-то он такие не любил, привык, что цветы, розы, например, должны быть чуть ли не метровой длины, а теперь, видно, мода сменилась, и он часто видел, что покупают именно такие букеты: небольшие и составленные из разных пёстрых цветов). Пришёл к кинотеатру заранее и, всё-таки волнуясь, прохаживался около входа. Приглядывался к белым шапочкам и проглядел Раю, оказавшуюся в светло-бежевом берете, красиво смотревшемся с её рубиновым пальто.

Но вот они встретились, прошли в зал, и она села от него по левую руку. И Костя вспомнил, что именно так и должны сидеть неженатые мужчина и женщина. Он снял куртку, сложил её, кепку аккуратно, чтобы не сломать козырёк, положил в карман и оказался в тёмно-вишнёвом пуловере, гармонировавшим с пальто Раи. Заметив это, Костя шепнул:

— Мы с тобой, как птенцы из одного гнезда.

Она ничего не ответила, и он почувствовал, как от волнения дрожит её локоть. Улыбнулся. Сам он нисколько не волновался, словно каждый день ходил в кино с красивыми девушками, а то, что Рая красивая, Шопша понял только сейчас, когда оказался рядом с ней вплотную. Её берет очень красиво смотрелся на фоне густых, с медным отливом волос, её небольшой, слегка курносый и розоватый носик был совсем рядом, а на припухшие губы он не мог спокойно смотреть, потому что они привлекали естественностью и отсутствием помады, а если она и присутствовала, то совсем не была заметна. Лишь тёмные брови были слегка подведены и неплохо смотрелись тонкими изящными дугами, под которыми искрились глаза непонятного на первый взгляд цвета. Всё-таки присмотревшись к ним, он определил, что они у неё редкого зеленовато-синего цвета. В ней сквозило что-то незаметно притягивающее, такое, что, увидев её сегодня вблизи, он уже не хотел отпускать её ни на минуту. Когда медленно погас свет в зале, он взял её тёплую и влажную руку и держал, не выпуская до окончания фильма. О чём он был, что за герои, спроси его, он не ответил бы, вскользь запомнились лишь машины, мужчины, женщины, какие-то особняки. В общем, что-то чужое и не наше. Зато Рая, распахнувшая к концу фильма пальто, казалась своей, привычной, и у Шопши было чувство, будто он её знал давным-давно.

Когда окончился сеанс, они не спешили и по-новому разглядывали друг друга, словно за сеанс могли сильно измениться. Вышли из зала последними и отправились на остановку троллейбуса, но не спешили, словно боялись растерять тепло, каким пропитались только что.

Оказалось, что они жили неподалёку один от другого, и ехали на Костином маршруте, и, похоже, водитель даже узнал его, а когда они выходили, со значением подмигнул, мол: «Действуй, мужик!» И это совсем не понравилось Косте. Это подмигивание не для них с Раей и не о них. У них всё по-иному, по-настоящему. И чувства у них, надо думать, настоящие, и что это так, он понял, пока провожал Раю до её

девятиэтажного дома на одной с ним улице, только его дом стоял в глубине, можно сказать, на голом пока пустыре.

— А ты где живёшь?— спросила она, словно читая его мысли, когда они остановились у её подъезда.

— В глубине двора за твоим домом. Квартиру снимаю.

— Это в только что сданной новостройке?

— Да, получается, в ней... Соседи, одним словом.

— П-прекрасно — чаще будем видеться... Ну что, тогда я п-пошла?! Спасибо за кино, было очень интересно.

— Да, замечательный фильм... Пойдём доведу тебя до квартиры, чтобы моя душа была спокойна.

Она улыбнулась:

— Вот уж ты позаботился о сп-покойствии собственной души...

— Да это я так, к слову. О тебе, конечно, забочусь. Теперь я ответственный.

Они вышли на седьмом этаже, Рая указала на свою квартиру:

— Вот я и дома! Так я п-пошла?

— погоди... Он шагнул к ней, прижал к себе и нежно поцеловал в губы, и она потянулась к нему в этот момент и глубоко вздохнула, когда он отпустил её. — Вот теперь иди. Завтра созвонимся.

Он вызвал лифт и, дождавшись, когда открылась дверь, шагнул в неё, махнув на прощание.

Хотя и недалеко идти к своему дому, но у Шопши вдруг высветилась мысль о собственном вранье. «Вот зачем, спрашивается, наболтал Рае о якобы съёмной квартире? — думал он. — Сказал бы как есть, и это было бы правильно, а так показал себя мелким интриганом...» Но если взглянуть с иной стороны, Костя прекрасно помнил по столичной жизни, как к нему относились, когда он, познакомившись с кем-либо, сразу сообщал, что живёт в общежитии, и тотчас менялось отношение к нему. Мол, кому нужен нищелюб. И делалось обидно, и он сам разрывал отношения, иногда в самом их начале. И когда такое отношение повторилось несколько раз, он не прельщался новыми знакомствами с женщинами, почему-то сразу терял к ним интерес, словно заранее знал, что все его устремления закончатся ничем. У него были, конечно, короткие знакомства, словно по обоюдной договорённости, и, получив друг от друга то, чего было душевкам угодно, они расставались, оставляя в душах зарубки, постоянно напоминающие о своей житейской ущербности. И если не отмахнётся от него Рая, зная, что он

живёт на съёмной квартире, тогда к ней и другое отношение будет с его стороны, а отмахнётся, начнёт вилять — тогда всё ясно, можно ни на что в будущем не рассчитывать.

Среди его товарищей по троллейбусному парку в Москве некоторые взяли жильё в ипотеку, вроде радовались, но он-то представлял, что это такое. Да, неплохо иметь однокомнатную квартиру, но какова цена удовольствия? Стать рабом на всю оставшуюся жизнь, потому что заработки у троллейбусников скромные, и с них ещё придётся платить проценты банку! Это вообще казалось Косте недопустимым. Можно платить, пока молод, здоров, есть работа. А случись что? Вопрос. Да большой! А ведь у них всё так и произошло, когда троллейбусные парки в Москве стали закрывать и водители остались без работы — тем, кто не имел других специальностей, пришлось срочно переучиваться. Костя тогда тоже переучился и радовался, что не связался с ипотекой, тем более в Москве, где бешеные цены. Ещё тогда ему пришла мысль поступить проще: купить квартиру, например, в Рязани, поближе к родному дому, и спокойно сменить местожительство. И то, что его желание совпало с действительностью, лишь подтвердило его правоту и прозорливость.

И теперь он радовался в душе, что сделал всё правильно, и не очень часто повторял про себя привычный словесный оборот, оттенявший некоторую степень смущения: «Ну так, а чего?!», чувствуя себя победителем. А когда чувствуешь победителем, то не грех и слухавить, оставить в неведении до поры до времени того, кого хочешь получше узнать и проверить искренность. И не её беда, что первой проверяемой оказалась Рая. Она, конечно, ничем не провинилась перед ним, чтобы он не верил в её искреннее желание познакомиться, сдружиться, и, быть может, начать совсем другие отношения, о каких Константин только мог мечтать. Ведь, что ни говори, а мужское начало в нём постоянно вспыхивало, и он расстраивался от невозможности и неумения наладить свою личную жизнь. Посмотришь на иных: только познакомились, а через месяц уж побежали расписываться. И живут, и радуются. Такие пары даже у них в общежитии были, и им выделяли отдельную комнату — живите, если работаете, а работать не будете, то извините, попросим на выход, и никто вам комнату в коммуналке предоставлять не будет, как в советское время. Вот такие семьи чаще всего и брали ипотечный кредит, и что они потом с ним делали, Костю особенно не интересовало, хотя в любом

случае вдвоём легче тянуть подобную лямку. Здесь уж кто как приспособится. Но всё равно это незавидное состояние, в которое попадает каждый, взваливший на себя беспощадное обременение.

У Кости свой путь. И вот на его пути повстречалась Рая, и пока в ней всё устраивало, он даже привык к тому, что она рыжая, и что причёска у неё естественного природного цвета, нравившегося всё более и более. И то, что немного заикается, — тоже нравилось, ведь не в каждом слове, а такая малость даже привлекала к ней. И она это чувствовала. Поэтому он не удивился, когда в очередной раз, провожая Раю, она сказала ему:

— Мама с п-папой хотят п-познакомиться с тобой и п-приглашают на чай. Ты не п-против?

— Нет, конечно, но только прийти с пустыми руками — это не очень хорошо. Да и после работы, наспех — несерьёзно. Давай соберёмся в следующую пятницу. Я как раз выходной, а у тебя короткий день. Всем удобно. Купим торт, цветы — и нагрянем. Устроим, так сказать, мои смотрины! — весело предложил Константин.

— Ну зачем ты так! Не вводи меня в смущение.

— Не сердись. Это я шучу так. Всё-таки интересно знать, как твои родители отнесутся к бездомному воздыхателю своей дочери.

— Если будешь кривляться, то тогда никуда не п-пойдём. Я же тебе п-по-человечески говорю: хочу п-познакомить с родителями, а то они п-переживают за меня. А я их люблю, уважаю и жалею. Вот познакомишься и к нам жить п-переедешь, комнату тебе сдадим. Тебя такой вариант устроит?

— Шутка удалась... — Шопша чуть ли не рассмеялся. — Устроит. Вполне. Хотя никогда бы ранее не предположил, что девушка, почти невеста, может сдавать комнату жениху! Это что-то новенькое.

— Ты сам вынуждаешь так говорить, — рассмеялась теперь она. — Ладно, хватит болтать на эту тему, а то мы договоримся до чего-нибудь нехорошего.

— Вот это другой разговор. Так что не переживай. Считай, что договорились, — сказал он, в очередной раз расставаясь на лестничной площадке.

Возвращался к себе в необыкновенном состоянии, когда всё вокруг казалось радостным и приветливым: и этот вечер, и снег, сыпавшийся на голову, и даже встречный северный ветер из-за Оки казался тёплым. Возвращался и представлял,

что скоро, очень скоро он женится на Рае и приведёт в свою квартиру. Она сперва не поверит, что квартира его, но он покажет ей регистрацию в паспорте и скажет: «Ну так, а чего!»

В следующий выходной побывал Шопша в гостях. Понравилось. Сразу почувствовалось домашнее тепло. У него-то в квартире пока голо и казённо: всё крупно, габаритно и нет пока мелких предметов, создающих уют. И запах в его квартире — пока запах строительной подсобки, где пахнет краской, цементом и ещё какой-то не убиваемой химией. Он знал, что со временем пространство в квартире пропитается запахами борщей, котлет, кофе — все они смешаются в единый запах обжитой квартиры, в которой он будет наслаждаться жизнью.

И родители Раи понравились Косте. Суетливая Василиса Сергеевна, покрасневшая от волнения, тоже рыжеволосая, и степенный, брюнетистый Алексей Александрович — каждый по-своему. Оба они настолько дополняли один другого плавностью в движениях, негромким голосом, что когда Костя узнал, что они работают на одном предприятии, правда, в разных отделах, то не удивился. Чувствовалось, что оба заждались того момента, когда дочка сделает свой выбор и скажет: «Вот за этого молодого человека я выйду замуж!» И они радостно подхватят её желание, поспешат сказать, что это прекрасный выбор. Взять, к примеру, того же Костю. Немногословен, даже стеснителен, но это не беда. Главное, как выяснилось, не курит, вина выпил совсем немного, и в еде знает меру, не в пример иным.

Костя был не первый, кого Раиса приводила на смотрины в последние годы, и все чем-нибудь да не угождали родителям: кто слишком хвастливый, кто откровенный болван — начинал за столом в незнакомой компании говорить о политике и клеймить проворовавшихся чиновников. Да, их надо обличать, но не в присутствии же девушки, пригласившей в гости, и малознакомых её родителей. А где внимательность со стороны приглашённого? Где значительные и любящие взгляды, легкие касание локотка, стеснительность претендента? Обо всём этом они забывали и тем самым заслуживали холодного расставания с собой не только Раи, но и её родителей, заранее знавших, что это первый и последний визит претендента на жительство в их семье.

О Косте сложилось совершенно иное мнение. Особенно, когда он раскрыл тайну квартиры, в которой жил. Как только

Алексей Александрович узнал, что квартира у московского жениха собственная, и он в неё недавно въехал, то, с одной стороны, это известие порадовало, а с другой — заставило задуматься. Поэтому сказал:

— В наше время, говорят, ипотека безумно дорогая... Трудно вам будет, Константин!

— Вот поэтому я и отказался от ипотеки. Не настолько я богат, чтобы платить зверские проценты.

— Что, так сразу пошли и оплатили?

— Ну так, а чего... Пришёл и сказал: «Заверните!» — настроение захлёстывало его.

— Тогда вы просто молодец! Рая, держись этого человека — с ним не пропадёшь! Он умеет жить! — Алексей Александрович широко улыбнулся.

— Ничего особенного, — отозвалась Раиса и как-то поновому посмотрела на Костю, словно только что увидела его.

— Вы, Костя, молодец! — похвалила Шопшу Василиса Сергеевна. — Вот пример всем женихам!

— Ну всё, теп-перь Костю захвалят! — тоже улыбнулась Рая и предложила: — А мы п-пойдём с Костей п-погуляем.

— Не поздно ли? — заволновалась Василиса.

— Мам, не далее нашего сквера.

Родители предостерегли, чтобы долго не задерживались. Константин пообещал родителям полную безопасность их дочери, а чтобы уберечь её от случайностей, сразу повёл к себе в гости, обживать свою «химическую» квартиру, как он выразился. Сперва Рая заупрямилась, но потом согласилась, когда Костя заговорщицки сказал о сюрпризе, который приготовил заранее.

— Я согласна, но п-при условии, что не будет ничего экстремального.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Костя. — Что в квартире может быть экстремального?

— А ты п-подумай?

— Ты вон о чём...

— Да, именно об этом п-прямо говорю тебе. Все шалости только п-после свадьбы.

— А ранее никак нельзя? — попытался пошутить Костя.

— Никак и никаким образом.

Хотел было Константин спросить о предварительных ходовых испытаниях, но сдержался. Зачем это сейчас, да и вообще: нет так нет! Поэтому ответил с лукавинкой, давая понять, что не склонен развивать эту тему, которой лучше не касаться: придёт время и всё само собой образуется.

— От чая-то не откажешься? — спросил он так, что она сразу согласилась, хотя только что они чаёвничали.

— Не откажусь.

— И от поцелуя?

— И от п-поцелуя!

Костя дурковал, поддавшись навалившемуся игривому настроению, и понимал, что идёт оно от недавней неловкости, от нестандартности ситуации, особенно, как он понял, для него непривычной. Да, не привык он держать экзамен перед чьими-то родителями и пошёл на это лишь только из-за рыжей Раи, из-за её милого заикания и вообще из-за её особенного характера. В том, что он у неё особенный, он не сомневался, но пока до конца не понял, каков он, и как ему быть и вести себя в тот или иной момент, чтобы угодить, даже и не угодить, а быть понятым. Это казалось самым трудным. Добьётся этого, всё остальное чепуха.

Когда оказались в квартире, он помог ей раздеться, повесил пальто на плечиках в шкаф, положил берет на полку и пригласил:

— Проходи, посмотришь, как я живу.

Рая огляделась, улыбнулась:

— Чувствуется, что жильё новое, но уже многое в нём есть. Действительно твоё?

— Стал бы я твоим родителям врать!

— А мне, значит, можно? Зачем тогда ранее врал? Ты ведь недавно из Москвы п-переехал, и говорил, что снимаешь однушку, а у тебя, оказывается, двухкомнатная! Ну и врунишка же ты! Но врунишка, как выясняется, в хорошем смысле. Я п-приятно удивлена.

— Так уж обстоятельства сложились. Вынужден был купить квартиру в Рязани, потому что, сама, наверное, знаешь, что в Москве не укупишь. А эта, так сказать, на вырост.

— Никто меня так никогда не вводил в заблуждение. Зачем ты это сделал?

— Я и сам не знаю... Хотелось удивить!

— У тебя это п-получилось. А заодно п-проверить. Так ведь?

— Так не так, а теперь мне остаётся предложить тебе выйти за меня замуж!

— Так сразу?..

— Ну почему же! Мы уже немало знакомы.

— Считаешь, что несколько недель — это «немало»?

— Да. Ты мне сразу понравилась, как только заметил тебя на маршруте, да и ты не прошла мимо, зная, что я «снимаю» квартиру. Другая давно развернулась бы и только видел её, хотя кто-то, может, порадовался бы и такому варианту.

— И что мне надо сделать п-после таких слов?

— Поцеловать меня...

Она подошла к нему, обвила шею руками и аккуратно поцеловала в губы, а он был готов в этот момент подхватить её на руки... И она поняла его состояние и сразу отстранилась, предупредила:

— А вот этого делать нельзя. Мне надо вести себя скромнее!

Шопша вздохнул:

— Что-то не так?

— Ты не ослышался. Вот такая я недотрога. И в кого — не знаю, если мама вышла замуж за п-папу в девятнадцать лет. Она, как ты усп-пел заметить, тоже рыжая, а такие всегда выделялись, и она выделялась в своём колледже, который ранее назывался техникумом. И было это двадцать восемь лет назад, и значит, мне уже двадцать семь. Кто-то говорит — п-перестарок, но ты так не думаешь. Тебе сколько?

— Верно, не думаю, мне немного больше — тридцать один годик.

— Замечательно! Самое время, чтобы п-принять твоё предложение! А что: жильё есть, никто нам мешать не будет. Так что я принимаю! Но... Но оп-пять же: это ничего не значит. А то заманил, п-представился хозяином — и всё сразу для тебя?! Нет, так не годится.

— Мне документы на квартиру показать?

— Не обязательно. И если честно, то мне всё равно, есть у тебя квартира или нет, но если есть, то это хорошо — не помешает, как говорится.

— Вот и я о том же. Здесь нас никто не будет стеснять. Родителей рядом нет.

— Но это, оп-пять же, ничего не значит. Они мне никогда не мешали. Но у меня п-принцип. Нельзя — и всё!

Хотя Шопша ни на что не рассчитывал в этот вечер, но всё равно сделалось обидно. Как-то всё наперекосяк пошло. Да и он хорош. «Правильного» из себя строить начал. Подхватил бы на руки, когда она его поцеловала — и вся недолга. И пусть бы потом слёзы лила о своей погубленной невинности — когда-то это должно было произойти. Что-нибудь сказал бы ласковое, и сразу бы она всё забыла и целовала ещё страстнее.

«Махать после драки кулаками — последнее дело! — думал Костя, когда возвращался, проводив Раю до дому и сдав на руки родителям всё-таки в хорошем настроении. — Вообще-то она — молодец. Умеет блюсти себя, если, конечно, не лукавит. Хотя зачем ей это? Другая давно бы призналась, рассказала бы, например, что был парень, да обманул, мерзавец, и ушёл в армию — так обычно девушки рассказывают свою историю. А она нет: не поддаётся на обольщение — и всё тут!» Поневоле смиришься и женишься, тем более, не считая себя опытным обольстителем.

На следующий день они вновь пришли к нему на квартиру, и Костя сказал:

— У твоих родителей побывали, надо как-нибудь к моей маме в село съездить. Покажу ей рыжую невесту, получу благословение, и вместе пригласим на свадьбу. Ты не против?

— Нет. Только как мы п-поедем в будний день, если у тебя выходной, а я работаю?

— Поменяюсь сменами — только и всего. Это не проблема.

— Всё-таки весело с тобой будет жить, Костя, если всё у тебя п-предусмотрено, п-просчитано — я так не умею. Больше эмоциями живу.

— Я бы так не сказал. Разум не теряешь в ответственный момент. Это и хорошо. Два наших характера дополняют друг друга. Получается золотая середина.

Теперь, когда они наметили своё будущее на ближайшее время, они могли бы как-то по-иному относиться один к другому, но нет, непонятная соревновательность постоянно присутствовала в них, они не хотели уступать, зная, что всё равно уступят. И понимали это, и радовались, особенно не осознавая, что на этом строится и будет строиться будущая совместная жизнь.

В Дубравку они собрались через две недели, когда уже вполне полыхала разгоравшаяся весна, и всё вокруг говорило о скорых переменах в природе, а стайка воробьёв, живущая на конечной станции Костиного маршрута, потому что водители подкармливали их, устраивала трескучую суету. Собираться-то ехать собирались, но Костя передумал, не располагая лишним выходным, решил пригласить в гости маму. Позвонил и сказал:

— Мам, у меня намечаются значительные перемены — жениться собрался. Поэтому будет неплохо, если ты в ближайшие выходные приедешь в гости. А то давно не была, с будущей женой познакомишься.

— Даже так?! — охотно удивилась она. — Тогда деваться некуда.

— Мам, извини, конечно, но тебе проще с работы отпроситься, а у меня, если обратишься к начальнику, то не сразу поймёт. Ведь машина за мной закреплена, и не своя собственная, а общественная, мне на ней пассажиров перевозить надо, а для этого график заранее по дням, часам и минутам составляют, и других проблем много. Так что извини.

— Ладно, договорились. Когда же надо приехать?

— Не спеши пока. Вот обговорю этот вопрос с родителями будущей жены, тогда сообщу. Хотелось бы, чтобы и они побывали у нас в гостях, с тобой познакомились. Понимаю, что это всё хлопотно, но не хочется всё делать наспех.

— Какая она из себя?

— Будущая жена?

— Ну конечно.

— Необыкновенная... Рыжая!

— Крашеная, что ли?

— Нет, природная. Цвет ей очень идёт, другой её не представляю, а зовут— Раиса.

— Редкое в наше время имя.

— Мам, выбирать не приходилось.

— Она хотя бы по душе тебе? А то тут как-то твоя Екатерина на почту заходила — о тебе спрашивала.

— Пусть спрашивает. Мне-то чего до неё.

— Такая любовь у вас была!..

— Ну и что. Мало ли у кого с кем что было. Всех и не упомнишь. К тому же у неё арендатор есть.

— Она бросила него... Сама мне говорила.

— Мне это фиолетово.

— Тогда прекратим этот разговор. Назначай время — приеду. Буду рада познакомиться с будущей снохой.

— Вот это правильный разговор. Как договоримся, то позвоню, сообщу.

Они поговорили, и у Кости отлегло на душе. Что именно отлегло, понять было трудно, но легче стало, а мысль о том, что он в очередной раз всё делает правильно, обнадёжила, создала настроение.

Правда, через четыре дня его испортила Екатерина, как понял Костя, специально приехавшая в Рязань, чтобы поговорить. Нашла его на маршруте и, добравшись до конечной, подошла к кабине. Встала около неё и смотрит через стекло. Костя открыл дверь, спросил:

— Ну и что скажешь?
— Вот приехала посмотреть на тебя, узнать, как живёшь?
— Во-первых, здравствуй, а, во-вторых, зря ты приехала. Зачем я тебе? Ты недавно свой выбор сделала. Или там что-то не срослось?

— Перестань, поговори со мной. Я так соскучилась!
— Некогда болтать. Через три минуты в рейс отправляться. И вообще, Катя, у меня есть девушка, которая очень нравится. Что тебе ещё сказать? Извини!

— Можно я с тобой ещё проеду?
— Да хоть весь день катайся, только пользы от этого никакой, поверь мне, не будет.

У Екатерины сразу показались слёзы, она сперва отвернулась, пряча их, а потом собралась с духом и всё высказала:

— Да кому ты нужен, пенёк дубравский. Ты хоть себя-то видел в зеркале? Вся шея волосами заросла! Придёшь домой, посмотри повнимательнее.

Костя распахнул переднюю дверь в салон и сказал:

— На выход, гражданка! — И, дождавшись, когда она выйдет, подал машину на посадку.

Шопшу трудно вывести из себя, но в этом случае он оскорбился на недавнюю свою любовь, не понимая, как мог много лет сохнуть по ней. «Было бы о ком?! — усмехнулся он и не ко времени вспомнил Симочку Иванову: «Это, видно, порода такая существует среди них: их гонишь, а они сами цепляются!»

Екатерина настроение Шопше окончательно не испортила, не успела, потому что разговор их был мимолётным, пустым — встретились на ходу и так же разбежались. «И зачем, спрашивается, нужно было тащиться в Рязань? — усмехнулся Костя. — Чтобы от ворот поворот получить? Чего добилась?» Впрочем, более ему думать о ней не хотелось, он знал, что у него есть Рая, что с ней ему хорошо, что у него всё есть для того, чтобы вскоре начать совместную жизнь. А то, что она гордится собой, — это даже хорошо; это же прекрасно, когда девушке есть, чем гордиться.

В чём-то встреча даже помогла по-иному взглянуть и подумать о Рае: «Вот молодец! Знает себе цену. Другой бы кто засомневался, а я верю ей. Кто-то скажет, что такое невозможно в наше время. Возможно, ещё как возможно, надо лишь не расплёскиваться по сторонам, а уважать себя и своё предназначение». Поэтому, встретившись с ней, он по-иному посмотрел на неё, и она это заметила, спросила:

— Ты чего сегодня такой?

В душе Костя смутился от прямого вопроса, но всё-таки постарался не выдать себя. Это, конечно, нехорошо — что-то скрывать от любимого человека, а то, что Рая — любимая, Костя уже знал точно, но не будешь же окончательным простаком, чтобы рассказать, как есть, и ещё гордиться этим. И здесь Шопша долго мог бы рассуждать о том, что такое абсолютная честность, и нужна ли она, возможна ли в принципе, или такая честность бывает лишь у глупых людей. Себя к таковым Костя, понятно, не причислял и одобрил свой выбор, решив, что у каждого человека должна быть своя тайна. А уж степень значимости её будет зависеть от самого человека, именно каждый для себя устанавливает её порог, который отделяет «хорошее» от «плохого». С этой мыслью он и стал ждать Полину Ивановну, обговорив время, когда она сможет приехать.

Как и договорились, она прибыла в воскресенье утром, Костя до двух часов работал, поэтому будущую свекровь встретила на автовокзале Рая, которую Полина Ивановна сразу узнала по рыжей причёске, как только увидела её.

— Ну, здравствуй, дорогая Раиса! Вот мы и встретились.

— Здравствуйте, П-полина Ивановна! Рада познакомиться с вами! П-пойдёмте на автобус, я п-провожу вас на квартиру Кости. Сам он, как вы знаете, работает в утреннюю смену, в два часа сменится, тогда и п-присоединится к нам.

От волнения Рая заикалась сильнее обычного, но Полина Ивановна сделала вид, что ничего не заметила, зато Рая пояснила, зная по опыту: если сама скажешь о своём недостатке, то потом легче разговаривать, да и вообще легче становится.

— Я немного заикаюсь — не обращайтесь внимания. Это больше от волнения.

— А я ничего и не заметила. Так что ничего и не придумывай.

— Сп-пасибо! — поблагодарила Рая, оценив мудрость будущей свекрови, и другим взглядом посмотрела на неё: нежным и тёплым.

В квартире Кости они быстро разобрались, что к чему.

— Мы сейчас с вами порежем сыр, колбаску, рыбку, а родители принесут салаты, пироги, фрукты. Костя бутылку шампанского припас для такого случая.

— Вот и хорошо, — разобравшись с дороги и выставив на кухонный стол банки с соленьями, сразу взялась за работу Полина Ивановна.

— Вы уже были у Кости в гостях?

— Да, приезжала на Новый год. А теперь-то уже почти весна пришла, так что помогай мне, подсказывай, где и что лежит тут у вас. — Она нарочно сказала «у вас», давая понять, что хорошо знает об отношениях сына с Раей.

Родители Раисы пришли раньше хозяина, а когда он появился, то, умывшись и переодевшись, сел за сервированный стол и привычно сказал:

— Ну так, а чего! Все в сборе?

— Все, все, — ответила ему мама и нежно посмотрела на сына. — Главное, что сам не опоздал.

Всё-таки хорошо, когда собираются малознакомые люди, волею судьбы которым предназначено породниться. Люди простые, а значит, всё у них просто, по-семейному, по-людски. Это, наверное, главное. И знакомство их происходит так, словно они и не знакомятся вовсе, а встретились в очередной раз. Это относилось прежде всего к Полине Ивановне. Они-то уж знали друг друга, общались ранее, а ей труднее сразу попасть в незнакомую семью и быть в ней на заметном месте. Но она быстро освоилась, называла будущих сватов Василисой и Алексеем, и было заметно, что они понравились ей, она рада знакомству, и получается, что не зря приехала, хотя, когда собиралась, нешуточно волновалась.

После обеда и чаепития, когда гости стали собираться, то перед уходом выслушали Константина, едва Рая шепнула: «Скажи родителям!» Тот знал, о чём просила Рая, и посмотрел на них:

— Василиса Сергеевна и Алексей Александрович, при свидетелях прошу руки вашей дочери! Вы не будете против?

Они оба посмотрели на неё.

— А что она сама скажет? — за двоих ответил отец Раисы.

— Я согласна... — сказала Рая и покраснела.

— Тогда у нас и сомнений никаких не осталось! — твёрдо и весело сказал Алексей Александрович. — Подавайте заявление и готовьтесь к свадьбе! На какое число какого месяца думаете гостей приглашать?

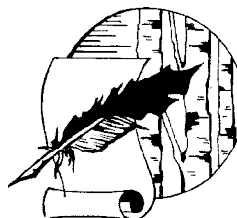
— П-пап, думаем, п-после П-пасхи можно. Сначала распишемся, а после обвенчаемся. Мы с Костей уже говорили на эту тему.

— Костя согласен?

— Как Рая скажет...

Отец посмотрел на дочь, на Костю, а Рая ответила за него:

— Конечно, согласен! Ну так, а чего...

Геннадий КАРПУНИН

КРЕСТ

Поэма

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы...

Николай Рубцов

...И, открыв сокровища свои, принесли Ему
дары: золото, ладан и смирну (*Мф. 2: 11*).
И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе,
ныне же будешь со Мною в раю (*Лк. 23: 43*).

На трёх вокзалах шум и суета,
Мигранты, проститутки и трамваи.
У железнодорожного моста
Внутри котлована забивают сваи.

Приезжий средних лет, провинциал,
Невзрачный с виду, но одет прилично,
К таксисту подошёл, как будто знал,
Что тот уже прикидывал наличность.

Брелок на пальце крутанув небрежно,
Глазами зыркнул (а они, что шилья),
И брови у таксиста, как у Брежнева,
Не брови даже, а вороньи крылья.

Психолог. И хитёр, что та лисица,
Приезжих он распознавал на раз,
И если гражданин зеленоглаз,
То вместо ног он видел уж копытца.

Умишком пораскинув что к чему:
Мол, будь что будет... Эх, судьба-шалава...
Таксист — за руль.
А незнакомец — справа.

И невдомёк корыстному уму,
Что рядом с ним тот самый кукловод...

Но следовать безумству Тарантино...
Нет-нет, ни в жисть! И без того народ
Готов в любую верить чертовщину.

Таксист учтиво: — Ехать-то куда?
У пассажира вдруг сверкнуло око.
Водитель вздрогнул: «Что за ерунда?»
Его как будто бы пронзило током.

Мешала думать мыслей череда,
Они неслись, как грязь по водостоку:
«С таким клиентом кабы не беда... —
Но утешался: — Чай, не в ад дорога».

— Куда поедет-то? — спросил опять.
Но пассажир о чём-то долго думал.
«Да чтоб тебя, — стал злиться, — ...твою мать!»
И брови брежневские сдвинулись угрюмо.

— В столицу-то по делу или?..
— Или... — вдруг произнёс гнусаво пассажир: —
А чтоб тебя сомненья не душили,
Плачу вдвойне. Задаток вот, держи.

И новенькие протянул купюры,
Как будто только что из-под станка.
И с запахом, похоже, политуры,
А может быть, и даже коньяка.

— Давно бы так, совсем другое дело! —
Таксист взял деньги, спрятал в портмоне
И произнёс уже повеселело:
— Могу устроить целое турне.

Начнём, к примеру, хоть с ВДНХа —
С осколков трудового комсомола.

Там, говорят, какая-то блоха
Пустила с молотка и серп, и молот...

— Как ты сказал? Блоха? Ха-ха-ха-ха!.. —
Гнусавый тенорок залился смехом: —
Признаюсь, твоя шутка неплоха,
Её бы подперчить — одна потеха.

Но только врѣшь ты как на раз-два-три;
Стоят они — что с молотом серпастым.
— Да все они там, в дурке, педерасты,
Хоть дома телевизор не смотри.

— Ты зубы заговаривать любитель,
Чтоб охмурить.
— Мне это ни к чему.
Вот до сих пор не знаю, хоть казните,
Зачем Герасим утопил Муму.

Ну а за деньги — так любой каприз,
А ежели желаете перчинку:
Народ прозвал «блоху»: Киндер-сюрприз.
Ну, что — ВДНХа?
— Нет, на Неглинку.

Неглинка. Центробанк — что тот джекпот,
Последний, так сказать, оплот России.
Недалеко от кованых ворот
Пикет. Плакат: «Виват, шизофрения!!!»

— И часто ли у вас бывает так? —
Приезжий хмыкнул, но с довольной миной.
— По-разному... А то, что здесь, — пустяк,
Бывают посерьёзнее картины.

Кремлёвским-то каганам нету веры,
Устал народ — святая простота.
Куда ни плюнь — мигранты да курьеры
Заполонили наши города.

— Ох, русские! И ушлый вы народец!
Вам, что ни дай — всё мало, всё не в масть.
Печатаешь вам золотой червонец,
А виноватой остаётся власть.

Всем недовольны, всё не по нутру.
И даже жёны первых президентов...
А памятник Великому Петру —
Дай волю вам — снесли бы с постамента.

— Сейчас любая б... — Брижит Бардо.
Или кухарка — в роли первой леди.
Все дуры. Только думают, пардон,
О мужиках, Мальдивах и диете.

Петра (Колумба*), может быть, и снёс.
Зачем он прорубил окно в Европу?
Такой же, как и наши, кровосос.
Безбожник, хоть и царская особа.

Приезжий стал покойника мертвей,
Преобразился в редкого уroda:
«С таким бы лучше помолчать, ей-ей...»
Но тот завёлся аж с пол-оборота:

— Ты кто такой?! — взревел он. — Смерд! Холоп!
И понеслось на местечковом сленге...
Таксист, конечно, дал бы сразу в лоб,
Но этот гад платил большие деньги.

А тот внезапно смолк. И вдруг ещё,
Как фокусник, извне извлёк купюры:
— Моральный вред, надеюсь, возмещён.
Хотя ты прав — все президентши дуры.

Но впредь не зли меня и до греха
Не доводи... как бы чего не вышло. —
И, вспомнив, хохотнул: — Блоха, ха-ха...
Ну, русские, едрить вас в корень!
— В дышло.

— Что «в дышло»? — недопонял пассажир.
— У нас так говорят, — сказал водитель.

* Памятник Петру I работы Зураба Церетели на искусственном острове, насыпанном у разделения Москвы-реки и Водоотводного канала. По некоторым данным, изначально это была статуя Колумба, а затем, после того, как от него отказались США, Испания и страны Латинской Америки, Церетели пришлось заменить голову памятника.

— Ну да, ну да... доставил мне plezier, —
С недобрым взглядом бросил обольститель.

— Позвольте же узнать, коль не секрет, —
Таксиста любопытство распирало: —
Всё понимаю, чту менталитет,
Тем более, что платите вы налом...

— Кто и откуда я, спросить хотел? —
У пассажира вновь сверкнуло око.
Водитель не на шутку оробел
И, как тогда, его пробило током.

— Инкогнито я здесь. Но не один.
Нас легион. А хочешь знать откуда?
Скажу: из раскалённых недр, глубин,
Где самая высокая валюта.

В его глазах таился страшный зверь,
Точней — змея, меняющая кожу:
— Да если бы не мы, то вы теперь
В лаптях ходили б, делали калоши.

Ну что особенного есть у вас?!
Ведь сколько лет сидите на подсосе...
— У нас матрёшки, самый лучший квас.
И вообще, народ наш — богоносец.

Ещё есть День народного единства,
В России он — основа из основ.
— А где свобода нравов, секс-меньшинства?
— А вместо них у нас узбекский плов.

И бес воскликнул: — Bravo! Virtuозно!
Меня ты снова, право, рассмешил.
Матрёшки, балалайки... Не-серь-ёз-но.
Ты, братец, лжец. Но я — детектор лжи.

— Обидные слова вы говорите, —
И у таксиста чуть скривился рот:
— Хоть верьте, хоть не верьте, как хотите,
Я за Россию! Русский патриот!

Проснусь, бывает, утром с бодуна —
И сразу же за новостную ленту...
Душа болит! Ну как моя страна,
Как аппетит, здоровье президента?

— Да ты хитрец! Что на монету падкий,
Я понял сразу. Но дела не ждут.
— Так вы не в банк?
— А в банке всё в порядке,
Всех денег всё равно не украдут.

Лукавец усмехнулся: он-то ведал,
Как у таксиста мысли тяжелы.
— Раздумывать ты будешь за обедом, —
Сказал он: — Едем!
— И куда?
— В Хохлы.

Для знающего город — путь недолгий:
От Трубной — по Бульварному кольцу.
Но весь маршрут таксист, как на иголках:
Сидел с лицом, подобным мертвецу.

— Ну что нахмурился? Что туча тучей? —
И голосом, как скрежет по стеклу,
Противнейшим, до ужаса скрипучим:
— Хоть страшный плут ты, но отнюдь не глуп.

Тебе даю я шанс. Один раз в жизни
Он выпадает. Лишь не прогадай.
Послужишь, может быть, своей отчизне,
Коль патриот. И попадешь в свой рай.

Нахмуренные брежневские брови
Раздвинулись. Таксист потёр свой нос:
— Раз надо, послужу.
— Ловлю на слове. Так, значит, по рукам?
— Да не вопрос!

Пожатье рук порой, как те намёты,
Оно скрывает дьявольский огонь.
Но бес уже вложил в ладонь банкноты.
Таксисту словно обожгло ладонь.

— Что делать-то? — очнулся вдруг несчастный,
Сообразив, что что-то здесь не так.
— Да не волнуйся. Ты проехал красный...
И не гони. Приехали, чудак.

И вот уже Хохловский переулок.
Храм оных, стародедовских времён.
Вот женщина с заутрени. Сутула.
Печалью её взгляд обременён.

За ней идут другие прихожане.
Вдруг колокола звон, как детский плач.
— Что за народ вы, — вздрогнул бес, — славяне? —
И обронил: — Здесь служит мой толмач.

Большая умница. Такой речистый,
Так гладко говорит, что тот поэт.
А ты к поэтам как? — спросил таксиста.
— Никак, — ответил тот, — им веры нет.

— И я поэтов страсть как не люблю.
Их как собак нерезаных в России.
Всех сгрёб бы их и раздавил, как тлю,
И каждого отдельно... на осине...

Курьёз: тринадцать уголовных дел.
Судить хотели. И не засудили.
Да это просто полный беспредел!..
— Так всё равно же вы его убили.

— Смекалистый. Язык-то прикуси!
Толмач мой тоже, ох, накуролесил:
Поэтишку б того, коль воскресил,
Судил бы вновь.
— А может, и повесил...

— Опять встречаешь... Не того ты ранга
Судить о важном. Так что не нуди.
Твоя обязанность — крутить баранку.
И шанс свой, что даю, не упusti.

А посему прощаю. Не дерзи, —
Бес строго посмотрел на бедолагу, —

Ну что это — работаешь в такси...
Ведь ты по жизни не халдей — бродяга.

Наколки-то, что у тебя на пальцах,
Их, по твоим законам, не сведёшь.
Дашь клятву мне — сколотишь капиталец...
— Да кто ты, чтоб указывать мне, вошь?!

Таксиста, видно, «клятва» так задела...
Любого бы огрел, хоть кем ты будь!..
— На равных хочешь быть? Так в чём же дело? —
Глумился бес: — Тогда не обессудь.

И волком не гляди. Не по ранжиру
Ты всё-таки стоишь... Хоть по деньгам.
Тебе сейчас, я знаю, не до жиру...
«Эх, дать бы этой падле по рогам!

Ну и жульё. В рот палец не клади, —
Неслось в уме таксиста, — сучье племя!..»
— Да ты не дрейфь! — бес рыкнул. — Заводи
Машину-то.
— Куда теперь?
— Да в Кремль.

Молчали аж до самой Маросейки.
Беднягу так мутило по пути,
Что номер арестантской телогрейки
Уже пришитым видел на груди.

На Китай-городе, уже на нервах,
Под запрещающий проехал знак.
— Ну, братец, как я вижу, ты дурак, —
Сказал нечистый. — Впрочем, ты не первый.

Со мной такие шутки не шути.
Ещё не понял? Всё мне здесь подвластно!
Не тормози. Баранку-то крути.
Не зли меня который раз напрасно.

— Да знать бы, — рек таксист, — про этот шанс...
Ведь у меня теперь жена, детишки...

— Ты получил лишь небольшой аванс,
А будешь жить...
— Как та блоха подмышкой?

— Всё будет — яхта и шикарный дом...
— Я и сейчас живу, чай, не в каморке;
В Москве квартира, всё чин чинарём...
— А в Лондоне жить хочешь иль в Нью-Йорке?

Беднягу пот прошиб: — Не по душе
Мне что-то ваша карта козырная.
— Душа, — бес сплюнул, — что папье-маше...
— Я иностранных языков не знаю.

— Ну хватит привередничать, остряк.
Получишь высшую свою награду.
— В чём фарт хоть?
— Дело плёвое, пустяк.
Да делать-то и ничего не надо.

Ильинка. ГУМ. Как в той стране чудес,
Часы-куранты бьют на Спасской башне.
— Чуть-чуть помедленней! — прикрикнул бес.
И вдруг козлом заблеял он протяжно:

— Там за рекой, на площади Болотной,
Закончили на плахе бунтари. —
И, напустив в салоне дух блевотный,
Хихикнул: — Не народ, а дикари.

И Пугачёв, и Разин... вот уж рожи!..
Заглядывают иногда ко мне
На Духов день. А ныне был Пригожин.
Он, как и те, полощется в огне.

«Ну, бред! — таксист был зол. — Козлина сивый!
Страшает, паразит, хоть удавись».
На Лобном месте зрелище. Красиво
Храм уносился куполами ввысь.

— Скажите, уважаемый, нам долго
Ещё без всякой цели колесить?
Мне, знаете, не в масть с ментами тёрки...
— А мы уже на месте. Тормози.

Где каменный помост, стояли в ряд
Стрельцы. И, как один, все бородаты.
«Киношники», — решил таксист.
— Казнят
Раскольника Никиту Пустосвята.

Его, анафему, призрел давно, —
Бес потешался: — Он как кость был в горле.
Но только, братец, это не кино.
Чего молчишь?
— Да что-то горло спёрло.

С помоста, с места каменного, где
Встарь оглашали царские указы,
В пестрящей театральной чехарде
Как будто кто-то разносил заразу.

Всё было явью. Иль как в страшном сне.
Таксист терялся — верил и не верил.
Бес искушал: — Ты лишь доверься мне —
Перед тобой откроются все двери.

За сценкой сценка. Как в калейдоскопе,
Сменялись декорации, века.
Кружились то в стремительном галопе,
То снова запускали гопака.

На Лобном месте танцевали рок.
Слетелись грифы, вороны и чайки.
И рыжий чибис, повязав платок,
«Семь-сорок» им играл на балалайке.

И вот уже вступил подьячих хор —
До полного он пел апофеоза.
Профан спросил: — А где же дирижёр?
— А он на процедуре, под гипнозом.

Да ты внимай! То не расейский дрек, —
Бес заклинал, опаивал дурманом:
— Ну докажи теперь, что человек
Не мог произойти от обезьяны?

Курантов бой стал эпилогом драмы.
Таксист очнулся: — Было, воровал.

Но до сего не опускался срама
И душу за пятак не продавал.

— Ишь, вспомнил о душе. Ну, точно дети —
Вы, русские. Ну, где Он? Где ваш Бог?
Да ваши храмы превратят в мечети
И в свой же дом не пустят на порог!

Так ты со мной? Или не будет сделки?
— С тобой, — сказал таксист, — давай, звони.
Да и закончим наши посиделки.
Банкуй, артист, и время не тяни.

— О,кей... Снимай с себя нательный крест.
Но только молча и без клоунады.
Считай, что это промысел. Твой перст
Судьбы. Снимай — и будешь ты богатым.

Таксист, сердясь, подёргивал щекой:
«А не послать бы эту гниду к ляху?!»
Бес торопил: — Снесёшь его на плаху.
Да оземь бросишь. И на крест — ногой!

А тот и впрямь полез за воротник:
— Ну, что ж, добро. На плаху — так на плаху...
Зверь пасть открыл. Таксист же в этот миг
Рванул по-русски на груди рубаху.

А на груди была татуировка —
Крест православный, что крепчей брони.
И на кресте — «Спаси и сохрани».
— Что, бес, не удалась твоя уловка?

Огнём пылали злобные глазёнки:
— Так вот ты как! Да я тебя могу!..
Таксист уже сжимал в руке лимонку,
Секундой раньше выдернув чеку.

.....

Россия, Русь, хоть что-нибудь скажи!
Я, как царевич, что на сером волке,
Через леса, долины и просёлки
Тебя в мои унёс бы Китежи.

Где за холмами русские деревни,
Где золотится поле спелой ржи
И где парят крикливые стрижи,
Я в ноги бы упал своей Царевне.

Из вековой, с иконами, светёлки,
Вдруг увидал, разрушив миражи,
Как на коне, чуть наклонившись к холке,
Великий Русич скачет вдоль межи...

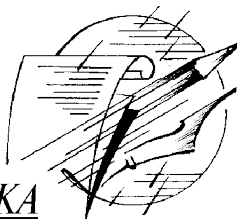
Россия, Русь, за много сотен лет
И Старого и Нового Завета
Нашла ты хоть какой-нибудь ответ?
Но Русь молчит. И не даёт ответа.

г. Подольск Московской обл.

КЛЕТЬ ЦИФРОВОГО МИРА

В ноябре прошлого года состоялась X конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта», организованная Германом Грефом. Президент России В.В. Путин в своём выступлении на этом мероприятии затронул всё самое важное, что касается темы технологического развития нашей страны в связи с использованием генеративного искусственного интеллекта.

Пожалуй, в этом его выступлении, были отражены все работы в данном направлении технологической модернизации и все приоритетные задачи. Президент сказал о важности работы по цифровизации нашей жизни и применении генеративного ИИ во всех сферах деятельности человека. В государственном управлении, в том числе. Однако, прогресс прогрессом, а о том, что при этом будет происходить с самим человеком, — ответа не было. Более того, создаваемое цифровое пространство, генерируемое ИИ, это огромная проблема для всего человечества, что, собственно, и было отражено во второй части выступления самого президента.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Такие модели порождают гигантские массивы новых данных, становятся одним из важнейших инструментов распространения информации, а значит, способны влиять на ценности, мировоззрение людей, формировать смысловое пространство целых государств, да и человечества в целом, в конце концов», — сказал Владимир Путин.

И пока президент даёт указание на реализацию исследовательских проектов о том, «как будут совершенствоваться технологии искусственного интеллекта в ближайшее десятилетие и какое воздействие они окажут на промышленность, транспорт, и конечно, на человека», использование информационных продуктов, которые вырабатывает генеративный ИИ-агент, идёт полным ходом.

Интересный эксперимент в этом плане провёл Председатель ГД Вячеслав Володин. Желая разобраться в вопросе здоровья человека и в поддержании его долголетия (нужно заметить, что вопрос о здоровье и долголетию стал очень актуален и часто появляется в эфирах разных программ), он обратился к цифровому помощнику.

Проанализировав данные о долгожителях, цифровой агент выдал неожиданный результат. «Не диета. Не спорт. Не генетика. Главный фактор долголетия — **низкий уровень хронического стресса**. Всё остальное вторично», — написал Володин в своём канале МАХ и озвучил свои выводы, полученные на основе ответов ИИ.

Можно правильно есть, заниматься спортом, не пить и не курить. Но если вы живете в постоянном стрессе — уйдёте в 60 лет. Хронический стресс — это не нервная работа и не финансовые проблемы. Это **внутренний конфликт** между тем, кто вы есть, и тем, кем пытаетесь казаться. Если вы живете не своей жизнью — организм находится в круглосуточном режиме напряжения. В этом случае кортизол разрушает всё: сосуды, иммунитет, мозг (В. Володин).

По словам председателя Госдумы, ИИ, анализируя долгожителей, пришёл к выводу, что продолжительность их жизни не связана с природно-климатическими особенностями территорий, где они живут, питанием. «**Главное**, что они живут в гармонии с собой, без внутренних противоречий».

Со своей стороны могу лишь сказать, что мне очень жаль Вячеслава Володина, который, по всей видимости, не очень понял, куда его затягивает эта «интеллектуальная» машина, и он, не ведая того, втягивает в эту воронку «мозгового вихря» и всех тех, кто его слушает. Здесь один из примеров того, о чём сказал В.В. Путин. А он сказал как раз о том,

что мы еще не знаем, насколько мощными будут эти информационные потоки, результатом которых может стать не только смена наших идеалов, но и мировоззрения в целом. А это означает полную замену цивилизационного кода, того внутреннего духовного ядра, вокруг которого удерживается жизнь русских людей, а значит, и всей страны в целом.

Когда В.В. Володин транслирует нам идеи сгенерированные ИИ, неужели он не видит за высказываниями типа: быть самими собой, жить в гармонии и без внутренних противоречий и проч. совершенно чуждую русской духовной жизни практику восточных культов, для которых уходить в нирвану или сидеть в позе лотоса — самое любимое занятие. Но спросите того же Володина, что такое внутренний конфликт между тем, кто вы есть, и тем, кем пытаетесь казаться, так он же не ответит. Да и никто не ответит. Разве что всезнающий Сатъя (блогер, философ и мастер по «разминированию семейных мин», эдакий современный психолог-шоумен), которого нам без устали рекламируют на канале НТВ. Он-то уж точно подскажет вам, как нужно жить. Может, и его сгенерировали при помощи ИИ?

Но всё это, так сказать, житейская сторона вопроса. Можно не смотреть, не слушать, не задавать вопросов ИИ, который подберёт и сгенерирует вам ответ из наиболее вероятной последовательности слов, имеющихся в сети, а жить своим умом. Однако это не так-то просто. Есть еще и технологическая сторона, которая крепко накрепко связывает нашу свободу и нашу жизнь с цифрой. Именно это создает нам непреодолимое препятствие в свободе наших действий, нарушает всю привычную нам картину мира, в которой мы живём с самого рождения.

Кто-то скажет, что создаваемые цифровые технологии просто облегчают нам жизнь, — всё так, но при этом не нужно забывать, что мы постоянно подвергаемся психологическому стрессу. Это как раз про тот «круглосуточный режим напряжения», о котором говорит наш спикер. Только этот режим именно в нашей жизни, а не в чьей-то иной. Она именно такая, какая есть, и нам не нужно выискивать в себе некие другие жизни.

Наталья Ивановна Касперская на конференции «Архитектура цифровизации государственного управления», рассказывая о рисках в сфере ИИ, привела пример и того, какое психологическое воздействие оказывают на человека цифровые помощники: «Их внедрили везде. Вы звоните в банк, и поговорить с человеком невозможно, вам отвечает электронный робот. Вы пытаетесь 10 минут что-то сказать

этому электронному болвану, а он вас посылает. Если у вас хоть какая-то более сложная проблема, то пробиться через весь этот ИИ, просто невозможно. Теперь представьте себе, что мы всё цифровизовали. Здесь просто нужно сказать — до свидания. Люди наши уже никуда пробиваться не смогут, при этом статистика будет отличная. Все электронные болваны сами по себе будут давать хорошую статистику. Все будут счастливы, и госуправление будет на самом высоком уровне».

И ведь что интересно: воля всего лишь нескольких людей на высших этажах государственного управления, одержимость которых идеей повсеместной оцифровки просто зашкаливает, может погубить и народ, и страну. И не нужно спрашивать, как это возможно, просто необходимо знать основы своей православной веры. Если человека поместить в искусственно созданную для него среду, освободить от поставленных перед ним задач (ИИ будет за него всё решать, в государственном управлении в том числе), встающих на жизненном пути, и свалить решение этих проблем на какого-то «дядю», такому человеку не стоит ждать спасения. Жизнь в вечности для него будет под вопросом.

А вот Герман Оскарович Греф, неожиданно для всех ставший православным, как-то еще не проникся духовными смыслами, которые стоят за его идеей оцифровки всего живого, а потому и нарушает слова прп. Силуана Афонского «держи ум свой во аде и не отчаивайся», сказанные им во время своего визита в «Новый Херсонес». Отчаивался ли когда-нибудь Греф? Да никогда. А вот ум свой во аде держать не умеет. И всё потому, что вне того контекста, при котором это откровение появилось в душе преподобного, оно не может быть понято, даже такими «великими людьми», как Герман Греф.

Иеромонах Прокопий (Пашенко), насельник Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря, говорит: «Понять это откровение, данное Господом преподобному Силуану, можно именно в контексте духовного опыта самого святого. Однажды, когда будущий преподобный не был еще даже пострижен в монашество, его келья «наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел свои внутренности». В голове промелькнула мысль: «Прими! — это благодать». Душа Симеона (так звали преподобного до пострига) при этом видении смутилась. После видения странного света ему стали являться демоны, которые то говорили ему: «Ты теперь святой», то: «Ты не

спасёшься». Однажды Симеон спросил демона, почему они то убеждают его, что он свят, то объявляют, что он не спасётся? «Мы никогда правды не говорим», — был ответ».

К сожалению, глава Сбера, вряд ли когда-либо задавался вопросом, кто подкидывает ему идеи, которые он так жаждет воплотить в жизнь. На этом и сыпались все «великие проекты» и их исполнители, захотевшие заменить человеку ту реальность (перестроить мир под себя), в которую поместил его Господь Бог.

Именно поэтому бояться цифры и тех, кто продвигает эту бесчеловечную систему, не нужно. Они никогда не смогут прорвать тот духовный заслон, который положил Господь между жизнью в вечности и бездной шеола. Если бы его не было, мир давно бы рухнул, полностью отравившись ядом духовного и телесного разложения.

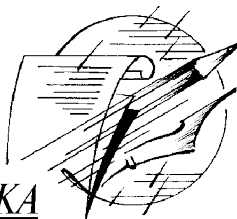
Однако крепость этого духовного заслона зависит и от самого человека, от каждого из нас. Либо мы на стороне Господа Бога нашего и тогда направляем все имеющиеся в нас силы и волю на то, чтобы как можно меньше контактировать с навязанными нам цифровыми помощниками и всякого рода рекламными ловушками, сулящими выгоду, либо с восторгом всё это принимаем, не задумываясь о последствиях.

Разрастание системы искусственного интеллекта и её влияние на нас будет ослаблять не только нашу волю в поддержании жизни, которая есть Бог, эта система будет стремительно пожирать и весь энергетический ресурс Земли. Слишком уж она прожорлива. Поэтому нужно думать не только о своем благополучии, но и благополучии тех, кто идёт за нами — наших детей.

Будем помнить всегда, что Бог поругаем не бывает.

НОВЫЕ УГРОЗЫ РУССКИМ РЕКАМ

Недавняя новость об обсуждении российскими учеными нового варианта советского плана поворота сибирских рек в Среднюю Азию быстро стала темой общественной дискуссии. С одной стороны, многие авторские каналы и общественные деятели, выражая мнение, которое явно разделит большинство граждан России, выразили тревогу и выступили с критикой данной инициативы. В то же время нашлись и защитники, в том числе левые и евразийцы, считающие, что Россия обязана заслуживать лояльность среднеазиатских республик такими широкими жестами, даже если речь идет об отечественных водных ресурсах и экологической безопасности. Пока ученые рассуждали на тему целесообразности и реализуемости проекта, неоордынцы уже множили памфлеты, где обвиняли критиков в подрыве евразийской интеграции и дружбы народов. Вероятно, в их видении Россия снова должна платить кому-то дань, якобы сохраняя бывшие советские республики в числе союзников. Однако вне зависимости от желаний этих авторов в Средней Азии уже давно ведется новая

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Большая игра», и лидеры стран региона активно выстраивают сотрудничество с разными зарубежными игроками, при этом принимая дары и добрые жесты России как должное.

Отделение наук о Земле Российской академии наук (ОНЗ РАН) предложило Министерству науки и высшего образования РФ рассмотреть научную составляющую проекта по частичной переброске стока реки Обь в Узбекистан. Научный совет ОНЗ РАН принял это решение еще в октябре. В рамках программ крупномасштабных межбассейновых и трансграничных перебросок ученые сочли частичное перераспределение стока реки Оби в Аральский регион самым перспективным. В отличие от советского плана переброски стока сибирских рек с помощью каналов теперь предлагается использовать закрытый полимерный трубопровод. Инициаторы проекта ссылаются на проблему дефицита воды при активном росте населения в Центральной Азии и утверждают, что его реализация укрепит экономические и социальные связи, а также увеличит влияние России в регионе. По их мнению, этих доводов достаточно, чтобы оправдать последующее нарушение экологической системы в Западной Сибири.

Выходят публикации о том, что России будет экономически выгодно продавать воду, а улучшение обстановки в регионе защитит страну от новых потоков неконтролируемой миграции; утверждают даже, что Сибирь превратится в болото, если не начать перебрасывать воду в Азию. Однако далеко не все разделяют такое мнение. Так, вице-спикер Мосгордумы и журналист Андрей Медведев сразу назвал эту инициативу предательством национальных интересов, и его поддержали в патриотических кругах.

Даже в СССР, когда проект переброски стока рек разрабатывали более 170 организаций и научных институтов, а лоббисты искусственно занижали его стоимость и преувеличивали эффективность, видные ученые во главе с академиком А.Л. Яншиным предупреждали о катастрофических последствиях, включая изменение климата, флоры и фауны и гибель рыбы в бассейнах Оби, Тобола и Иртыша. С началом всенародного обсуждения в защиту русских рек зазвучали голоса писателей, среди которых были В.Г. Распутин, С.П. Залыгин, В.И. Белов, В.П. Астафьев, В.Н. Крупин, В.А. Солоухин и другие. Присоединились ученые-гуманитарии и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Люди массово слали гневные

письма в органы власти, в печати появлялись обличительные статьи. В августе 1986 года высшим указом работы по проекту были свернуты, хотя теперь принято считать, что не из-за резонанса, а из-за нехватки бюджетных средств.

По прошествии почти 40 лет, внеся технологические правки, проект пытаются реанимировать, и поднялись головы сторонников, которые обвиняют как нынешних критиков, так и упомянутых выше людей, выступавших против в 80-е годы, в «экологической истерии». Как утверждают апологеты проекта, это — узколобость, мешающая реализации глобальных геополитических задач, например, строительству прочного Евразийского союза, способного стать новой версией СССР.

В Институте водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН уже заявили, что проект нецелесообразен с точки зрения экологии и нереализуем по политическим причинам, поэтому вряд ли его одобряют. Остается надеяться, что в итоге так и будет. При этом специалисты уже отметили, что гипотетически осуществление переброски стока не решит проблему дефицита воды и тем более не восстановит высохшее Аральское море на территории Узбекистана.

Актуальные научные исследования экологической обстановки нужны, и на их основе следует, в первую очередь, принимать локальные меры, такие как модернизация системы каналов и мелиорации, поскольку в некоторых республиках потребление воды для обслуживания хлопковых полей превышает норму, а многие каналы до сих пор лишены гидроизоляции, что приводит к недопустимой утечке воды из Амударьи. Это должно быть комплексное решение при готовности лидеров стран региона вместе работать над проблемой, а не рассчитывать на то, что в итоге Россия выправит ситуацию за свой счет.

Государства Средней Азии обрели суверенитет уже более 30 лет назад, и при любой возможности на политическом уровне они подчеркивают свою независимость. При распаде СССР в этих республиках резко обрела популярность антирусская риторика, построенная на обвинении России в колониализме и даже геноциде; в отдельных странах происходила резня русских, в других — разные степени дискриминации.

Если вспомнить историю, то вокруг восстания 1916 года, когда в тылу у воюющей страны толпы озверевших погромщиков, вдохновленных иностранными агентами, стали убивать жителей станиц и русских сел, разрушать

железнодорожные и телефонные линии, выстроен целый национальный миф. Правительственным войскам, наводившим порядок, присвоен статус карателей и убийц, а сепаратисты признаны жертвами, и им ставятся мемориалы. Массово героизированы все, кто воевал и восставал против царской власти. И даже советский период, когда происходило интенсивное развитие сельского хозяйства, а инфраструктура республик и рост их благосостояния осуществлялся за счет РСФСР, все равно зачастую называют оккупацией. И ныне как «пережиток колониализма» стабильно вытесняется русский язык.

Много лет в Средней Азии действуют турецкие центры влияния, лидеры стран активно взаимодействуют с Анкарой, продвигающей пантюркистскую концепцию через образовательные программы. Великобритания наращивает экономические связи с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. С Казахстаном у Лондона уже довольно тесные связи. Так, в 2024 году было достигнуто Соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, охватывающее сферы безопасности, образования, торговли, энергетики и инвестиций. Несмотря на участие Казахстана в ОДБК, ведется сотрудничество с британцами и в военной сфере. В новой внешнеполитической стратегии Лондон сделал ставку на увеличение системного взаимодействия со странами региона в формате «C5 + 1» (пять среднеазиатских государств и Великобритания). С этой целью в июле прошлого года англичанами была сформирована Межпартийная парламентская группа по Центральной Азии. По аналогичной схеме давно ведется работа с КНР в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь», и уровень инвестиций Китая в экономику данных стран трудно переоценить. В последние годы на Китай приходится более половины внешнеторгового оборота Туркменистана. Перед Китаем почти половина внешнего долга Киргизии и Таджикистана. Примечательно, что идея Срединного коридора или Транскаспийского международного транспортного маршрута, проходящего в обход России через Среднюю Азию к Азербайджану и через Закавказье и Турцию — в Европу, интересует не только Китай, но и Англию, которая подключилась к развитию инициативы.

Вероятно, отдельные евразийские мечтатели полагают, что готовность поделиться водой из Оби повысит позиции Москвы в регионе и не допустит того, чтобы лидеры стран Средней Азии предпочли интеграцию в чужие

международные схемы, ведь такой шаг покажет реальную заинтересованность России. В действительности наша страна упорно сохраняла старые связи даже тогда, когда соседи демонстрировали приоритет сближения с конкурентами. Этой осенью президент РФ отмечал, что объем российских инвестиций в экономику Центральной Азии составляет всего 20 млрд. долларов, но этого мало. В конце этого лета под Бишкеком в качестве подарка народу Киргизии к 10-летию ЕАЭС был открыт крупнейший в регионе парк «Евразия» с бесплатными аттракционами, оценивающийся в 35 млн. долларов. К осени 2022 года Россия построила пять новых русскоязычных школ в Таджикистане за свой счет, к 2030 году планируется открыть еще пять учебных заведений. Девять русскоязычных школ должны появиться до 2027 года в Киргизии, правительство Узбекистана также поддержало идею строительства новых русскоязычных школ за счет РФ, согласовывается перспектива открытия трех школ в южных регионах Казахстана. В этой же республике началось возведение первой атомной электростанции, рассматриваются проекты по строительству и модернизации теплоэлектроцентралей с российским участием. Ташкент и Москва договорились о создании Центра ядерной медицины в столице Узбекистана, разрабатываются проекты строительства двух гидроэлектростанций, а также двух АЭС — большой и малой мощности; начались подготовительные работы к возведению АСММ (атомной станции малой мощности). Бишкеку Москва списала долги на сотни миллионов долларов, затем выделяла финансовую помощь и многомиллионные гранты. Можно еще долго перечислять примеры финансовой поддержки среднеазиатских республик, передачи в дар автомобилей и другой техники. Достаточно напомнить, что прошлым летом было решено списать долг Таджикистана за электроэнергию в 297 млн. долларов, а десять лет назад Москва списала долг Узбекистана более чем в 860 млн. долларов. Вероятно, благодаря этому сегодня глава Узбекистана выражает готовность в течение десяти лет вложить более 130 миллиардов в экономику США. А Казахстан обещал вложить до 17 млрд. долларов, прежде всего, через закупки техники и высокотехнологичного оборудования для добычи полезных ископаемых.

Диалог с президентом Америки в рамках саммита «Центральная Азия — США», состоявшегося 6 ноября 2025 года, заслуживает отдельного внимания. Касым-Жомарт

Токаев признался, что считает Трампа великим лидером и государственным деятелем, посланным самими небесами, чтобы вернуть на землю здравый смысл, за что миллионы людей на планете безмерно ему благодарны. Президент Казахстана выразил уверенность, что под мудрым руководством Трампа Америка вступает в новый золотой век.

«Президентом мира», положившим конец восьми войнам за восемь месяцев, считают его в Узбекистане, как заверил Шавкат Мирзиёев, приглашая американского лидера в свою солнечную республику.

Президент Киргизии Садыр Жапаров, высоко оценив принятый Трампом закон, регулирующий финансовые технологии, рассказал о внедрении цифровых финансовых инструментов в своей стране, а также отметил, что рассматривает США как важного внешнеполитического партнера. Жапаров подчеркнул, что развитие диалога в таком формате сулит взаимную выгоду странам Центральной Азии и Америке.

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон заявил, что Трамп играет выдающуюся и похвальную роль в обеспечении мира и стабильности в конфликтных регионах по всему миру; с ним достигнуты договоренности о закупках авиационного оборудования спутниковой связи более чем на 3 млрд. долларов.

Наиболее краток был президент Туркмении Сердар Бердымухамедов, который поблагодарил хозяина Белого дома за гостеприимство и выразил уверенность в расширении сотрудничества. О достигнутых им соглашениях с США неизвестно, зато остальные руководители стран успели попутно перечислить имеющиеся у них ресурсы, способные стать объектом общего интереса и разработки в будущем. Лишь Садыр Жапаров признался, что редкоземельных металлов или газа в его стране нет, но зато есть образованная молодежь, желающая работать в сфере цифровых технологий. Хотя единого меморандума по итогам представлено не было, важно, что американский лидер дал своим гостям импульс к открытому наращиванию сотрудничества с его страной, и в целом те показали свою заинтересованность.

Некоторые отечественные «эксперты», рассуждая о взаимоотношениях со странами Средней Азии, по привычке видят в них бывшие республики СССР, где живут *«наши советские люди»*. Даже не беря в расчет новые поколения,

выросшие в отрыве от объединяющего фактора русской культуры и не знающие русского языка, они как будто не замечают, что даже происходящие из советских кадров местные руководители мыслят уже иными категориями и примеряют новые фракции для своих стран. На наших глазах, при участии внешних сил, они пытаются создать новые платформы без оглядки на советское прошлое, и это уже не обычное заигрывание с помощью традиционного торга с заинтересованными сторонами.

Заметно отличающийся от своего предшественника, чуждого идей региональной интеграции, Шавкат Мирзиёев катализировал процесс переформатирования геополитического пространства, идеология которого отражена в его программной работе «Центральная Азия на пороге новой эпохи». В ней отсутствует обращение к советскому прошлому, нет отсылок к совместной работе в форматах СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, зато есть четкая цель обозначить суверенность Центральной Азии как единого субъекта, творящего собственную историю и выбирающего партнеров строго из прагматических соображений.

Выстраивая свой диалог, Кремлю следовало бы опустить постсоветские сантименты и исходить из осознания новых реалий. И уж точно не пытаться кого-то задобрить в ущерб интересам России и ее народа.

ЧИКИСТ

РАССКАЗ

Никто не знал, что у него умерла мать. Да он и сам узнал только тогда, когда её уже схоронили. Сестричка прибегала из тубдиспансера, вскользь сообщила о смерти, сунула поминальную пачку печенья и убежала. Весной у матери болезнь обострялась, и она по два месяца лежала в стационаре. Он привык к её долгим отсутствиям. Он не совсем понял краткое сообщение о смерти, ему подумалось, что мать домой не придёт, продолжит лечение. Вынул из пачки квадратик, по три таких печеньюшки она приносила, когда вечерами возвращалась из дневного диспансера, с неприятным больничным запахом, но вкусное. И этот квадратик пропах лекарствами, как и мать. Словно ощутил её присутствие, и что-то непонятное завертелось в сознании. Как это умерла? Её больше нет?.. Пожевал печенье, вкуса не почувствовал, лишь больничный запах, горький.

Отрепённо побрёл на кладбище. Он уже бывал здесь с матерью. Она поминала сопалатниц, сгоревших от чахотки. Плакала у свежей могилы: памятник-пирамидка с красной

ПРОЗА

звездой, фотография — миловидное девичье личико. Девочка, молоденькая совсем, девятнадцать лет, жить бы да и жить... Медсестра ночами обходила палаты, не позволяла переворачиваться на спину, а тут не доглядела. Легла Верочка на спину, мокрота пошла горлом, задохнулась... Голос матери услышался. Вот и мама, поди, так... Дома репейным маслом мазалась, помогало какое-то время, а потом приступы мучили. Пот прошибал, бросало то в жар, то в холод, пить просила, металась: огонь в груди. Следил, чтобы на спину не ложилась, поправлял изболевшее, высохшее тело. Чистюля, аккуратистка, пользовалась своей посудой. Кашляла за шторкой, надрывно, порой до кровохарканья.

Несмотря на строгую гигиену, на все предосторожности, реакция Перке на туберкулёзную пробу у Игоря оказалась положительной. У всего первого класса следов после туберкулиновой инъекции на руках не оставалось. А у него целых пять миллиметров, да ещё со вздутием! К прозвищу Игоря Лаптева Деревенский Лапоть добавилось отпугивающее — Тубик. Многие одноклассники сторонились его. И каждые полгода мать водила его в туберкулёзную больницу на обследование. Длинные коридоры, побелённые известью, пропахшие лекарствами, многочасовая очередь на приём к врачу — невзлюбил эти хождения. И мать виноватилась, что всё это из-за неё...

Идя по кладбищу, начал с болью, до слёз ощущать, что её нет. Да сколько угодно ходил бы в эту больницу, лишь бы мама была жива!.. Её могилку нашёл в отдалении от Верочкиной. Быстро разрастается печальное поселение. У всех пирамидки с красными звёздами, а у мамы столбец с дощечкой. На ней грубовато суриком написано: Рая. Чуть ноги не подкосились, прошептал:

— Вот ты и в раю, Раиса Павловна. Как бездомную схоронили, даже меня, сына родного, не позвали. — Снял фуражку, сжал в кулаке. — Ну ничего, мать, скоро подрасту, добрый памятник поставлю. Во второй класс перейду, на физкультуре уже с последнего места в шеренге в серединку продвинулся. В рост пошёл, куртка маловата, штаны короткие, ботинки каши просят. Ну ничего, вот выиграю в чикку целую кучу монет, приоденусь. В комиссионке одежду, обувь по дешёвке можно купить или у старьевщика за тряпье, в мусорке много его валяется.

Отвлёкся подобными мыслями, полегчало. Широкое поле рядом с могилкой раскинулось, поджидая новосёлов. В

апрельском небе жаворонок трепещет, звенит колокольчиком. В метёлочки овсяницы вплетаются первые полевые цветы: лютики, медуницы, фиалки. Возле бочажка красуются ярко-жёлтые купавки. Собрал букетик фиалок; голубые, как небо, и мама — голубиная душа. Так звали её в палате за доброту, за помощь. Преклонив голову, опустился на колени, положил цветы на могилку. Поднялся:

— Мамка, мамка, бросила ты меня, эх ты!..

Защемило сердце, только сейчас остро почувствовал покинутость: совсем один, сирота... В слезах, как в тумане, плутал в кладбищенских лабиринтах. Наткнулся на ухоженную могилу: оградка, мраморный памятник, «Геринг». Ну и фамилия! Как же он жил с ней? Мама сказывала, перед войной немцев с Волги сюда отправили. В квартале много пацанов с немецкими именами: Алька, Эдька, Герка, Рудькина сеструха Гутька, Августа... На поминальном столике россыпь печенья и конфет в фантиках, угостился. Вот такой и будет мамина могила.

Учился во вторую смену, успел сделать уроки, решил задачки по арифметике, написал упражнение по русскому. Хорошист, не надо давать себе послабление, а то заподозрят, что у него что-то случилось. В школе виду не подал, что у него горе. Однако учительница после уроков пристала:

— У вас всё нормально, Игорь, как здоровье мамы?

— У нас всё хорошо, Клавдия Петровна.

От этих слов слёзный комок к горлу подступил, чуть не разревелся. С ожесточением начал швабрить пол, в этот день дежурил в классе. Ничем не выдал себя, а то потащат в детдом, как сироту. Сталкивался с инкубаторскими: стриженные, злые. Нормальные пацаны лежачих не бьют, а эти били. Нет уж, галухой ходить с синяками от чухонцев — ни за что! Игорь Лаптев вполне самостоятельный.

Однокомнатная квартира на первом этаже двухэтажки считалась служебным жильём. Когда мать устроилась истопником в местную котельную, ей выделили кухню. Комната, жилой фонд, повидала разных временщиков. По-доброму соседствовали с Лаптевыми молодожёны, зрелые семейные пары, одинокие инженера, бухгалтера, но быстро съезжали, получив новые квартиры. И вот въехала зловредная парочка, конструктора с тихой фамилией Молчановы. У него же было смешное женское имя — Зиновий. Куриные любители, из их комнаты часто доносился запах жареной курицы. Облизывая жирные губы, он выговаривал соседям:

— Заняли кухню, нам готовить негде! — а потом и вовсе начал изводить. — Райка, ты нас своей чахоткой заразишь!

— Да я здесь почти не живу, всё лечусь, — сдерживая кашель, отвечала она.

— Вот-вот, лечись подольше! — кривился он.

Когда супружница отяжелела, взбеленился:

— У нас скоро потомство появится, а ты всех нас перезаразишь! Эх, гильотина и от насморка лечит!

«Вот гад! — сжал кулаки Игорь. — Наподавал бы тебе как следует! Подговорю шпану, чтобы побила, да мараться не хочется».

Появился у Молчановых новорожденный: крикун, спать не давал. Болезнь у матери обострилась: приступы удушья, изнуряющий надрывный кашель, огонь в груди, всё время просила пить. Игорь подавал кружку воды, поддерживал её, помогая слабым материнским рукам. Пила жадно, лихорадочно, сотрясаясь всем телом, расплёскивая воду, и снова просила пить... Побежал к соседям на втором этаже, у них был телефон. Вызвали «скорую». Это был последний путь матери в больницу. Последний путь... Ночами младенец заходился в плаче. Игорь, лёжа на кровати,жимал ладонями уши и начинал покачиваться. Укачалка помогала, засыпал.

После дежурства к друзьям не пошёл. Они ждали его на пустыре, чтобы сразиться в чику, без него у них не клеилось.

— Чикист, айда к нам, где ты запропал? Мы тебя жаждались!

Отмахнулся, не до того. Пришёл домой, а комнату заняли Молчановы. Заглушая плач ребёнка, Зина зачастил:

— Мы всё ваше вынесли в подвал. Там такая благоустроенная комната, не хуже этой, даже лучше. Она больше, там свет и вода. Тебе там будет хорошо. А тут наша семья: ребёнок плачет, не даёт уроки учить. Мы вот тебе ужин приготовили: рожки с курочкой. Ты, если что, приходи к нам. Мы тебя всегда покормим. Мы нежадные.

«Добрячок с печальными овечьими глазами», — выслушал в оцепенении бред сивой кобылы, машинально взял тарелку. На рожках лежала курячья кожа, пупырчатая, в волосах. Слотнул слюну, был голоден. Вывалил в унитаз молчановское подаяние.

Раиса заведовала избой-читальней в родной деревне Лаптево. Очаг культуры: газеты «Правда», «Известия», «За урожай», журналы «Огонёк», «Крестьянка», «Крокодил». Вечерами на огонёк к избачихе заходили книгочеи выбрать

книгу, политики — обсудить международное положение, старушки — составить с её помощью письма детям, забывшим их в городе. На всех у Раисы Павловны находилось доброе слово. Она была на виду, в деревне её почитали. За ней, ядрёной, симпатичной, стал ухлёстывать первый парень на деревне. Не устояла, согрешила. Просветилась — работник просвещения. Ни сватовства, ни родительского благословения. Блудница — позор! Даже родня осудила. Сбежала в город, помыкалась в поисках работы. Пригляд кадровички чутко улавливал признаки беременности, как ни скрывала второй месяц. Этого не заметили на кочегарке. Крепкую с виду деревенскую девку приняли, выделили кухонный закуток в однокомнатной коммуналке.

Котельная находилась в подвале этого дома. Труба её, забетонированная в кубическую муфту, торчала прямо перед окном кухоньки, нещадно дымила и засыпала всё вокруг крупитчатой золой. Снег пестрел как леопардовая шкура. Не подавая виду, что беременна, в первые два месяца работы на кочегарке, Лаптева трудилась наравне с мужиками. Широкой совковой лопатой сгружала уголь с бортовухи на дощатый лоток, спущенный в подвал, с него сгребала в кучу на три котёлки. Голова от угольной пыли плотно закутана в шерстяной полушалок, лишь глаза на свободе. Фуфайка, кирзачи, брезентовые рукавицы, тяжеленные лопаты. Бери больше — кидай дальше! Работяга... Взмокревшая, часто простывала, кашляла, но больничный не брала. Разгрузка опилок тоже давалась нелегко: ветер развеивал их, бросал в глаза. Надевала безлинзовые очки, но они потели. Потом кочегарила.

Три топки были чрезвычайно прожорливы. Только кидай в их огнедышащие пасти уголь. Шуровала в печи доменной кочергой, рой искр вырывался, осыпал её, чуть ли не прожигая насквозь брезентовую робу. Они светлячками угасали на грохочущей под кирзачами жести, покрывающей пол. Жар от печи и котлов почти выталкивал её из кочегарки на воздух, чтобы могла отдышаться. Но, в общем, стойко несла дневные и ночные вахты. Смывала грязь и усталость под душем в котельной, а через пару минут была дома: жила во втором подъезде. Поев, перед сном гладила округлившийся живот, ощущая биение родного дитяти. Об аборте не помышляла — детоубийство. Ничего, возрастет и поднимет на ноги родную кровиночку. Кто будет: мальчик или девочка?... Как назвать? Счастливо улыбаясь, перебирала

подходящие имена: Ваня, Маша, Петя, Аня... Если доченька, то Света, если сыночек, то Игорь. Красивое имя! Кабы не надсадиться на работе, не навредить дитятке во чреве. Соседи менялись часто, и она даже не успевала с ними познакомиться. Да и не до знакомства было, уставала очень. Бригадир, заметив, что она в положении, перевёл её из кочегаров в зольщицы. Чтобы не поднималась першащая взвесь, угольную пыль и золу засыпала опилками. Совком и метёлкой из конского волоса убирала гремучий жестяной пол. Почувствовав предродовые схватки, взяла отпуск без содержания и поспешила в роддом.

Родился Игорёк — славный малыш, здоровенький, живчик, резво сучил ручками и ножками в тесёмочках, осыпаясь поцелуями счастливой мамы. Шустрик в полгода, а уже всю ползая, нарезал круги в комнате. Побыв в декрете всего лишь полгода, рискнула вернуться на работу: деньжонок не хватало. Игорёк уже составлял пирамидку из цветных колечек, катал на лошадке голенючего пластмассового пупсика, на грузовичке зайку и мишутку. Забросит мячик и ползёт за ним. Вполне самостоятельный. Уходя на работу, Раиса надевала на него постромки на верёвке и завязывала её на ножке кровати. Ползунок на привязи не мог добраться до батареи, а то бы ожёгся. Работая зольщицей, она могла отлучаться на полчаса, чтобы присмотреть за сынишкой, благо, что дом рядом. Однажды он строил дом из кубиков, они рассыпались. Он начал их собирать, верёвка стала накручиваться вокруг шеи. Как всегда заполошно вбежала в комнату, а сынок уже задыхался, хрипел, синел. Взыла, бухнулась на колени, рыдая, дрожащими руками начала выпутывать тельце из верёвочной петли и постромков. Высвободила, хотела прижать малютку к себе, вдохнуть в него тепло. Но чтобы ему легче дышалось, сняла распашонку и голенючего бережно положила в кроватку. Стала обмахивать его полотенцем, обвевать воздухом, приговаривая:

— Сыночка, всё будет хорошо, всё будет хорошо, Игорёчек мой!

Он открыл глазёнки, слабо улыбнулся, со вздохом прошептал:

— Мама, — и протянул к ней ручонки.

Она взяла его на руки, прижала к себе. Обливаясь слезами, начала целовать молочное тельце.

В соседнем доме нашлась одинокая старушка, которая за небольшую плату согласилась водиться с малышом.

Утром перед сменой, работая в дневную, приносила Игорька к бабушке Дусе с продуктами детского питания и для бабушкиного тоже. О добросердой бабе Дусе поведала ещё одна работающая мамочка, потом другая. Расцвели ясли-сад на дому у бабушки. Игорёк, Алёнка, Костя — дружная семейка, и бабушка Дуся как родная. У воспитательницы для каждого воспитанника своя прибаутка: «Костик — озорной курносик, Алёнка смеётся звонко, Игорёшка, где твоя ложка? Баба Дуся любит вас, скушать кашку — мой приказ!» По азбуке учила:

— А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала, кто остался на трубе?

— И-и-и! — восторженно отвечали грамотеи.

Тихий час с арифметики начинался:

*Ходим, ходим,
Бродим, бродим,
На дороге сны находим.
Вот он, вот он
На дороге первый сон:
Видим в дымке за рекой
Ходят сны седьмой, восьмой...*

Сладко засыпала на полу троица, и бабушка вместе с ними.

Объявился племянник, прописала. Тесно в однушке, начал качать права, чтобы закрыла бабка свой детсадик. После его притязаний на жильё, она, святая, и закрыла свои светлые очи. Благодарные мамочки привели деток попрощаться со своей любимой бабушкой. Они не понимали, почему она тихо лежит в гробике и не встаёт. Лишь Алёнка протянула к ней ручонку, как бы желая оживить:

— Бабуська Дуся, мы тебя любим.

Для Игоря началась самостоятельная жизнь. Сам себе господин. День-деньской на улице со сверстниками. Когда привозили опилки на кочегарку, дошколята скатывались по желобу, как с горки, прямо в котельную. А там их подхватывала на руки счастливая Раиса. Среди этих шаловливых котят был и её любимый Игорёк. Закатывалось румяное солнышко благоденствия. Всё чаще и надсадней кашляла зольщица Лаптева. Угольная пыль осела на лёгких, постоянная простуда надорвала бронхи. Слегла, оставив домовничать сына. Кочегарка делала благое дело, отапливала несколько кварталов, но и коптила изрядно, не повесишь бельё на просушку. Жалобы жителей дошли до

большого начальства, и в сжатые сроки была построена теплоцентраль. Кочегарскую трубу спилили, дыру в бетонной тумбе запаяли. Оборудование котельной из подвала вывезли, и он оставался бесхозным.

Вот туда-то и сунул благодетель Молчанов осиротевшего мальчонка. Игорьку было всё знакомо в этих владениях, где работала его мать. Он и в подсобку забегал не раз, где его привечали гостинцами мамины сослуживцы. В ней можно было жить: тепло, светло и мухи не кусают. А вне её мрак, сыро, промозгло, плесенью пахнет. Вход в подвал затоплен, вода хлопает под единственной доской, по которой он шёл в подвальную темень. И эта непролазная кромешность даже была выгодна. Кто сунется в неё?.. Обзавёлся редким в то время фонариком-жучком, выменял у заезжего старьёвщика на тряпьё, на помойке барахла хватало. Батарейки у простых фонариков быстро сдыхали, жучок вечный, только нажимай на ручник. Хорошее подспорье для чикиста — пальцы крепнут. Жужжит жучок — крысы разбегаются с писком, невыносима эта музыка для них. Пол жестяной грохочет, тоже пугаются. Туалетную кабинку вывезли, один унитаз торчал над провалом. Какое-то ископаемое выползло как-то оттуда. Это же до какой жути докатился мужичонка, чтобы здесь кантоваться?.. Еле выкарабкался. От, суки, уже ухо отгрызли! Больше никто из таких крапалей не спускался в подвал.

А мальчика подземелья, Игоря Лаптева, спасала от крысиного писка и тяжёлых мыслей придуманная им укачалка. Залепит слух ладошками и качается на топчане под детским стёганным одеялом, пока не уснёт. В снах часто повторялось одно и то же, увиденное наяву. Он с ребятнёй выбегает из кинотеатра «Горн» после просмотра кинофильма «Васёк Трубочёв и его товарищи» из тёмного зала на ослепительно сверкающую солнечную улицу. Жмурится, открывает глаза и видит мать. Она прошла мимо, не заметив его, в сером пыльнике, за спиной узел с бельём, сгорбленная, как старушка, жалкая. Он не окрикнул её, не бросился к ней. Да, так всё было наяву. После кочегарки она устроилась в прачечной, стирала постельное заводского общежития. Тяготы жизни и работа в кочегарке и прачечной, болезнь состарили её. А ей не было ещё и тридцати пяти. У других пацанов матери выглядели куда лучше. Одевались модно, не болели, мужья у них... Игорь даже завидовал, не повезло ему с мамкой. Однако подлянка, когда постеснялся своей матери в уборной, нет-нет, да и мучила. И сон, смешанный с

явью, повторялся. Совесть доводила до слёз, сердце щемило, и себя было жалко, и бедную мать. Так рано умерла, всё-таки с ней было хорошо.

Племяш, гад, откуда-то вылутился, а то бы бабушка Дуся к себе взяла: «Игорёшка, где твоя ложка?» Нету у него посуды, ни к чему она. Электричество есть, но на запахах варёва сбегутся хвостатые. В железном шкафу слесарные инструменты держали, теперь там буфет: кральки, сушки, баранки, бублики с маком, кефир. На досуге можно и чай фруктово-ягодный в брикете погрызть или кисель, подсластиться пряничком, печенюшкой, леденцы во рту погонять. Носки стырили, пахучие, привлекательные для них. Для теплоизоляции труб использовалась стекловата, клочок её упал сверху прямо на фонарик, стряхнул, обожгла ладошку похлеще крапивы. Колёнки, казалось, впились навсегда. Долго не унимался зуд, как ни намыливал руку. Надел резиновые перчатки, оставленные электромонтёром, во все щели в комнате и вокруг неё напихал противокрысиное оружие — стекловату. Обезопасил жилище, приютил прилудного кота. С оглушительным визгом и верещанием произошла схватка его с пацюками. Отважно сражался, но вынужден был покинуть место битвы. Продолжил бродяжить там, где поспокойнее.

Побаиваясь, что его заметут в детдом, Игорь не мозолил глаза жильцам дома, не беспокоил их совесть. Они не видели, когда он выходил из подвала и заходил в него, единственный его житель — восьмилетний мальчик. Он, конспиратор-подпольщик, на белый свет появлялся раным-рано, ещё до дворничихи.

Металлургический завод спускал в речку Горячку свои отработанные воды. Под мостом в трубе пытались избавиться от ревматизма фронтовики, награждённые им в сырых окопах. Живые струи незамерзающей Горячки сворачивали в затон у скалистого бережка. Во всей осквернённой речке не водилось ни одной рыбёшки, а здесь гуляли пескаррики. Утрешняя поклёвка самая азартная! Рыбачок, насладившись уловистой рыбалкой, отправлялся с рыбным бидончиком на рынок. Пристраивался рядом с зеленщицами, выкладывал на ящики из-под пива свежую рыбу — десяток пескарей. И все удивлялись: откуда в здешних краях свежая рыба? Допытывались, где, но он стойко хранил сокровенную тайну. Свойский паренёк!.. Любая торговка по дешёвке насыпала полный кулёк семечек. Полузгав, попив кваску доброй тётушки-

квасницы, степенно направлялся к главному месту своей жизни — к чике.

На пустыре возле барака его уже поджидали соперники. Им не терпелось отыгаться за вчерашнее поражение, продулись до последней копейки. Набиралось уже около семи реваншистов. Проводили черту, на ней решкой кверху ставили стопку монет, чаще всего трёхкопеечных, удобных для игры.

— На кону двадцать одна копейка! — объявлял зачинщик.

Отмеривал десять шагов и проводил черту, через которую нельзя переступить. Тыкал пальцем в участников:

— На одном крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной и ты с меткой рукой!

Так определялся первый бросающий. У каждого была своя излюбленная бита: свинчатка или плоский окатыш из речной гальки. Метатель с кличем: «Беру с орлом весь кон!» — бросал биту. Редко кому удавалось перевернуть всю стопку на орла. Меткий бросок рассыпал её, перевернутые монеты удачливый забирал. Лёгким ударом биты старался перевернуть ещё одну, при промахе замыкал очередь.

Игорь Лаптев, он же Лапа, Ига, в чике был непобедим, и получил кликуху Чикист. Это ему удалось два раза снять весь кон целиком с одного броска, когда все монеты улеглись орлом кверху. Чаще всего срезал на орла полстопки. Как фокусник изящно оттопыривал мизинец, разжимал большой и указательный палец, галечная битка ребром падала на закройку монеты, и та охотно переворачивалась. И остальные ювелирно чикал ребром битки.

— Ловкость рук и никакого мошенства. Учитесь, пока я жив! — для продолжения чики на кон ставил пятак.

А там уж, кто сколько, лишь бы посостязаться с Чикистом. С царских до советских времён дошли ребячьи игры с денежкой: орлянка, пристенок, чика, орел-решка. Аверс с двуглавым орлом, реверс с номинальной стоимостью монеты. Играли купчики, гимназисты, детки с достатком, с наличкой. Беднота забавлялась чехардой, оттачивала ловкость и меткость, играя в бабки, в чижа, в лапту, в городки, порой в ножички. Учитель истории старшеклассникам рассказывал, что сам царевич Дмитрий-малолеток напоролся до смертельной раны, играя с челядью, и убили. Уличная пацанва имела холодное оружие: «Мы ребята-ёжики, за голенищем ножики!» Со стреляющим лезвием и даже с прибабасами: шило, отвёртки, штопор, открывашка. Для игры годились только простые перочинные без всяких

выкрутасов. Ножичек, придерживаемый щепоткой, остриём упирался в подушечку большого пальца. Игрок легонько раскачивал его и броском старался вонзить в землю. Если тот втыкался, на очереди был указательный палец. Удачливая пальцевая серия завершалась на мизинце. Состязание усложнялось. Слону хобот качали — ножик ставился на нос, на ухо — слону уши качали. Ножик торчит в земле — победа! И как царевич мог убиться в такой безобидной игре? Видно, припадочный был, в падучей. И здесь Чикист часто побеждал. В городки старшие ребята играли, покрепче его. Однако, если допускали к себе, то одним броском шаровки пулемётное гнездо взрывал, и рака его шаровка выбивала, и змею, и колбасу. Козла во дворе с доминошными мужиками забивал; рыба — делай поперёк конца. С картёжниками дулся в подкидного дурака, в пьяницу, в очко, в буру. Уголовные элементы давно приглядывали за ним, норовили втащить в свои сети. Щуплый, вёрткий, в любую дыру залезет, отменный форточник. Щипачи заманивали, он им для интересу лезвия изготавливал. Положит пятак на рельсу, трамвай проедет — расплющит. А дальше дело техники: наточит напильником тоньше, держать удобно между средним и указательным пальцем, и само лезвие острее бритвы. За такое «изячное» изделие карманники одаривали его целковыми. Бумажные он копил на памятник матери. Мелочь использовал на дневное пропитание, лакомое. Мороженщицы неохотно брали побитые, помятые монеты и подсовывали ему талое молочное в размякших вафельных стаканчиках. Голодненький, швыркая, махом съедал две мороженки. Ни разу не кашлянул, закалённый улицей и сиротством.

У входа на рынок по обе стороны ворот сидели мелкие торговки: семечки, грибы, ягоды, ранетки, петушки на палочке, вязаные носки, поношенная обувь... Точильщик-паяльщик: «Ножи вострю, кастрюли, вёдра чиню!» Угрюмый калека на кожаной подушке с оголённой культей, с красно-бурым обрубком ноги. Но однажды в эту размеренную череду рыночных будней въехала странная детская коляска. В ней не ребёнок гулил, в ней мостилось то, что осталось от человека — фронтовик без рук, без ног. Пустые рукава и брючины, перевязанные на обрубках тесёмками, пилотка, медаль и орден, пытливый взгляд: как на него смотрят люди. Женщина, прикатившая коляску, похожая на монашенку, сняла с его седой головы пилотку.

— Будем и копеечке рады, подайте, Христа ради!

Он встрепенулся в своём гнезде, выпрямляясь во весь оставшийся рост и запел:

*Руки и ноги лежат
Там, где гремели бои.
Будто живые, болят,
Будто со мною они.
Я четвертован войной:
Без тела, одна лишь душа.
Небо летит надо мной,
К нему полечу не спеша.
Хочется с вами побыть,
Вспомнить былые года,
Когда довелось мне любить...
Но грянула сука-беда!
В последнем крошечном бою
Всё отнял дьявольский взрыв!..
Оставил лишь песню мою
О том, что я ещё жив.*

Бабоньки, находившиеся рядом, бросая мелочь, завздыхали, запричитали, иные всплакнули. Блаженная нищенка в обдергайке обхлопала себя:

— Руки и ноги целы, а мы тужим. Спаси нас, Господи! Нам ведомо, что ты великий воин Пётр-камень, пойду в божий храм, помолюсь за тебя. Прости нас, Господи!

— Смотреть не на что, а вон как голосит! — прервал свою рекламу точильщик-паяльщик. Разносчица кваса поддакнула:

— Из таких вот певунов-самоваров хор собирают.

— Да кто же на него пойдёт, сердце не выдержит... — горестно вздохнула зеленщица.

Чикист выгреб из своих карманов мелочь и положил в пилотку. Подходила парочка фраерков в кепариках, короткие курточки-бобочки, расклешенные брючата, рандолевые фиксы. Ну и умора! Ну и цирк! Чикист сжал в кармане битку, готовый запустить в этих мерзавцев. Они вдруг отошли в сторону, стали шушукаться, зырая на опрятно одетую старушку. Выйдя из рынка, она достала из кошёлки узелок с деньгами, развязала его и помолившись, положила в пилотку пятерик. Поводырша благодарно поклонилась, помолилась:

— Кого совесть тревожит, подайте, кто сколько может.

— Старая вешалка, ну и кошёлка! — зашипели бобочки.

Она же пошла по тропе, ведущей от рынка к мосту через Горячку. За ней на улице Вязовой находилась её изба. Сегодня у неё был печальный день. Она продала свою любимицу козу. После смерти деда Сидора, который выгуливал её на пустыре, коза стала дерзить: нападала на свою же дворовую живность, словно с ней случилось лёгкое помешательство. Баба Маня тоже холила её, не выгуливала, а держала на привязи за огородом. И дереза перестала таиться: не подчинялась хозяйке, с ней не было сладу. Баба Маня утихомирила её слабым снотворным и полусонную отвела на рынок. Всплакнув, за небольшую плату отдала животинку в чужие руки. Горестно брела домой, не замечая, что сзади поодаль за ней увязались двое проходимцев. Этих хищников тропил Чикист. Он знал и деда Сидора, и бабу Маню. Они угощали квартальную ребятню горохом, бобами, крыжовником, турнепсом, моркошкой, решётками подсолнуха. И у пацанвы отпала охота делать ночные набеги на добрый огород. Мост на Горячке проложили через бетонную трубу метрового диаметра. В ней часто грели косточки фронтовики, заработавшие ревматизм в сырых окопах. И дед Сидор лечился здесь. Рассказывал, что однополчанина встретил на Одере — вот было радости! Как бы он встретил «самовара»?.. Совсем не обидно звучит «самовар», по-доброму даже. Но сколько приходится ему переживать, безрукому, безногому?.. А у него, Чикиста, руки и ноги целы, чего тужить. И не беспризорник он, взрослый уже. Фуражка боевого вида, с раздвоенным задраным козырьком, рубашка, перелицованная с гимнастёрки, холщёвые штанцы, кеды... Лицо в конопушках, руки в цыпушках — Гаврош!

Пройдя мост, злоумышленники вдруг начали валяться в пыли, вывернули наизнанку бобочки, измазали глиной рожи, взъерошили волосы. Сломали тополёк, сделали из него палку. Один из них, припадая на ногу, заикался, застонал, изображая калеку, другой поддерживал его под руку. Разнесчастные подковыляли к дому бабы Мани. Ногами, палкой застучали в калитку с оплотом и завопили:

— Подайте нищим, убогим на пропитание.

Хозяйка вышла было из дома:

— Сейчас, сердешные, сейчас...

Подоспевший Чикист закричал:

— Не открывайте, баба Маня, не открывайте! Они хотят ограбить вас!

А она уже открывала калитку. Он метнул в подонков заветную битку. Она сбила с одного из них кепарик.

— Ах ты, сучонок! — набросились они на Чикиста, сшибли на землю и стали пинать.

— Сидор, Сидор, на помощь! Бери ружьё! — взяла на испуг шпану баба Маня.

Те драпанули. Она подняла побитого спасителя, отряхнула и повела в дом. Он умылся и принялся терпеть жгучую зелёнку, которой она смазывала его раны. Поставила на стол миску куриного супа, кружку компота, на тарелке поклеванный хлеб и любимые его бублики с маком.

— Ешь, не стесняйся!

А он и слова произнести не мог опухшими губами, лишь благодарно смотрел на неё. Она очень походила на няню, бабушку Дусю, такая же добрая! И мама в старости была бы такой же!

— Ешь, поправляйся, внученок! — напевно приговаривала она. — Мученик-внучек!

От сытного ужина, от доброты он стал подрёмывать уже за столом. Она уложила его спать. Впервые за долгие одинокие месяцы он уснул без укачалки, с лёгкой улыбкой. Кот Баюн признал его своим, замурлыкал переливчато, украшая сон, — рядом да ладком!

г. Нижний Новгород

ДОЛГ

РАССКАЗ

В прохладном зале кафе «Севастополь» было сумрачно и немногочленно. В освещенном углу у стойки пили коньяк и вежливо ругались два стареющих лабуха, а напротив крохотной сцены отдыхала компания прилично одетых людей, завернувших сюда по случаю праздника — юбилея почтенной газеты, в жизни которой все они принимали участие. После часового заседания в конференц-зале редакции, отупевшие от жары и напористого оптимизма докладчика, они единогласно решили расслабиться, и теперь с удовольствием занимались этим, отдавая должное и холодному сухому вину, и более крепким напиткам, не забывая, однако, беседовать. За ближним от сцены столом сидели трое.

— Понимаю вас, Ниночка, — снисходительно говорил, постукивая мундштуком о пепельницу, слегка захмелевший доктор, человек ума скептического и насмешливого, автор ряда статей по реанимации местного здравоохранения. — И вы далеко не первая, кто так вдохновенно строит о бедственном положении детдомовских обитателей. Послу-

ПРОЗА

шаешь, считаешь и уже не спрашиваешь: где, в какой цивилизованной стране возможно подобное? Очевидно, нигде.

И убрав со лба белокурый чуб, он взял со стола зажженную свечу, прикурил, и закончил с довольной улыбкой:

— Но ведь на то мы и русские.

А «Ниночка» — сорокалетняя строгая девушка, имевшая единственную в жизни страсть быть вдохновителем или участником различных акций, митингов и собраний, в ответ отставила бокал и брезгливо поморщилась.

— Всё смеетесь, — сказала она с этой гримасой. — А мне, представьте, не смешно. Вот такие, как вы, Павел Петрович... Вы же врач. Откуда столько цинизма и этой злобной иронии по отношению к людям? Я знаю, в Бога вы не верите. Может, вы и сострадание отрицаете?

Тут доктор перестал улыбаться и глаза его сузились.

— Конечно, смеюсь. А вы предлагаете плакать? Вот вы съездили с коллегами в детдом, привезли ребятам подарки, послушали их откровения относительно персонала... Может, дети и не лгут, даже, скорей всего, не лгут — так ведь что из того? У них там у всех круговая порука, дорогая моя, как и всюду в подобных учреждениях. Каким образом водворился у них этот интеллигентный на вид директор с повадками палача? Почему он работает в детдоме, а не по своему прямому назначению — например, санитаром в отделении для буйно помешанных? А повара, растаскивающие сиротские продукты? Думаете, по прочтении вашей статьи, их замучает совесть? Лично я сомневаюсь. А сострадание, Нина Сергеевна, вещь относительная. Я вот в силу своей профессии много повидал несчастных детей. Куда более несчастных, чем те, о которых вы рассказали. Мне приходилось месяцами лечить обреченных, и я не раз замечал, как не по-детски стойко они переносили страдания. У этих маленьких пациентов, разучившихся плакать, были глаза стариков, и смотреть в них поначалу было невыносимо. Но и к такой чудовищной несправедливости, оказалось, можно привыкнуть со временем. Вы правильно заметили — я в Бога не верю. Не буду доказывать почему, на это жизни не хватит. Но честное слово, окажись я не прав, будь я уверен, что «на всё воля Божья» — ну, что ж, я бы только сожалел, что миром правит вполне законченный сумасшедший.

Ошеломленная таким поворотом, Нина Сергеевна сидела прямо, как истукан, и тупо смотрела на доктора. Доктор тоже

смотрел на нее слегка прищуренными внимательными глазами. Потом раздавил в пепельнице окурок и, внезапно меняя тему, заговорил тоном, в котором говорят на приеме с капризным больным:

— А вам, дорогуша, советую поберечь нервы, вы совершенно издерганы. Организм, знаете ли, не игрушка. И, учитывая это, приглашаю вас в пятницу вечером ко мне домой. Познакомлю вас с одним обаятельным и весьма интересным человеком, моим старым товарищем. — Он подался вперед и понизил голос до строгого шепота: — Вам мужчина необходим, как воздух! Это я, как врач, говорю. Если хотите — я вам прописываю его.

— Кого? — совсем отупев, спросила Нина Сергеевна.

— Мужчину.

— Мужчину! — как эхо повторила Нина Сергеевна, и на ее бледном лице проступил жгучий румянец.

— А что в этом плохого? — сухо осведомился доктор.

— Плохого? Да нет, ничего.

И окончательно смешавшись, она порывисто потянулась за сигаретой.

— Ну вот и хорошо. Вот и чудесно.

Доктор удобней устроился в кресле и окинул острым взглядом присутствующих. Двое из них, молодой красавец-брюнет в белом костюме и высокая декольтированная блондинка в черном блестящем платье, сидели чуть в стороне с поднятыми в руках бокалами и, не обращая внимания на болтовню юбиляров, смотрели через стол друг на друга, словно загипнотизированные.

— Забавно! — сказал, усмехнувшись, доктор и повернул голову в сторону давешних музыкантов, в обнимку шагающих к выходу. Причем, один, тот, что был крупнее и выше, с длинными конскими волосами, на ходу сипел, поглаживая рукой седые кудри попутчика:

— Андрус, я тебе повторяю! В джазе он полный дебил. Их обоих вместе с этим кастратом отодрать надо за нарушение авторских прав.

— Ах, хорошо! — рассмеялся доктор им вслед. И обернулся к своей притихшей соседке, но тотчас умолк, пристально посмотрел на ее склоненную голову с мягкой русой косой, на скромное светлое платье — и глаза его потеплели.

— Вот что, друзья. Давайте-ка на время оставим коллег, благо им не до нас, и прогуляемся по этому красивому парку. Заодно я вам расскажу, если уж пошла речь о детях, одну

подходящую историю, случилась которая давным-давно, еще в пору моей сельской юности. Как вы на это смотрите?

Не поднимая головы, Нина Сергеевна кивнула, и спустя пять минут все трое покинули зал, миновали тропинкой живую изгородь и ступили в таинственный сумрак липовой аллеи, местами затопленной серебряным светом луны. Тонко пахло молодой листвой, было прохладно и тихо, лишь иногда в сырой глубине ветвей тяжело снимался и с трескучим шипением пускался в дорогу непоседливый майский жук... Какое-то время шли молча, доктор шагал, опустив голову, и казался задумчивым. И нерешительно взяв его под руку, и небрежно вздохнув, спутница между делом напомнила:

— Так что там с вашей историей, Павел Петрович?

Он поднял голову и покашлял в кулак.

— Собственно говоря, ничего исключительного...

— Значит, вы родились в деревне? — перебила она, смелее опираясь на руку доктора и вновь обретая уверенность. — Потрясающе. Скажи мне об этом кто-то другой, я бы ни за что не поверила. У вас и вид и манеры прирожденного горожанина.

— И, тем не менее, это так. И деревня, к тому же, не ахти какая. Места глухие, всё больше лес и болотистые озера, ну а пахотной земли за рекой просто кот наплакал. Если учесть, что до райцентра не меньше тридцати километров, неудивительно, что молодежь, включая и меня, разумеется, при первой возможности устремлялась со всех ног по городам и весям.

— Я тоже в детстве бывала в похожей деревне у бабушки...

— Да? — сказал невнимательно доктор. — Сейчас деревни уже нет, последние старики давно вымерли, а на месте развалившихся домов взялась двухметровая крапива. Побывал я там прошлым летом и, понимаете... испытал щемящее и вроде как необъяснимое чувство удовлетворения, когда глядел на темнеющие этой крапивой бугры, и даже на дикие заросли кладбищенской черемухи, где от многих могил, как говорится, и праху-то не осталось.

— Мне трудно понять. Всё это так противоречиво. Как можно испытывать такие чувства, когда кругом сплошное запустение? Уж вы извините меня, Павел Петрович.

— Не извиняйтесь. Если трудно понять, то объяснить, наверное, еще труднее. Не запустение, а покой. Скажу буквально — мертвый покой. И, вместе с тем, будто провалился в прошлое, возник в нём и наяву увидел живыми и полными сил тех самых, что лежат сейчас по могилам,

услышал их речь, кудахтанье кур, скрип колодезного ворота. Это, знаете, довольно трудно было бы вообразить, окажись я там, среди незнакомой, а потому совершенно чуждой мне жизни.

В нескольких шагах под деревьями одиноко белела скамья, и Нина Сергеевна направилась к ней, увлекая мужчин за собой.

— Давайте присядем, — сказала она бодрым голосом, — жутко курить хочется. И простите, Павел Петрович, но за разговором вы ускоряете шаг, а я, как ни стараюсь, не попадаю в ногу, всё время сбиваюсь. Думаю, говорить сидя нам будет удобней, правда?

— И то верно, — ответил доктор, присев, и достал из кармана рубашки пачку сигарет и свой янтарный мундштук.

— А я и сигареты и сумочку в кафе оставила, — сказала Нина Сергеевна, и оправила на коленях платье. — Как повесила на стул, так и не вспомнила больше. И всё из-за вас.

— Как же это? — забеспокоился доктор. — Пожалуй, нам стоит вернуться.

Она беззаботно вздохнула.

— Чепуха. Тем более ничего ценного в сумочке нет, так, мелочь всякая — диктофон, бумажки. Лучше вернемся к рассказу, мне кажется, он стоит того.

Они закурили, доктор потер в задумчивости лоб и несколько раз подряд затынулся.

— Ладно, слушайте, — сказал он, вздохнув. — И вы тоже послушайте, молодой человек. Вы еще, можно сказать, далеко не Толстой, так что берите готовое, может, и пригодится когда-нибудь. Только не перебивать, иначе я увязну в мелочах, дело-то давнее, и просидим мы тут до утра.

— Можно и до утра, — сказал молодой человек, а Нина Сергеевна добавила:

— Ничего, я тоже не тороплюсь. И перебивать не собираюсь. Что-что, а слушать я, слава Богу, умею.

— Так вот, — начал доктор, — в деревню они прибыли в начале зимы, и сразу вызвали жгучее любопытство у жителей нашего околотка. Все, кто оказался поблизости, собрались толпой у пустого бревенчатого дома, где прежде был магазин, и с наглым простодушием деревенщины, посмеиваясь, глазели на грузовик с домашним скарбом и на самих новоселов — молодую мать и обоих ее малышей, мальчика и девочку, как выяснилось впоследствии,

двойняшек. Правда, глазеть там было особенно не на что — мебель громоздкая, с тусклой полировкой, да и остальное не лучше, за исключением старинного кухонного буфета, черного и элегантного, как рояль. Пока я и двое моих дружков вместе с шофером разгружали машину, оба ребенка в аккуратных пальтишках и цигейковых шапках, взявшись за руки, сиротливо стояли в сторонке и смотрели на мать глубоко несчастными, потерянными глазами. Одетая в спортивный костюм и фуфайку, в коротких резиновых сапогах, она помогала нам молча, а когда всё закончилось, подошла к нашей компании, взяла меня за локоть и с веселой злостью сказала в сторону зевак:

— Эй! — сказала она звонким голосом, — они что, никогда грузовика не видали, или в клубе кино сломалось?

Кто-то сконфуженно рассмеялся, и толпа стала быстро редеть.

— А звать-то тебя как? — спросил у нее мой товарищ.

— Меня-то? Звать-то? — передразнила она и с сожалением оглядела всю троицу. — Ладно, если нравится тыкать — Татьяной. И приходите вечером, с меня причитается.

— Неужели вы отправились к ней выпивать? — не вытерпела Нина Сергеевна.

Доктор раздраженно фыркнул.

— А почему бы и нет? Когда тебе пятнадцать лет, а в деревне хоть с тоски помирай от вида зачуханных сверстниц, — приглашение красивой женщины, по всему виду, независимой, показалось нам необычайно интересным. Конечно же, мы пошли, и, само собой, после двух рюмок водки я немедленно в нее влюбился. Звучит глупо, согласен, но не забывайте — мне не было еще и пятнадцати. Она была старше меня на двенадцать лет.

— А она в самом деле была привлекательна? — с деланным безразличием поинтересовалась Нина Сергеевна.

— Безусловно, — ответил доктор. — Безусловно. Ростом и сложением, на первый взгляд, как будто вполне обыкновенная, со спины и внимания не обратишь. А вот лицо... Знаете тот удивительный библейский тип: как на иконе? Утонченность во всех чертах. Черные соболиные брови, прелестный рисунок губ. А кожа такого теплого здорового тона, что невольно хочется ее потрогать. А к этому прибавьте всю притягательность зрелой женщины для влюбленного в нее юнца, которая к тому же с первого взгляда раскусила его и соответственно этому держится — то ли с

полушутливой серьезностью, то ли с легкой насмешливостью, что случается при заметной разнице в возрасте... Да, для меня она, как икона была, — добавил он категорическим тоном. — Вот только характер был у нее далеко не ангельский.

— Ну и ну! — с удивлением сказала Нина Сергеевна. — Да вам прозу надо писать, Павел Петрович, а не статьями заниматься. Послушайте доброго совета, напишите рассказ.

— Я и написал, — признался с усмешкой доктор. — Можно сказать, с листа рассказываю. Правда, выкинул потом в мусоропровод.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Нина Сергеевна и прикрыла ладонью рот.

— Отнюдь нет.

— Но почему?

— Пустое это занятие. И чертовски коварное, если вовремя не остановиться. Но слушайте дальше. Повертелся я несколько дней возле нее, помог еще кое в чем по хозяйству, а заодно с детьми познакомился поближе. Чудесные они были, эти Саша и Маша — добрые, бесхитростные, только уж слишком робкие, забитые, что ли, не чета нашим местным — хитрым и поголовно шkodливым. И все-таки, не смотря на робость, замкнутым мальчик не был. Я понял это на следующий день по его сияющему лицу, по радостной готовности к дружбе, когда принес и показал ему трофейный австрийский штык, доставшийся мне от деда. Что касается девочки, та была болезненно бледной и не по возрасту сдержанной, а ее большие темные глаза смотрели на мир с какой-то застенчивой грустью...

Доктор снова достал сигареты, и пока прикуривал, Нина Сергеевна проговорила, задумчиво глядя прямо перед собой, куда-то в сумрачную глубину парка:

— Похоже, детей она держала в ежовых рукавицах...

— Пожалуй, что так.

— Я знала одну такую. Не мать, а настоящий деспот. И всё потому, что после рождения ребенка заболела тяжелой астмой. Наверное, было осложнение при родах. Потом терзала девочку да и мужа вдобавок целых восемь лет, вплоть до своей смерти.

— Да, характер у нее был не из легких, — сказал невесело доктор. — Ее замечания они выслушивали, не смея глаз поднять, а указания выполняли беспрекословно. Но если кому-то перепала ее сдержанная похвала, ребенок просто светился от счастья. Она, конечно, по-своему заботилась о

них (их скромная одежда всегда отличалась опрятностью), но делала это как будто с ожесточением — как некую тяжкую повинность, вмененную ей материнским инстинктом. А может, неосознанно мстила им за свою давнюю глупость, когда, впервые влюбившись, вышла замуж за их легкомысленного отца. Впрочем, так многие выходили замуж в то время, ведь любовь еще не считалась признаком атавизма.

— А, похоже, вы не очень-то ее осуждаете, Павел Петрович.

— А вы?

— Я? Мне, конечно, трудно судить, я детей не имею...

— Еще не всё потеряно, — заметил доктор.

Она опустила голову и с такой силой сжала сцепленные ладони, что было слышно, как хрустнули пальцы. Потом поспешно заговорила:

— Вы лучше расскажите, зачем она приехала в ваше захолустье. Хотя, постойте — дайте я угадаю. Может, она бежала от бывшего мужа? Допустим, он не давал ей проходу, мешал личной жизни, измучил угрозами. Кстати, кем она была по специальности, Павел Петрович?

— Что, что? — сказал, смотревший на нее с некоторым изумлением, доктор. — Нет, вы не угадали, муж не мог угрожать. Его зарезал в самой банальной драке заезжий шабашник из Дагестана. А по профессии она была товаровед или бухгалтер, приехала к нам по договоренности с совхозным начальством. А чего это вы так занервничали, Нина Сергеевна? Ну да ладно, поехали дальше. А дальше, собственно, было то, что я со своей подкольной любовью совсем потерял волю и всё свободное время по вечерам стал проводить у нее: то возился с детьми, то помогал обустраивать дом, если находилась мужская работа. Она, повторяю, видела меня насквозь, но, казалось, значения этому не придавала и, более того, за месяц так свыкла с моим присутствием, с моей детской влюбленностью, что порою почти по-родственному могла ходить при мне в ночной рубашке на голое тело, а усаживаясь с ногами на диван, обнажить себя куда откровенней, чем того требовали приличия. Однажды она сказала, облокотившись на подтянутые к груди колени, подавив приятный зевок:

— Ты чего такой застенчивый, боишься меня? — И, помолчав, добавила, пристально глядя в мои бегающие глаза: — Что же мне с тобой делать, Пашенька? Я ведь тебе почти в матери гожусь...

При этих словах Нина Сергеевна поежилась и разгладила на коленях платье.

— И чем же всё это закончилось? — на удивление робко спросила она.

Доктор покосился на нее и неторопливо докурил сигарету.

— Чем закончилось? Как-то под вечер она попросила меня расколоть пару здоровенных березовых чурок, бог знает сколько лет пролежавших под окнами. Я битый час впустую промаялся с ними — чурки были витые и поистине несокрушимые. Тогда я сходил к себе домой, взял в сарае стальной клин, отцову кувалду весом в полпуда, и развалил-таки их на поленья. Потом отдыхал, сидя на завалине, и курил, пока не почувствовал, что продрог до самых костей. Да и как тут не продрогнешь, дело было в самые крещенские холода. Вся деревня окуталась белыми печными дымами, вся звенела и трещала от мороза своими избами, а я сидел на завалине, смотрел на разрисованные инеем окна и счастлив был только тем, что я не чужой в этом доме, что вот могу хоть чем-то помочь и, может, со временем она будет смотреть на меня не только как на некое любопытное недоразумение. Тут она вышла на освещенное лампой крыльцо, бросила взгляд на мутное ночное небо и сказала без всякого выражения: «Ты что, ночевать тут решил? — И добавила с легкой насмешкой: — Я его жду, стол накрыла работнику».

Когда я вошел (дети, разумеется, давно спали в своей комнате), она сидела на корточках у открытой печи и шевелила кочергой в раскаленной топке. На лице ее играли огненные блики, и было оно так дьявольски красиво и так серьезно, что у меня просто в голове помутилось. Она была в овчинной безрукавке поверх халата, а на голых ногах маленькие серые валенки. Не прикрыв заслонку, она выпрямилась и, скинув с плеч безрукавку, спокойно подошла ко мне и взяла за руки. Затем сомкнула их в ладонях и втянула себе между ног, плотно сжимая бедра.

— Ну, как — горячо? — спросила она, с любопытством глядя в меня. Потом разжала ноги и двинула меня в сторону кровати, прибавив сумрачным шепотом: — Ну, так тому и быть, ты ведь этого хотел? — И продолжала, сняв ногу об ногу валенки и расстегивая на мне полушубок: — Да не дрожи ты так, успокойся — всё у тебя получится. Давай-ка я раздену тебя и сделаю всё хорошо, обними меня крепче.

Как сказала — так и сделала. И сделала, добавлю, с таким искусством, что я и опомниться не успел, как превратился в

мужчину... Да, и вот еще что. Вы наверняка слышали такую расхожую фразу о некоторых женах: она была для него всем — и женой, и матерью, и так далее. Не знаю, не знаю. Я, например, свою супругу не могу представить матерью. А вот ее мог. И вот это сочетание жены и матери в одном лице... Это трудно объяснить. В моей жизни, конечно, были другие женщины, но никогда ни к одной из них я не испытывал ничего подобного. Что ни говори, а удивительная была женщина.

— А почему вы говорите о ней в прошедшем времени? — уводя в сторону разговор, спросила металлическим голосом Нина Сергеевна.

Доктор помолчал, потом устало ответил:

— Потому что весной ее не стало — умерла от запущенной двухсторонней пневмонии. Напилась после бани холодного молока, и готово. О районной больнице она и слышать не хотела, решила, что это обыкновенная простуда. Но к местному фельдшеру все-таки обратилась дня через два. А этот запойный болван даже не осмотрел ее толком, смерил температуру и выдал гору таблеток, которыми она глушила болезнь в течение двух недель. Я и сейчас порой ее вижу — закрою глаза и вижу такой, какой она была в ее последние дни: похудевшей, с сизым налетом под огромными черными глазами, но по-прежнему спокойной, грустно-насмешливой, еще больше похожей своей предсмертной красотой на святую с иконы... Когда из города приехала «скорая», она была без сознания. Но прежде, чем потерять его, она успела сказать мне несколько слов, от которых у меня всю душу вывернуло наизнанку. Я сидел у кровати, держа ее за горячую руку — и тут она открыла глаза и сказала с виноватой улыбкой, слабо пожимая мою ладонь:

— Что же ты плачешь, малыш? Я ведь живая... — И, облизнув запекшиеся губы, поманила меня пальцем, призывая нагнуться. — Да и умирать мне сейчас нельзя, дурачок. Болею-то я не одна — нас давно уже двое...

Потом крепко поцеловала меня в губы и добавила уже далеким слабеющим голосом:

— Ну а если что, — всякое может случиться, — ты уж не забывай моих ребятишек, не давай их в обиду. Обещаешь, малыш?

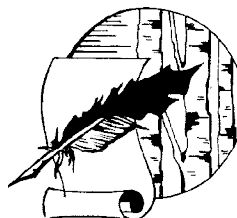
Это было последнее, что я услышал. Спустя сутки, не приходя в сознание, она умерла в районной больнице... Разумеется, я исполнил ее наказ — в течение девяти лет, неизменно два раза в месяц навещал Сашу и Машу в

детдоме, помогал им, чем мог. А когда окончил институт и устроился на работу, и вовсе забрал их к себе. С тех пор прошло много лет, у них давно свои семьи и живут они далеко. Но всякий раз, когда мы изредка собираемся вместе, мне вспоминается апрельский солнечный полдень, зеленеющее черемухой деревенское кладбище с покосившимися крестами и закрытый гроб, у которого они стояли, с ужасом глядя, как старый плотник наживуливал по его периметру гвозди, а затем намертво заколачивал их... А теперь скажите мне, Нина Сергеевна, — так ли уж важно верить в Бога для того, чтобы жить по совести? Неужели это так уж необходимо для того, чтобы просто исполнить свой человеческий долг, не бросить сирот на произвол судьбы в этом проклятом мире, который вот уже две тысячи лет только и делает, что с усердием молится — а, помолившись, продолжает исправно лгать, ненавидеть и обворовывать ближнего? Ну да ладно, можете не отвечать, а то еще подумаете, что оправдываюсь.

И, вытащив из пачки сигарету, доктор протянул ее женщине и напоследок сказал, но так тихо, что третий собеседник едва расслышал его. Но теперь собеседник знал, как закончится этот рассказ:

— Да, и вот еще что, — тихо сказал ей доктор. — Вы все-таки приходите в пятницу вечером, товарищ у меня в самом деле замечательный, просто умница и, что немаловажно, вдовец. Но самое главное — на удивление бескорыстно верует в Бога.

г. Тюмень

Владимир ХОМЯКОВ

РУССКИМ ПОЛЕМ БРЕДУ

НАБАТНЫЙ СТРОЙ

Мы в строй защитный снова встали
назло унынию и вражде.
И в слове нашем отзвук стали
напоминаям о вожде.

Победа русская, воскресни,
в набатный колокол звоня!
Мы в бой стремимся, но как в песне,
за нас уходят сыновья.

Во многом были мы неправы
и жили в муторной тщете.
Не оттого ль в наш век кровавый
мы их встречаем на щите?

Всё убыстряется вращенье
летающей к гибели Земли.
И от детей нам нет прощенья,
что мир для них не сберегли.

Когда же сгинет свистопляска
тех, кто жирует на войне,
и станет праведной развязка,
в святом рождённая огне?

Пушай с полей окопных, минных
к нам не придёт взрывная весть.
Пушай в сердцах, доныне мирных,
очнутя ненависть и месть!

Я верю: грянет голос медный,
и воля Божья настанет.
И мнится мне, что в бой победный —
нещадной силою всесветной —
страна огромная встаёт!

ТРЕВОГА

Памяти сына

...И последний твой день.
И последний твой бой.
И тревожная тень
мой терзает покой.

И, ещё не скорбя
и встречая рассвет,
всё молюсь за тебя.
...А тебя уже нет.

ПОГОСТ

Как приду на погост,
сразу к ним поверну:
здесь — в свой мраморный рост —
кто погиб за страну.

Здесь святое родство.
Здесь безмолвны уста.
Здесь три шага всего —
от креста до креста.

НОВЫЙ МАЙ

То внезапное солнце нагрянет,
то сезон непросыпных дождей.
...Вновь мелькают вожди на экране:
отрешённо смотрю на вождей.

А в груди и тревожно, и горько

за бойцов, что на битву ушли.
Сколько гибнет их, гибнет их сколько,
что им скоро не хватит земли!

ВЕЩИЙ ДЕНЬ

Даже тихое слово
молвить здесь не посмею.
Верный Ангел мне в помощь
в скорби вещего дня...
Стяги плещутся снова
над могилой твоею,
ярким шёлком полотнищ
обнимая меня...

НА ЗАКАТЕ

Пусть вовеки не будет прощанья.
Возглас сына во мне не умолк,
хоть не смог он сдержать обещанья:
«Я вернусь — только выполню долг».

Нет, здесь пафоса не было вовсе,
знаем цену высоким словам.
...И кружилась военная осень,
и дарила цветы деревьям.

И казалось, что время крылато...
Но тревога сжимала кольцо.
И вперёд уходили ребята,
жизнь и смерть принимая в лицо.

...То не горестный запах полыни —
это пламя, и пепел, и дым.
И застыл в окровавленной сини
чёрный ворон над сыном моим.

РАЗГОВОР

Надо мною струится синь,
веет вешняя благодать.
Предо мною родимый сын,

вот он рядом — рукой подать.
Утро теплит свою свечу.
Чистым пламенем вновь горим.
Сын молчит мой, и я молчу —
это значит, мы говорим.

Вот опять молодой зарёй
наш равнинный простор залит.
Я клонюсь над родной землёй,
той, в которую сын зарыт.

Он мне долго жить завещал,
сам прожил тридцать пять всего.
Землю нашу он защищал.
И навеки она — его!

Утро теплит свою свечу.
Чистым пламенем вновь горим.
Сын молчит мой, и я молчу —
это значит, мы говорим...

ПЕЛЕНА

Как себе ни ищу оправданий,
но моя неизбывна вина.
А гляжу в мир осенний недалёкий —
предо мною встаёт пелена.

И она мне глаза застилает,
не даёт тишину рассмотреть.
Будто в памяти что-то стирает.
Будто гложет октябрьская медь.

Много их, ничего не успевших,
в высь ушло, как в стихах говорят.
...Пеленой покрывали умерших,
был такой старорусский обряд.

Сын мой, сын, ты ко мне не вернёшься.
Это я возвращаюсь к тебе.
Тихо-тихо в ответ улыбнёшься

и замрёшь на остывшей тропе.
И всё тише в душе вспоминаю
мир волнений родных и затей.
И всё чаще во сне пеленаю
я твоих нерождённых детей.

КАК ПРЕЖДЕ

Ты спишь, как спал всегда-всегда,
устав от гуда ломкой жизни.
Спишь, как в недавние года,
ничуть не думая о тризне.

Тебе, как прежде, тридцать пять.
Теперь как прежде всё, как прежде.
И время вновь вращаю вспять,
и, значит, места нет надежде.

А тучи тянутся вдали
над миром, памятью объатым,
и, как морские корабли,
навек сливаются с закатом.

А листопад молчит в саду,
и темнота встаёт горою.
...К твоей кровати подойду,
тебя, убитого, укрою.

ВСПОМНИ

Ты вспомни, сынок, о поездках на речку.
Мчал солнцу вдогонку наш велосипед!
И крепко свою мы держали уздечку,
и росно светился серебряный след.

Ты вспомни, как вместе искали воронку,
где был тот загадочный, памятный взрыв.
И снова летели за утром вдогонку,

туда, где недавно плескался разлив.
И с новою силой крутил я педали:
вот Пугас-речушка, вот ветхий мосток.
Родные прибрежные цнинские дали —
души моей радость, мой певчий исток.

Кричал я тебе: «Это наше всё, наше!
И, значит, твоё всё, о том не забудь!
Вон ива нам веткою тонкою машет,
как будто зовёт нас к себе отдохнуть».

...А после я плыл — на ту сторону — брассом,
и солнце струилось по цнинской волне.
Ты вспомни, сынок, об отце седовласом,
что вместе с тобою убит на войне...

ЗНОЙ

Резкий зной владычит на Руси.
Молодая роща ветки клонит.
Мне приснилось (Господи спаси!),
что погибший сын меня хоронит.

Звание по-прежнему — сержант,
на груди блестит посмертный орден.
Только губы чуточку дрожат,
словно чуют: к строевой не годен.

Выбыли из строя сын и я.
Нет нас в списках личного состава.
Бой уже гремит у стен Кремля,
и в огне — последняя застава.

Это сон. Не стоит верить снам.
Может, и не так всё будет плохо.
...Вновь я обращаюсь к небесам,
но теперь не проронив ни вздоха.

Это сон. А может, наяву
зной владычит, роща ветки клонит.
В красном гробе по ветру плыву —

и погибший сын меня хоронит...
СОЧИНИТЕЛЯМ ОД

Был когда-то и я
сочинителем выпренных од...
Громогласно взывал,
да вот только себя не расслышал...
Даже если и так,
не был одами этими горд.
Даже если и так,
не для праздника во поле вышел.

В поле русском — беда.
Снова тянется к сердцу ладонь.
Смерть — царицею здесь,
жертву новую алчет и чует.
Апокалипсис зреет,
и пламенем крашенный конь
по славянским путям-перекрестьям
нещадно кочует.

И навстречу летит —
вольной волей —
волна ковыля!
Кровь, что здесь пролилась,
в темноте загустела бессонной.
Если раньше была
только чёрной родная земля,
то теперь она стала
от крови солдатской —
червонной.

Сочинители од,
что ж попрятали вы сыновей?
Ах, им крепкая бронь
обеспечена ловкостью вашей.
И детинушка мнит,
что в тылу он всех прочих нужней,
от военных невзгод
ограждён «патриотом» папашей.

Жизнь не двинулась вспять,
но как будто застыл календарь.
Дни побед не сверкают

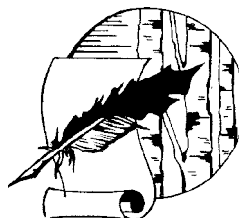
горячею красной строкою.
И на вирши мои
кто-то гневно укажет:
«Бунтарь!»
Дескать, лучше б молчал,
мол, напрасно народ беспокою.

Значит, оды вам слушать желанно?
Отвечу одно:
знайте, не был мой слог
никогда неказист и аляпист;
смертным горем овеена песня,
и в сердце — темно,
потому неизменно суров
пятистопный анапест.

Сочинителям од
не рыдать на закрытых гробах —
на крови на чужой
сочинители строят карьеру.
Лишь о том намекни —
глянь, как шапки горят на ворах,
и чадит словоблудье,
как будто вопят под «фанеру».

Русским полем бреду.
Вновь я здесь оказался один?
Оды тут ни к чему:
меркнет медь в тишине похоронной.
И последний мой стих
горько полнится светом рябин.
Русским полем иду,
по прощальной земле,
по холодной...

г. Сасово Рязанской обл.

Анна ТОКАРЕВА

НАЗОВИ МЕНЯ РОДНОЙ

* * *

*Памяти воина-добровольца,
писателя Алексея Полуботы*

Под слоем мрачных облаков
То морось, то ветра.
Ни васильков, ни мотыльков,
Ни лучика с утра.

Стоит такая тишина,
Что слышен листьев стон!
А где-то зверствует война,
И гул со всех сторон.

И дроны смертным косяком
Напористо летят.
И снова взорван мирный дом,
Подстрелено дитя.

И чей-то муж — ничком в траве,
Сражённый наповал.
И скажут горестной вдове,
Что без вести пропал,

Что непременно отомстят,
Врагу сломав хребет,
Что сквозь тревожный листопад
Победный брызнет свет...

Стребу пугливую листву,
К берёзе прислонюсь.
И силы Света призову
Спасти родную Русь.

ЖИВИ!

Я благоденствия хотела,
Дрожала свечечкой в мольбе...
Своя рубаха ближе к телу,
Но я отдам её тебе.

Живи! Будь около и рядом,
Верши высокие дела,
Командуй битвой и парадом,
Победно бей в колокола!

Тревожно, зябко без рубахи
Идти босою по стерне...
Но если жив ты — стихнут страхи,
И станет радостнее мне.

ЧЕМ МНЕ ПОМОЧЬ ТЕБЕ, РОССИЯ?

Намазав смальцем сковородки,
Пеку блины.
А на экране снова сводки,
Кошмар войны.

Блинов ажурных пухнут стопы,
Густеет чад.
А на экране — в стынь окопа
Нырнул солдат.

Над ним — всевидящего дрона
Зловещий глаз.
И пучеглазая ворона
Кричит: «Атас!»

Над новым полем Куликовым —
Смертельный клин.

И застревает в горле комом
Румяный блин.

И руки падают в бессилье,
И есть — невмочь.
Чем мне помочь тебе, Россия?
Чем мне помочь?

РОЗЫ ДОНЕЦКА

Скоро выпадет снег — шаловливый по-детски.
Он уверен, что люди его искренне ждут.
А пока зелены все газоны в Донецке,
И озябшие розы средь обстрелов цветут.

Их качают ветра, атакуют снаряды,
Но алеют упрямо нежных роз лепестки,
Чтобы в горестный час быть с дончанами рядом,
Чтобы жить не сгибаясь всем смертям вопреки.

Чтобы дерзко пылать, украшая руины,
Веря в правду победы, в окончанье войны.
И тебе никогда не понять, Украина,
Отчего даже розы русским духом полны?

СЧАСТЬЕ СВЕТЛОЛИКОЕ

Где ты, счастье светлоликое?
За холмами? За рекой?
Озираюсь я и кликаю,
И маню тебя рукой.

Ты не прячься за осокою,
За душистым чабрецом.
Улыбнись мне, светлоокое,
Повернись ко мне лицом.

Вижу поле одичалое —
Синь-люпиновый простор...
Но и здесь не повстречала я
Невидимку до сих пор.

Подказала тропка узкая:
«Не мечись туда-сюда.
Вот же счастье — поле русское!
Было, есть — и навсегда!»

КРЫЛЫШКИ СВЕТА

Неистово взвейся над пропастью лжи,
О скалы разбейся, но слово держи.
Своих не бросаем — не молви зазря.
Иди, замерзая, по льду января
Туда, где в почёте и доблесть, и честь,
Туда, где хоть капля надёжности есть.
Единожды бросив, молись горячо
О том, что не стало опорой плечо
Ни другу, ни зверю, упавшим без сил,
Ни тем, кто за дверью погреться просил.
За крылышки света цепляйся, держись.
И, может быть, это спасёт тебе жизнь.

* * *

Мороз кусает, но не больно.
Конец предзимья. Тишина.
Привет, синица! Ты довольна?
Кормушка семечек полна!

Тебя в беде я не покину.
Держи и сало, и крупу.
Хватай зерно — и на рябину.
Роняй в сугробы скорлупу.

Лузга пестрит на снежной крупке
Подобно чёрточкам берёз.
Подъест хрустящие скорлупки
На волю выпущенный пёс.

Ещё зима не начиналась.
В кладовке — вкусовостей запас.
Но сердце сдавливает жалость
Ко всем, зависимым от нас.

В душе смятение и тревога.
Надолго ль эта тишина?
Война у самого порога.
Большая, страшная война.

СТАРЫЙ ДОМ

Он был ухожен и холён
Руками и хозяйским оком.
И день и ночь стучался клён
В резные ставни светлых окон.

Теперь — ничей, едва живой,
Дом еле держится и дышит.
Дымок не вьётся над трубой,
Лишь солнца луч ласкает крышу.

Не кукарекнет петушок,
Не замычит в хлеву скотина...
Да разве ж он предвидеть мог
Такую жуткую картину?

Он рухнет скоро, и труба
Придавит охнувшие стены,
И стихнет горькая мольба
О жизни вечной и нетленной.

Печально клён всплакнёт о нём,
Протянет ветки покаянно
Туда, где был когда-то дом —
Его дружок деревянный.

ВСЕПРОЩЕНИЕ

Надоела возня,
От которой напасти, хворобы.
Тех, кто предал меня,
Отпускаю без мстительной злобы.

Ни сейчас, ни потом
Не желаю словесной атаки.
У меня под окном
Распустились восточные маки.

Беспороден, ушаст,
Верный пёс поджидает в вольере.
Он меня не предаст.
И я верю хвостатому зверю.

Над беззлобьем парю.
Глажу лапы и спину собаке.
Всем, кто предал, дарю
Всепрощения алые маки.

ТОНЕНЬКАЯ НИТЬ

Снова я — скиталица в пути.
Будет он безоблачным навряд.
Жизнь прожить — не поле перейти.
Так у нас в народе говорят.

Горло пересохло от забот.
Сердце онемело на ветру.
Только пить не стану из болот,
Душу греть не стану на юру.

Воду попрошу я у реки.
Искру попрошу я у огня.
Стоптаны до дырок башмаки.
Новых нет в запасе у меня.

Есть в запасе полный туесок
Веры в милосердие и свет.
Если я сверну наискосок,
Вера мне укажет точный след.

Медленно иду за пядью пядь.
Вьётся жизни тоненькая нить.
Ветер станет в спину подгонять,
Лунный свет дорогу золотить...

НАЗОВИ МЕНЯ РОДНОЙ

Не проходим, не царём,
Не слугой у ног —
Будь моим поводырём
На ветру дорог.

Будь ручьём и солнцем будь.
Напой, согрей.
Укажи окольный путь
Мимо пустырей.

Проведи через огни,
Бурю, камнепад,
Словом чутким разгони
Серых будней чад.

Очень холодно одной
Без твоей любви.
Назови меня родной,
Светом назови.

В поле тёмном и во рву,
В омуте без дна
Засияю, оживу,
Нежности полна.

г. Егорьевск Московской обл.

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет нашего давнего автора Анну Петровну Токареву с замечательным юбилеем! Ее стихи, всегда исполненные любви, патриотизма и веры в нашу Победу, пробуждают духоподъемный свет в душе каждого читателя. Желаем ей крепкого здоровья, новых творческих озарений и неиссякаемого оптимизма на многие годы!

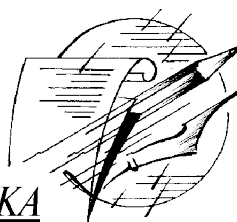
ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТА

Вывоз капитала не остановлен

Из страны уже вывели более 1 трлн. долларов, заявил RTVI первый замглавы комитета Госдумы по экономической политике Николай Арфьев (КПРФ). Он также призвал снизить ключевую ставку, отметив, что отечественные предприятия нередко вынуждены брать кредиты за рубежом, потому что там в несколько раз ниже процент, и это тоже ведёт к оттоку капитала.

«Мы уже 35 лет живем в условиях вывоза капитала: только по официальным данным ЦБ за эти годы было вывезено более 1 трлн. долларов. И каждый год у нас вывоз. Дело в том, что в некоторых странах один год превалирует вывоз капитала, другой год — привоз. У нас же только вывоз, у нас всё время приход денег в страну меньше, чем выход из страны. Надо же когда-то кончать с этим делом», — заявил депутат.

Парламентарий напомнил, что несколько лет назад был принят «дурацкий

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

закон», который позволяет «не возвращать деньги в страну при экспорте хлеба, золота и металлов за границу».

Арефьев сказал: «Я пытался его «аннулировать», но мне не дали. Сказали, что он ограничен указами президента и постановлениями правительства. Я понимаю, что его можно когда-то применять, когда-то нет. Но дело в том, что он работает, и людей наказывать за то, что они вывозят деньги, золото уже нельзя, поэтому надо контролировать».

Арефьев подчеркнул, что финансовую политику нужно проводить в интересах страны, а не отдельных лиц. «У нас до сих пор заперты кредиты высокой ключевой ставкой, предприятия вынуждены обращаться в зарубежные банки. Потому что там кредиты дают под 5%, а у нас — под кабальные 20—25%. Разве можно брать такие деньги? Поэтому опять предприятия больше 300 млрд. долларов набрали долговых обязательств в иностранных банках. Это значит, что будем выплачивать проценты. А это — вывоз капитала. Вот опять не сдержишь ничего. У нас дорогие кредиты, поэтому у нас до 500 млрд. долларов корпоративный долг доходит из-за того, что предприятия вынуждены кредитоваться за рубежом, а не дома», — резюмировал он.

Между тем кандидат экономических наук, аналитик Михаил Беляев отмечает: «Повышение НДС и грядущее повышение цен — это насос по перекачке денег от бедных к богатым и очень богатым. ФАС ничего не сделает... Про 1% экономического роста — это просто смешно. Сейчас бравировать тем, что у нас инфляция ниже 7%. Да, она действительно ниже 7%, потому что составляет 6,92%. Министр финансов Силуанов говорит, что роста НДС потребители не заметят. Как они этого не заметят, когда цены на товары и услуги уже начали взлетать при сохраняющихся зарплатах? Знаете, в свое время я изучал в вузе предмет «Буржуазная экономика», там был раздел «Чикагская монетаристская школа». У меня такое впечатление, что нынешние руководители финансового и экономического блока России руководят страной по этой схеме. Только не учитывая, что уровень доходов у населения в разы ниже, чем в США».

Первый заместитель председателя комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Николай Коломейцев (КПРФ) заключает: «Не надо быть провидцем, чтобы понять, что нас ждет волна банкротств и передел собственности. Богатые будут богатеть, бедные — беднеть. Показательно, что сейчас у 73% населения не хватает

сбережений даже на ближайшую неделю. С другой стороны, группа олигархов накопила огромные средства. Повышение НДС и налогового бремени означает, что будет происходить «тихое рейдерство» через банкротства: предприятия и бизнес будут переходить к наиболее богатой олигархической верхушке. И всё это — под контролем Минфина и ЦБ. Среднему и малому бизнесу выжить будет непросто».

Круг замкнулся. За счёт России, за счёт граждан России продолжают обогащаться «российские» олигархи и Запад. А капиталы «российского» олигархата и капиталы Запада — это почти одно и то же.

В октябре прошлого года депутат Госдумы экономист Оксана Дмитриева, выступая на заседании комитета Госдумы по бюджету и налогам, резко раскритиковала проект федерального бюджета на 2026 год, назвав его «бюджетом стагнации и социального обмана». По её словам, документ не только не содержит мер для стимулирования экономического роста, но и закрепляет курс Минфина и ЦБ на сознательное подавление промышленности под предлогом борьбы с инфляцией — курс, который уже привёл к остановке роста ВВП и ускорению деиндустриализации страны.

«Импульсы роста, возникшие после 2022 года, были искусственно погашены жёсткой денежно-кредитной и налоговой политикой. А результат? Ни роста, ни подавления инфляции. Только стагнация и социальное напряжение... Минфин и ЦБ не достигли своих целей. Но вместо того, чтобы признать ошибку, они продолжают губить промышленность и обесценивать труд миллионов граждан. Такой бюджет не ведёт Россию в будущее. Он закрепляет её в болоте застоя», — резюмировала она.

Выступление Дмитриевой вызвало широкий резонанс. Многие увидели в её словах не просто критику, а тревожный сигнал: если курс не будет изменён, страна рискует упустить последние возможности для технологического и промышленного рывка.

Число российских (точнее — транснациональных, но имеющих российское гражданство) долларовых миллиардеров в мировом рейтинге Forbes на начало 2025 года достигло нового исторического рекорда. В список богатейших бизнесменов мира вошли 146 россиян. Предыдущий рекорд в рейтинге был зафиксирован в 2024 году — 125 человек. А по состоянию на сентябрь прошлого

года уже можно было внести некоторые поправки. По данным Bloomberg, состояние олигархов из России выросло ещё на 24,6 миллиарда.

За последние 10 лет ВВП на душу населения в РФ, по данным МВФ, сократился на 16%. В результате в мировом рейтинге Россия оказалась на одном уровне с Мексикой и ниже, чем Панама или Аргентина.

Но, странное дело, падение уровня жизни в России не сказывается, а точнее — обратно пропорционально объёму вывозимых и выводимых из страны средств и богатств. Миллиардеры и мультимиллионеры продолжают богатеть.

Высокопоставленные чиновники финансового блока типажа Набиуллиной и Силуанова в своё время убеждали всю страну, что российская экономика настолько ущербна, что надо выводить деньги за границу: дескать, наступит чёрный день, тогда и вернём их в российскую юрисдикцию. И чем это кончилось? 300 миллиардами долларов потерянных для России средств. Кто-нибудь понёс не то чтобы наказание, а хотя бы просто ответственность за содеянное, за вывоз 300 миллиардов, которые не просто пропали, а используются Западом против России? Ответственности никто не понёс. Более того, все те же персоны во власти продолжают править бал по финансово-экономическим вопросам! Как такое может быть?! Теперь они (набиуллины и силуановы) убеждают, что экономика страны требует охлаждения. Иными словами, требуется, по их заверениям, дальнейшая деградация экономики страны.

Это ли не откровенно вредительская финансовая политика «светочей» экономической мысли в РФ?

Бред сумасшедшего или официальная доктрина?

Приведу, пожалуй, полностью слова председателя Национального антикоррупционного комитета России К.В. Кабанова.

Кирилл Кабанов 10 декабря написал:

«Вчера у меня состоялся крайне важный разговор о том, как, по мнению моего оппонента, должны в сегодняшних условиях развиваться и меняться национальная идея России и исторический подход к формированию государственности в нашем Отечестве. Оказывается, исходя из высказанной позиции, всё очень просто.

Первое. Мы всего-навсего должны официально признать, что Россия вышла из исламского мира и сформировалась как её составная часть.

Второе. Мы должны принять, что русских нет как нации (это мы уже слышали и не раз), а есть разновидность тюркских народов. Всего и делов-то.

Всё это мне было сказано человеком, который реально серьезно влияет на формирование политических процессов в стране. И нет, это не бытовой бред сумасшедшего. Это уже оформленная в виде официального документа доктрина, которая активно продвигается в качестве национальной идеи и имеет под собой мощных лоббистов. Т.е. кто-то решил, что нашей стране в угоду не пойми чему и кому надо отказаться от наших истинных корней, истории и исторической памяти, традиций и веры предков, отказаться от Руси Великой для того, чтобы влиться в исламский, тюркский мир и стать его составной частью. По сути, снова, но в этот раз добровольно присягнуть орде и стать московским ханством в составе великого турана или всемирного халифата. Поверьте, в этом меня убеждал не какой-то городской сумасшедший. И самое страшное, что сегодня эта «стратегия» уже активно обсуждается на серьёзном уровне и возможно где-то уже реализуется.

Вот теперь, как говорится, пазл сложился. Становится ясно, почему государство до сих пор **не может** дать жёсткий отпор распространяющемуся по стране радикальному исламу, закрывает глаза на никабы на наших улицах, хиджабы в наших школах и политические акции в виде намазов в непредназначенных для этого общественных местах, а также продвигает повсеместную халификацию всего и вся. Вот, оказывается, откуда пошла тенденция или, как её называют, креативная установка на «крестопад».

Отсюда же исходит и раскочка темы о якобы росте страшного русского национализма как угрозы для нашей страны. Кому-то ну очень хочется слить Россию под исламский мир, уничтожить истинное христианство — веру православную как духовную основу русского большинства. Без русского народа на нашей земле не будет никаких малых народов, включая тюркских. Их просто быстро поглотят орды строителей всемирных халифатов и великих туранов. Ведь в этом и заключается суть идеологии радикального исламизма как политического течения. Очередная всемирная революция.

Убежден, что распространение и продвижение подобного рода идей крайне опасно и губительно для нашей страны, для Русского мира. Наши враги работают на развал страны, а значит, мы должны быть готовы дать достойный отпор по всем фронтам, включая идеологический».

Возмущение Кирилла Кабанова можно более чем понять. Кроме всего прочего: как так можно цинично и дерзко фальсифицировать историю Руси-России? Это с какого такого ляда Россия «вышла из исламского мира»?! Так что не зря говорится о «сумасшествии». Но дело всё в том, что это сумасшествие внедряют в сознание всей страны.

Думаю, что за смелую позицию Кириллу Кабанову стоит в ближайшее время ждать мести со стороны указанного им лица.

Я, например, догадываюсь, с кем конкретно Кирилл имел беседу. Догадываюсь, но промолчу, потому что могу и ошибиться. Каждый из многочисленных апологетов направления в Россию безудержных толп мигрантов, находящихся в российской власти, мог произнести весь этот бред.

Повторюсь в который раз, но вновь отмечу, что «россиянская» госнацполитика, осуществляемая последние 20—25 лет, явно ведёт к бунту, создаваемому «антирусским интернационалом».

Этого не видеть невозможно. Но российской власти, по большому счету, до сих пор всё нипочём! «Новая» миграционная концепция на 2026—2030 годы, которая сейчас принята, практически ничего не меняет; так — декларативное изображение бурной деятельности с теми же результатами. На деле же осуществляется та «концепция», о которой сказал Кирилл Кабанов.

Нам же приходится только констатировать факты разгула радикальных исламистов и этнического произвола, очередных актов русофобии, свистоплясок национальных диаспор, творящихся на наших глазах и усиливающихся по своей дерзости.

Постоянно пишу, что реальную, а не имитационную борьбу с миграционными проблемами в стране нужно начинать с замены всех ключевых лиц, отвечающих за межнациональные отношения и миграционную политику. Пока они во власти — толку не будет. И вышеприведённое свидетельство Кирилла Кабанова лишь подтверждение тому.

Большинство из этих «деятелей» (не все, конечно) состоят в Совете при президенте России по межнациональным

отношениям. Там большинство адептов формирования «россиянской нации» и «толерантности».

В Совет входят бывшие министры по делам национальностей и национальной политики: Валерий Тишков, директор Института этнографии и антропологии, Вячеслав Михайлов, завкафедрой национальных и федеративных отношений РАНХиГС, Владимир Зорин, профессор департамента политологии Финансового университета при правительстве РФ. Там же и ещё один адепт «россиянства» — Юрий Петров, директор Института российской истории Российской академии наук.

В президентский Совет входит, конечно, Игорь Барinov, руководитель Федерального агентства по делам национальностей. Также в совете Владимир Васильев, депутат ГД от правящей партии и «яркий» приверженец привлечения в страну мигрантов. Их ряд можно продолжить. Не они ли глумятся над национальными интересами России, русского народа и подменяют культурный код страны?!

Виктор ТРЫНКИН

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

РАССКАЗ

Вечером по оживлённой улице среди торопливых прохожих шел растерянный и подавленный музыкант Матвей Соломатин.

Никто не обращал на него внимания. Он шел, не глядя по сторонам, не замечая окружающих людей. У него был вид человека, убитого горем, не знающего, что ему теперь делать.

Только что, провожая свою девушку Риту и прощаясь с ней, он неожиданно для самого себя собрался с духом и, задышавшись от волнения, наконец-то, как мог, стал признаваться ей в своих чувствах. Говорил он сбивчиво и несладко, как бы выталкивая из себя трудные неудобные слова. Пылкого признания не получалось. Ему казалось, что сердце его громко стучит, и он боялся, что она услышит. А в голове сидела боязнь: «А вдруг откажет».

Рита с большим удивлением слушала его, а когда он закончил лепетать, она поняла смысл его монолога, и это стало для неё полной неожиданностью.

ПРОЗА

С каким-то странным выражением она посмотрела на него и, растерянно улыбаясь, опустив длинные ресницы, сказала:

— Созвонимся, — и убежала к себе домой, не сказав больше ни слова.

Он остался стоять в одиночестве, думая: «Неужели она ничего не поняла? Или не захотела понять?»

Матвей Соломатин, способный музыкант, был искренне влюблён в Риту Крылову. Она всегда выглядела жизнерадостной, полной энергии и весёлой. Её звонкий смех наполнял его сердце теплом. Между ними не возникало ни конфликтов, ни недопонимания, не было никаких тайн. Матвей считал, что их встречи — это продолжение их любви. Потому что он был поглощён верой в то, что впереди у них — целая жизнь.

А началось всё с того, что однажды во время прогулки по парку Матвей и Рита свернули на тенистую тихую дорожку, пронизанную уходящими косыми солнечными лучами. Вдруг они услышали неясные звуки, доносившиеся с противоположной стороны. Там двое крепких парней издевались над третьим: дергали его за нос, пинали ногами. Жертва не могла ни увернуться, ни убежать, лишь просила о помощи. Хулиганы толкали худое тело парня друг к другу, зло смеялись, что-то требуя от мальчишки.

Матвей, оценив ситуацию, взял Риту за руку и потянул в другую сторону, подальше от этих негодяев. Девушка не скрывала растерянности.

— Не наше дело, пусть сами разбираются, — бросил он и повёл её к аттракционам.

Рита выглядела задумчивой, перестала смеяться. Она не поднимала глаз на Матвея. Он шел рядом, подавленный. Когда они приближались к колесу обозрения, Рита посмотрела ему в лицо и, словно продолжая свою ускользающую мысль, с упрёком произнесла:

— Знаешь что, Мотя, у тебя хватило бы сил выручить того бедного парня. Но ты этого не сделал. Ты струсил?

— Если бы я был один, помог бы ему, — запинаясь, ответил Матвей. Он тщательно оберегал свою нежность к Рите, таившуюся в его сердце. — Я не хотел, чтобы ты стала свидетельницей драки.

Рита недоверчиво посмотрела на него, отвернулась и, понизив голос, сказала:

— Мотя, пошли отсюда.

Всю дорогу она не проронила ни слова. А когда Матвей о чём-то спросил, капризно, скороговоркой ответила:

— У меня сильно разболелась голова. Не хочу разговаривать.

После этого случая они долго не встречались. У Риты были свои обидные мотивы, а Матвей испытывал сильное беспокойство, чувство пустоты. Он думал о Рите, скучал даже во время репетиций в оркестре. А дома почти не прикасался к скрипке. Матвей догадывался о причине, почему Рита старается избегать его. Он пытался найти аргументы, способные убедить её, что из парка они ушли не из-за его трусости, а чтобы избежать конфликта, может быть, драки, которая бы омрачила хороший вечер.

Илья, товарищ Матвея по оркестру, с удивлением заметил, что последнее время его друг стал замкнутым и неразговорчивым.

— Мотя, что случилось, что тебя мучает? — поинтересовался Илья во время короткого перерыва между репетициями.

— Да так, ничего, — вяло ответил Матвей. — А ты почему сегодня опоздал? — в свою очередь спросил он.

Илья честно признался:

— Проспал. Засиделся допоздна, отмечали возвращение нашего соседа с фронта. — И он с воодушевлением начал рассказывать: — Понимаешь, Сашка, сосед, ушел в армию тихоня-тихоней, худенький такой. А сейчас пришел — просто не узнать. Пожал мне руку, я думал, играть не смогу. Улыбка как у Гагарина, а на груди две медали, одна «За боевые заслуги». Рассказал много интересного о войне, ничего не утаивал. В общем, я понял, что наши парни там творят историю. — С насмешливым выражением добавил: — А моя сеструха, школьница, представляешь, на него глаз положила.

Матвей с удивлением спросил:

— А сколько ей сейчас лет?

— В этом году уже школу заканчивает, скоро выпускной.

Оставаясь наедине с собственными размышлениями, Матвей чувствовал себя птицей с поломанными крыльями. Он ощутил глубокое разочарование в своей жизни. Более того, пришел даже к выводу, что его любовь была незаслуженной.

Его терзали сомнения, но он не находил ответов. В конце концов, это стало невыносимо. Он решил, что больше не может оставаться в состоянии неопределённости. Такие

мысли вызвали в нём горькое чувство обиды из-за того, что Рита его не понимает, отвернулась, а переубедить её он не может.

И тут ему неожиданно пришла в голову идея, за которую он ухватился с радостью. Его лицо преобразилось. «Это станет поворотным моментом в моей жизни, — подумал он. — И весомым аргументом для неё».

С утра пораньше, он явился в военкомат с неудержимым желанием отправиться на войну, несмотря на отсутствие опыта военной службы.

После окончания медицинского училища Риту Крылову распределили сестрой в военный госпиталь. Работа ей нравилась, но спустя два года она решила поступать в институт на вечернее отделение и сделать паузу во встречах с Матвеем. Рита понимала, что к экзаменам нужно серьёзно готовиться. Теперь всё свободное время она посвящала книгам.

В сумочке у неё раздался звонок телефона. Взглянув на экран, она увидела имя Матвея и, не задумываясь, сбросила вызов. Говорить с ним сейчас не хотелось. В её голове роились противоречивые мысли, которые не давали ей покоя. «Неужели я ошиблась? Матвей, такой добрый и заботливый, оказался трусом?» Эта мысль вызывала у неё внутренний протест. Она пыталась убедить себя, что Матвей не трус, а просто человек, который может быть смелым и обязательно придёт на помощь в трудной ситуации.

А её сердце подсказывало, что в парке произошёл просто случай, который не заслуживает внимания.

На самом деле ей самой хотелось стереть из памяти этот неприятный эпизод и ответить на звонки человека, из-за которого сильно переживала и без которого уже не представляла свою жизнь.

Медицинский осмотр Матвей прошёл быстро, без задержек, сдал все нормативы физической подготовки. Затем простился с домашними, с мамой, с грустью покинул любимый оркестр и приложил немало усилий, чтобы дозвониться до Риты, но её номер был заблокирован.

Соломатина отправили в учебную часть на курсы начальной военной подготовки, где отрабатываются будущие задачи. Это удивило его, так как он ожидал немедленного отправления на фронт. Но военком, седой подполковник, сухо объяснил:

— Нам нужен живой солдат. А курсы дадут тебе необходимые знания и навыки. Успех в бою куётся в тылу.

Тренировки на полигоне были изнурительными, как настоящее сражение. Сначала ему было трудно держать в руках автомат вместо лёгкой скрипки. Но он быстро привык. Зато после отбоя, когда, закрывая глаза, наступала сладкая паутина дрёмы, он видел её — Риту. С нежностью и грустью его одолевала загадочность сна, и он засыпал, забывая о тяжёлом дне.

Два месяца упорной подготовки пролетели незаметно. Матвей понял, что на войну просто так не попадёшь, нужно пройти ещё две линии обороны, где продолжалась учёба. За это время к нему приклеился позывной «Солома». Какой-то шутник из ребят придумал, да так и прижилось. Он не возражал — это от фамилии.

Когда он оказался близко к линии боевого соприкосновения, совсем молодой комбат обратился к нему:

— Соломатин, воевать тебе рано, ты ещё зелёный, — комбат, подумав, сморщил нос. — Ты, случайно, не москвич?

— Да, москвич.

— Чем на гражданке занимался? — казённо поинтересовался командир.

— В оркестре играл. Я музыкант.

— Ух ты! Музыкант! — с детским восторгом воскликнул командир. — На скрипке небось?.. — Он, смеясь, сделал движение, изображая скрипача.

— Ну да, — улыбнулся Матвей.

Командир внезапно посерьёзnel.

— Теперь вместо скрипки у тебя в руках будет автомат, — он как-то странно хмыкнул, — смотри не перепутай...

— Буду стараться, — ответил Матвей, чувствуя, как его охватило волнение.

Комбат продолжил:

— А война, Соломатин, это тот же оркестр, — он, вздохнув, посмотрел куда-то в сторону. — Только у войны своя музыка... — Командир не сказал вслух то, о чём подумал: «Эта музыка смертельная и кровавая». Он внимательно взглянул на Матвея. — Ладно, будешь воевать в группе под началом опытного бойца Аюшева Николая, позывной у него «Ника», по-гречески победа. Сам он из Бурятии, участвовал в штурме Бахмута, получил несколько ранений. Группа будет состоять из трёх человек. Третий — молодой парень из города Сочи, позывной «Турист».

Через несколько дней комбат поручил им боевую задачу: ночью выдвинуться к населённому пункту, занять выгодную позицию и подготовиться к штурму.

Но на пути они неожиданно столкнулись с группой диверсантов. Началась перестрелка. «Ника» приказал «Соломе» взять огонь на себя, отстреливаться из разных укрытий, чтобы создать видимость большой группы. Сам же вместе с «Туристом» растворился в темноте.

С самого начала было ясно, что силы неравны. Оглушенный грохотом, Матвей, собрав в тугой комок волю, старался не паниковать. Он стрелял огненными струями в сторону врага, прячась за небольшими бугорками. Быстро, по-ужиному, переползая с места на место, пытаясь найти укрытие в темноте.

Его крыли всем, чем можно. У врага, видимо, не было тепловизора, поэтому они не могли его засечь.

А опытный боец «Ника» и его напарник бесшумно, в темноте обошли противника с фланга и положили всех семерых.

Задание они выполнили. Для Матвея это была уже не случайность, это был прыжок в кипящий котёл войны. Посёлок оказался не просто населённым пунктом, а важной высотой и логистическим узлом.

За время службы были разные боевые операции. На передке, на линии фронта приходилось терпеть грязь, пыль, кровь. После каждого боя сами не верили, что оставались живыми. На радостях, по-мальчишески, обнимались и благодарили друг друга.

Матвей часто тогда задумывался: «А где в этом во всём был я?» Это не слабость и не страх, а суровая реальность. С каждым сражением дружба и взаимовыручка у бойцов становились крепче, как и солдатская преданность, которая проникала в кровь через бои, огонь, порох и смерть.

В свободное время в блиндаже, где тускло горели две свечи, уютно пахло чаем, где на стенах висели фотографии боевых товарищей, павших в сражениях, а в углу стояла православная икона, бойцы вспоминали то, что связывало их с прежней жизнью, с домом. В этом месте, где время будто замирало, разговоры становились откровенными, а в глазах солдат появлялась особая теплота.

Обсуждали, чем займутся, когда вернутся с войны. Особо любил поговорить «Турист» — Олег Бусыгин. Он часто вспоминал свой любимый город Сочи. Летом он работал спасателем на пляже, а зимой — в лодочной мастерской, готовил лодки к сезону. Он не стал ждать, когда его призовут. На войну пошел, потому что считал: без него её не выиграть, а этого ну никак нельзя. Ему было двадцать три года, учился

он заочно в Краснодарском политехническом институте. О семье не рассказывал: «Сочи — город-курорт, отдыхающих поток, некогда серьёзно задумываться о семье». Жизнь радовала его яркостью красок, кипящей уличной толпой. Олег был рослым, внешне привлекательным, с весёлым характером, как и его город, только глаза выдавали человека, повидавшего всякое.

Николай — совсем другой. Когда он говорил о жене, то причмокивал, будто во рту у него был сладкий леденец.

Олег Бусыгин, прихлёбывая из кружки горячий чай, с присущей ему иронией спросил:

— Коль, у тебя, наверное, красивая жена.

Аюшев восторженно воскликнул:

— А как же! Конечно, красивая... Но гордая... Она у меня бухгалтер. Я, как только её увидел, сразу втрескался по самые ушки, — он сладко хохотнул. — Вначале она увиливала...

Олег охотно перебил его и со знанием дела добавил.

— О-о! Это они всегда так делают вид, что всё им по барабану, а сами, — он хитровато покрутил в воздухе рукой, — себе на уме.

— ...Потом я сказал, как отрезал: «Хватит, пошли в ЗАГС», и всё.

— Во как! Ну ты молодец, решительный, — Олег искренне похвалил его. — А у меня так не получается... Я вот в прошлом году в мае чуть в Москву не укатил с невестой. А в июне в Питер, уже с другой. В июле звали в Екатеринбург, еле отказался. Так что жениться мне, наверное, рановато... Вот победим врага, вернёмся домой, тогда и подумаю. — Он сделал глоток чая и, с неудержимым желанием поделиться, шелковым голосом продолжил: — Вообще-то была у меня одна красивая девушка... А познакомились мы проще простого, на самом солнцепёке, — он сладко причмокнул, поглаживая усы. — Стою я, значит, на вышке, смотрю в бинокль на море — не тонет ли кто. И замечаю — выходит из волн, словно Афродита, блондинка в купальнике цвета заката. Думаю про себя: «Вот это да, русалка явилась!» Спускаюсь с вышки, прямо к ней, и с ходу: «Девушка, вашей маме зять не нужен?» Она как зальётся звонким смехом. Говорит: «Нет, не нужен». А сама глазками зык-зык. Ну, слово за слово, заискрило между нами, — Олег томительно вздохнул. — Она как будто солнца в мою жизнь добавила. Всё вокруг казалось ярче, интереснее... А звали её Алла... Я безумно любил её целый месяц. Думал, просто крыша

поедет. Но она, такая, — меня не допускала до себя... А потом вдруг неожиданно свалила в свой Томск, и с концами. — После небольшой паузы он с грустью произнёс: — Прошла любовь — завяли помидоры... Даже адреса не оставила... Вот такая дурацкая история. Поэтому женитьба для меня — это слишком сложно.

Аюшев с оттенком упрёка произнёс:

— Ты, небось, наобещал ей звёзды и закаты, вот она взяла и укатила, не попрощавшись.

Олег не ответил, потом с интересом спросил у Николая: — А у тебя дети есть?

— А как же?! — опять с восторгом воскликнул Аюшев. — Сергей, ему четыре года, — с нескрываемой гордостью произнёс Николай. Из глубины камуфляжной экипировки он достал телефон и, счастливо улыбаясь, стал тыкать в него пальцем. — Сильно ждёт меня... Да вот он! Смотри! — он протянул телефон с фотографией сына Олегу, затем Матвею. — Так что я обязан вернуться, — серьёзно признался Николай, пряча телефон. — Я обещал... А ещё у меня есть Настенька, ей полтора годика.

Он с обнаженной любовью говорил о жене и о детях, с чувством, присущим только сильным людям.

Матвей слушал своих товарищей, крепко сжимая кружку в ладонях. Они стали для него почти родными. На войне сразу понимаешь, кто тебе друг, а кто так...

Аюшев замолчал, и оба посмотрели на Матвея, ожидая его рассказа. Он почувствовал их внимание, но ему нечего было сказать. Только мама, конечно, ждёт. А больше никто.

Он не хотел рассказывать о своей любимой девушке, о нелепой ссоре, которая привела к разлуке. О том, как они оба не смогли справиться с первыми трудностями. А Рита, которая всегда занимала особое место в его сердце, давно забыла. Так он думал. А как было на самом деле, не знал. За время войны он стал строже, собраннее и сдержаннее. Только внутри оставался растревоженным и ранимым.

Матвей отодвинул кружку и вышел из блиндажа. Густая ночь окружила его. Пахло близкой рекой, сыростью земли. Сквозь застывшую листву из-за предельных высот зябко, сиротливо и холодно мерцала Полярная звезда — признак безликого одиночества. Стало свежо.

Матвея охватило глубокое чувство вины.

Тогда, на гражданке, его желание было слабым и бессильным. Он не проявил настойчивости и не смог сказать последнее «прощай». Он то и дело возвращался к мысли о

её странном уходе и вспоминал о Рите как о какой-то тайне, которая не давала ему покоя. Сердцем он не успел остыть.

И вдруг в его сознании появилось странное ощущение бесконечной радости и робкой надежды: может, она его ждёт?

Подсвечивая фонариком, расплёскивая грязь, из темноты к нему вышел комбат.

— Соломатин, ты чего не отдыхаешь? Чего-то боишься? — с беспокойным интересом спросил командир.

— Нет. Просто... В первом бою было страшно, когда врага близко увидел. Потом привык.

— Понимаю, — комбат согласно кивнул. — Со всеми так бывает. А где остальные?

— В блиндаже, чай пьют.

— А-а... Ну пойдём со мной.

К блиндажу они пошли молча, каждый думал о своём. В укрытие спустились по крутым ступеням. Там командир, разложив карту, коротко обрисовал положение на их участке фронта.

— Сегодня в пять утра наша десантно-штурмовая часть неожиданно, пока нас не ждут, будет атаковать и освобождать этот населённый пункт, — он ногтем обвёл на карте домики. — Это приблизительно полтора километра частного сектора — там всего одна улица и один каменный дом — это ДК. По существу, это опорный пункт противника на нашем направлении. Наши части ударят с флангов. Враг под напором дерзких штурмовых действий будет отступать, скорее всего, на юг. Но в панике может прорываться к северу. Ваша задача: занять позицию у северной околицы, где жидкий кустарник и всё просматривается и простреливается насквозь. Надо встретить противника как положено — огнём. Понятно?

Аюшев ответил за всех:

— Так точно.

— Мы будем гнать их на юг, не давая закрепиться на позициях, и двигать линию фронта вперёд.

Все молча уставились на карту.

— Если вопросов нет, я пошел, — он аккуратно сложил карту, убрал её в планшет и строго сказал: — У вас есть три часа, чтобы хорошо выспаться. — Посмотрел каждому в лицо и не как командир, а с добротой в голосе, улыбаясь, произнёс: — Вот вы, вроде бы, все разные, но в одинаковых тельняшках, — и как-то буднично продолжил: — Если что случится — своих не бросать. — Он посмотрел на дрожащий огонёк свечи. — Главное, чего мы не терпим, — малодушия.

Все притихли.

Командир всегда тщательно планировал атаки, старался вдохновить бойцов, сказать что-то доброе. Он протяжно вздохнул, и у него возникла застрявшая в памяти реальность боя на родной земле:

— Однажды, 31 декабря, мы несли под миномётным огнём и атаками дронов с поля боя нашего раненого бойца. Он получил ранение в живот. Мы тащили его 7 часов, вшестером, 8 километров. А надо сказать, весил парень больше ста килограммов. В группе у нас были русские, татары, буряты и якуты. — Офицер достал сигарету, прикурил от свечи и глубоко затянулся. — Это были люди разные по характеру, по возрасту, по мирному укладу жизни. Но с пониманием: война — это тяжелая и кровавая работа. — Он снова сделал затяжку и, вспоминая, продолжил: — Шел то дождь, то снег. Был сильный ветер. . . Дрон мог висеть над головой, а ветер делал его невидимым. Нас без конца обстреливали. Кто-то из солдат ругался, проклинал всё, кто-то молился. Но никто не бросил товарища — мы всё же, на шатких ногах, добрались до санчасти. . . Так измотались, что нам было не до Нового года — все вырубались сразу. Зато парня спасли.

Комбат замолчал, не сказав, сколько кануло молодых парней в этой грёбаной войне. А ведь каждый бой превращался в бешенную стрельбу, грохот, дым, разрывы, стоны раненых, и в итоге — смерть.

Матвей подумал: «Мы не первые и не последние».

Командир, погасив сигарету, повернулся и вышел из блиндажа.

Не сговариваясь, все трое стали проверять свои боекомплекты.

Сон был коротким и спокойным.

После отдыха в назначенное время группа скрытыми лесными зарослями стала пробираться к посёлку. Назойливые дроны гудели в грязном небе, выискивая хищным стеклянным глазом свою жертву.

Ночь медленно покидала посёлок и уходила к примыкающему лесу.

Схватка для противника началась внезапно. Враг с тупым отчаянием сопротивлялся. Но под натиском штурмовиков свои позиции всё же сдавал, оставляя территорию и жилой посёлок. Это была битва на уничтожение. Бой продолжался больше десяти часов.

Отступая, обезумевший противник наносил максимальный ущерб мирному населению: травил колодцы, подрывал дома и постройки, превращал всё в руины.

После яростного сражения воцарилась оглушительная тишина. Казалось, сама смерть затаилась в этом безмолвном пространстве. Теперь нужно было очистить территорию.

«Ника» получил приказ обследовать посёлок. Нужно было убедиться, не притаились ли среди развалин посёлка в подвалах уцелевшие или раненые враги.

От поселка остались лишь дымящиеся стены разрушенных домов, печные трубы да деревья, похожие на обглоданные кости.

Матвей оказался на руинах поселкового ДК. На фронтоне ещё виднелись обожжённые лепные буквы «РАССВЕТ». Он остановился, огляделся. Среди обломков и цементного крошева заметил чёрный предмет. Осторожно поднял его, стряхнул пыль. Это был футляр. Он так же аккуратно открыл крышку. В нём лежала, поблескивая верхней декой, кем-то брошенная скрипка. У Матвея загорелись глаза. Он невольно отложил автомат в сторону, а скрипку бережно взял в руки, будто живую. Замедленным не забытым движением приложил её к плечу и мягко опустил смычок на одну из четырёх струн. Раздался едва уловимый, почти испуганный звук.

Он сильнее прижал подбородком скрипку. Смычок плавно заскользил по струнам, рождая мелодию.

Война и разруха оказались бессильны перед законами жизни и чарующей музыкой. В музыке звучали глубоко спрятанные переживания и чувства, что всколыхнулись в его душе. Сквозь мелодию пробивалась тайна тоски по любимой, которую он вдруг захотел доверить небу.

Матвей не мог остановиться. Игра на скрипке увлекла его, словно жаждущего путника, припавшего к свежему источнику.

Его одинокая фигура среди развалин казалась призрачной. Музыка только усиливала всю безнадежность окружающего положения, она звучала, точно рыдание без слёз.

Мелодия плыла над разрушенным посёлком. И вдруг в голосе скрипки появилась грустная нота. Возможно, он вспомнил девушку Риту с тонкими, почти детскими руками.

Он продолжал играть, когда из-за полуразрушенной стены показался вражий солдат. Он направил автомат на музыканта. Матвей вздрогнул, но продолжал играть. В голове пронеслось: «Сейчас выстрелит». Играя, он ждал решения своей судьбы. Однако солдат не стрелял. Он положил свой автомат на кирпичные обломки и поднял руки.

Матвей прекратил играть. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу. Пленный, весь в цементной пыли, опустился на колени и, захлёбываясь слезами, хрипло запричитал: «Простите, простите...»

В этот момент к ним подбежал Аюшев. Быстро оценив ситуацию, он понял, что нужно делать.

— Ты один? — спросил он у солдата.

— Один.

— Жизнь свою спасаешь, — резко сказал Аюшев. — А я ведь тебя чуть не грохнул.

Пленный не ответил. Лицо его стало бледным.

Аюшев поднял брошенный автомат.

— Оружие-то у тебя иностранное, — с раздражением проговорил он. — Ничего своего нет. Да ты руки-то опусти.

Матвей, ещё не растеряв удивления, спросил:

— Почему вы не стреляли? Я ведь был безоружный.

Пленный с укором ответил:

— В музыкантов стрелять нельзя.

Подошедший Олег Бусыгин слышал разговор и, вскипев, матерясь, гневно произнёс:

— Ха! Нельзя! А в женщин и детей можно?

Пленный понурившись, молчал. Сказать ему было нечего.

— А почему в музыкантов стрелять нельзя? — переспросил Матвей.

Пленный поднял на него синие глаза, ища понимания.

— Без музыки мир погибнет. Я сам музыкант, знаю, о чём говорю. — Он выглядел жалким, но с надеждой в глазах. Было видно, что ему становится легче с русскими солдатами. Они вызывали доверие. Поэтому он и выбрал плен.

Аюшев с ноткой злости и пренебрежения в голосе сказал:

— А ты кто вообще такой, музыкант?

Пленный, вытирая слёзы, забормотал:

— Сам я с Одессы, играл на кларнете в оркестре ресторана.

В армию попал случайно. — Он продолжал размазывать слёзы по лицу. — Услышал, как гарно музыка звучит, так сердце обрадовалось до слёз. Давно не слышал такой музыки.

Бусыгин покачал головой:

— Скажи на милость, музыке обрадовался. Тебе бы в одном оркестре с нашим музыкантом играть, если бы не воевал.

Матвей, укладывая скрипку в футляр, с оптимизмом заметил:

— А может, и сыграем... Лишь бы эти «друзья» не мешали...

К ним подошли два бойца из штурмовой группы — крепкие, накачанные парни. Они без удивления стали разглядывать пленного. Один из них предложил:

— Давайте мы его отправим к остальным сдавшимся. — И они увели пленного солдата с собой.

Олег Бусыгин, озадаченно посмотрел им вслед:

— Вот ведь как жизнь устроена: человек воюет, кругом кровь, смерть, а он думает, какое это счастье — слушать музыку.

Николай Аюшев с позывным «Ника», закинув оружие на плечо, перевёл взгляд с брошенного автомата на футляр, с неподдельным восторгом произнёс:

— Ну, Мотя, твоя музыка усмирила врага. Заставила его плакать и просить прощения.

Соломатин весело рассмеялся.

— О-о! Если бы это было так... Видать, она нашла отклик в его душе...

Аюшев сказал, смеясь:

— Пока положи скрипку, возьми автомат — и вперёд!

Все трое были довольны тем, что после боя остались живы и сдали пленного. Солдаты направились к разрушенным и обгорелым домам. В завалах могли находиться раненые и мирные жители, которым нужна была помощь.

Николай Аюшев увидел, как бабушка, стоя у разрушенного дома, молча встречала русских солдат.

— Бабуля, это твой дом? — он указал рукой на обгоревшие стены.

Она ответила согласным кивком. Говорить о доме, в котором она прожила, может, большую часть своей жизни и которого теперь нет, она не могла.

— А чего ты одна? — поинтересовался Аюшев.

— Я не одна. В доме внучка, — она кончиком платка вытерла слезу.

Аюшев почувствовал что-то неладное.

— А что с внучкой? Почему она не выходит?

— Не может выйти... Убили её, когда уходили эти...

Аюшев как можно спокойнее сказал:

— Бабуля, за нами идут медики, санитары, пожалуйста, дождись их. Они помогут тебе, подскажут, что делать с внучкой.

Бабушка перекрестила Аюшева:

— Спаси вас, Господи.

Аюшев сложил ладони по-буддистски:

— Ом мани падме хум, — ответил он по-своему и двинулся дальше.

Матвей шел по тропинке, изрытой снарядами, к ветхому дому, густо увитому диким виноградом. Подойдя ближе, он увидел, что крыша у дома провалилась, а дверь едва держалась на одной петле.

Вдруг он услышал далёкие сдавленные звуки. Войдя внутрь, насторожился. Звуки доносились из подвала. С трудом сдвинув тяжелое деревянное перекрытие, придавившее крышку погреба, Матвей открыл люк. Внутри раздался тихий детский плач и всхлипывание. Стараясь придать голосу мирный тон, он сказал:

— Это кто там плачет?! Выходи на свет божий!

Первой из темноты подвала по лесенке поднялась чернобровая девушка лет семнадцати. Она спросила:

— Вы кто?

Матвей удивился вопросу, но ответил:

— Русский солдат... Как тебя зовут?

Девушка поменялась в лице и с радостью громко сообщила в подвал:

— Мама, это русские! — Оттуда стали раздаваться какие-то непонятные звуки. — Меня зовут Аня, — уже тише проговорила она.

Матвей с беспокойством спросил:

— Аня, там больные есть? А то мы вызовем медицинскую помощь.

Тем временем из подвала с истерзанным видом появилась женщина. Она начала помогать остальным выбираться из погреба.

Оказалось, это целая семья: три девочки и мальчик лет пяти, который, всхлипывая, тёр глаза.

Дети прижались к матери, с боязнью и любопытством разглядывая солдата. Они не могли вымолвить ни слова от страха. Мать вроде бы изображала дружелюбие, а в глазах затаилась тревога.

— Вы правда русский? — строго спросила она.

— Правда, — спокойно ответил Матвей и показал шеврон на рукаве.

Мать с облегчением вздохнула, перекрестилась.

— Сынок, что же вы так долго шли? — её глаза наполнились слезами. — Господи... Слава тебе, Господи... Наконец-то...

— Как вы в погребе оказались? — спросил Матвей.

— Если бы не подвал, он бы всех нас поубивал, — ответила мать.

— Кто?

— Танк. Здоровый такой, страшный. Приехал, встал посреди улицы и начал стрелять по домам из пушки в упор. А там же люди, в домах-то, дети. Мы перепугались и спрятались в погребе. Он по нашему дому стрелял, — она снова перекрестилась. — Наверное, снаряды у него кончились, он уехал... Но мы выйти не могли — нас завалило. Так и сидели в погребе, в полной темноте, три дня. — Из её измученных глаз по лицу текли крупные слёзы.

Матвей заметил, как трудно ей было говорить. Женщина нервно облизывала губы. «Они трое суток в подвале без воды просидели, — догадался он. — А из колодца воду пить нельзя — она может быть отравлена». Он отстегнул от пояса фляжку и протянул женщине.

— Выпейте, вам станет легче.

Женщина взяла фляжку, но пить не стала, передала её старшей дочери, Ане. Та быстро отдала её бледной и худой сестре, а та младшей девочке. Младшая, тряхнув плечиками не задумываясь, открутила крышку и стала поить маленького худенького мальчика, своего брата. Потом все сделали по глотку. Последний глоток сделала мать.

Над разрушенным посёлком загустели сизые сумерки.

Матвей, сжимая в руках оружие, направился по извилистой тропинке, ведущей к очередному обгоревшему дому. Он испытывал чувство удовлетворения за то, что освободил из подпола испуганную семью. Ему казалось, что это начало их новой жизни.

В воздухе всё ещё стоял запах пороха. Подходя к дому, Матвей неосторожно наступил на что-то твёрдое. Он подумал, что это камень, но раздался взрыв, поднявший клубы пыли. Матвей потерял сознание и рухнул на землю, погружаясь в темноту.

На шум с другой стороны улицы прибежал Коля Аюшев. В суматохе он закричал:

— Матвей! Мотя! Как же так... Нарвался на мину...

На повреждённую ногу, он лихорадочно стал накладывать жгут выше колена.

Сзади подъехал «уазик» со срезанной крышей и с двумя санитарями. Один из них подошел и спросил:

— Живой?

— Конечно, живой, — ответил Николай.

— Двухсотых нынче много, — пробурчал санитар.

— Он наступил на мину — «колокольчик», — сказал Николай.

— Вижу. Отойди.

Аюшев отступил. Санитары аккуратно подняли раненого солдата, погрузили на машину и уехали.

В полевом госпитале, после беглого врачебного осмотра, стало ясно, что повреждённую ногу спасти невозможно. Кроме того, у солдата были осколочные ранения в плече и голове. Осколок из плеча удалили быстро. Операцию на голове медики отложили. Раненого решили отправить в Москву, в Центральный госпиталь, где есть всё необходимое оборудование и опытные нейрохирурги. Там же проведут операцию на конечности.

Уже к утру рядового Матвея Соломатина доставили в главный военный госпиталь.

Врачи провели сложную операцию, из головы был извлечён осколок. Нейрохирург сказал, что солдата, видимо, спасла каска.

Ногу решили ампутировать, но молодой хирург Марк Иванович взялся убеждать коллег, что он, изучив рентгеновские снимки, постарается сохранить конечность.

Проводить такую операцию было рискованно, никто не хотел брать на себя ответственность. Врачи срочно стали совещаться и вынесли решение: «Если к вечеру пойдёт температура, будем ампутировать». Это создавало нервную обстановку. Марк Иванович не выдержал напряжения.

— Ваша пауза между смертью и жизнью, — с некоторым раздражением проговорил он. — А я уверен... конечность можно спасти.

В виде исключения коллеги пошли ему навстречу. Раненого подготовили к операции.

Хирургу помогала медсестра Крылова, заступившая на смену. Разглядывать больного ей было некогда, тем более что голова и плечо были перебинтованы. Она сосредоточилась на раздробленной конечности.

Операция длилась больше четырёх часов. Когда всё закончилось Марк Иванович, устал вздохнул и сказал:

— Мы с тобой, Крылова, по кусочкам собрали ногу дедуктивным методом.

Рита вопросительно посмотрела на хирурга. Он с торжествующим видом продолжил:

— Этот метод позволяет восстановить целое из частей. Ты изучала его в институте? — Он говорил с ребяческим

задором, будто и не было тяжелой операции. — Это у тебя ещё впереди, — и тихо, чуть слышно, добавил: — А пока, Ритуля, я предлагаю отметить это дело после удачной, но неблагодарной работы. — Хирург, улыбаясь, посмотрел на Риту с явным интересом.

Рита смутилась и отрицательно покачала головой.

— У меня сегодня вечером экзамен, — не моргнув глазом соврала она. И, чтобы сменить тему, спросила:

— Марк Иванович, раненый поступил сегодня ночью?

— Да. Говорят, прямо с поля боя...

— Мне нужно заполнить карту пациента после операции. Как его фамилия?

Хирург на мгновение задумался.

— По-моему, Соломин... — и, спохватившись, воскликнул: — Соломатин, вот как!

Рита застыла от неожиданности. Её охватила полная растерянность. Пересохшими губами она переспросила:

— Соломатин? Вы уверены? Вы не перепутали?

Доктор, снимая халат, шутливо ответил:

— Крылова, ты навязчива как комар у меня на даче.

— Марк Иванович, я же серьёзно спрашиваю.

— Соломатин, это правда. А чего тебя так удивило?

С этой минуты Рита стала чаще навещать Матвея. Она отчётливо понимала, что когда-то, по своей вине, потеряла надежду. От этой мысли холодком замирало её сердце.

На вторые сутки Матвей очнулся от собственного стога. Рита находилась рядом и слышала его бормотание. На её лице появилась счастливая улыбка. «Наконец-то он пришел в себя и хочет что-то сказать. Это хороший знак», — порадовалась она.

Здоровье Матвея стало улучшаться, и он узнал в медсестре Риту. Его охватил озноб, он попытался встать с постели, чтобы сказать ей что-то хорошее. Но сил у него не хватило.

После очередного обхода врач строго сказал:

— Лежите, не вставайте. Вам ещё рано подниматься.

Он разрешил снять повязку с головы. Осмотрев рану, спросил:

— Голова не кружится?

— Нет, — уверенно ответил Матвей, стараясь выглядеть бодрячком, потому что за спиной доктора стояла Рита. — Хоть сейчас в бой.

— Вы везучий человек, — с улыбкой сказал доктор и добавил: — Но всё идёт хорошо.

Матвею наложили лёгкую повязку на голову.
Марк Иванович, повернувшись к Рите, тихо заметил:
— Он чудом спасся от смерти...

Рита и Матвей, оставаясь наедине, не могли насытиться разговорами. Смеясь, вспоминали счастливые моменты из прошлого, стараясь обойти стороной тот летний вечер в парке. Рита не оправдывалась и не объяснялась, ей лишь хотелось сказать, что всё это время думала о нём и не забывала.

Время шло, раны Матвея постепенно затягивались. Однако Рита всё больше беспокоилась. Она опасалась, что последствия серьёзных ранений могут быть непредсказуемыми.

Однажды она вошла в палату, держа в руках пару костылей.

— Доктор сказал, что тебе нужно двигаться, но на больную ногу наступать нельзя, — объяснила она.

Матвей начал осваивать ходьбу на костылях по палате. Каждый шаг ему давался с трудом.

В любую свободную минуту Рита забегала к нему и видела, с каким упорством он старается ходить. Но радость незаметно переходила в жалость.

Плечо и голова больше его не беспокоили. На костылях он ходил уже уверенно, и доктор намекнул, что если так пойдёт, то скоро его выпишут.

На радостях Матвей смело начал гулять по коридору, в конце которого в уголке отдыха стоял большой аквариум с красивыми рыбками. Говорят, если долго смотреть на них, человек успокаивается. Матвей, сложив костыли, сел в кресло, веки стали тяжелеть, он погрузился в полудрёму.

К нему подошла Рита и осторожно опустилась в соседнее кресло. Сбравшись с духом, она решила сказать то, что хранила в душе.

— Мотя, — негромко позвала она.

Матвей очнулся, открыл глаза и по-детски улыбнулся.

— О-о! Рита! Привет. А я вот гуляю по коридору...

Взгляд у неё был пристальным, с некоторым волнением.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Случилось... давно, — она сказала это скорее для себя.

По лицу Матвея проскользнула тень тревоги. «Неужели настала пора объяснения неизбежного конца?» Он напрягся и огорчённо произнёс:

— А теперь жалеешь?

— Жалею только об одном: не смогла тогда ответить на

твое предложение... Ты уехал на войну, обиженный на меня, а я извелась вся от беспокойства. Конечно, я виновата, поступила легкомысленно, — она говорила как-то неуверенно. — Но разве мы все безгрешны?.. Я тогда, как девчонка, убежала, ничего не сказав...

От неожиданности Матвей замер, пытаясь осмыслить то, что говорит Рита. Через некоторую паузу Рита несмело продолжила:

— А когда я увидела тебя раненым, слёзы радости смешались со слезами благодарности...

Матвей, не перебивая, внимательно слушал её, держа в руках костыли.

— Мотя, скажи, ты помнишь тот вечер и свои слова, которые мне говорил?

— Конечно, помню, — затаив дыхание, проговорил он.

— А что ты мне сказал?

Матвей оказался в полном смятении, но неведомая сила заставила его в полголоса произнести:

— Ты согласна выйти за меня замуж?

— Можно я отвечу так, как хотела сказать тогда, но не сказала?

Матвей молча наклонил голову.

— Так вот... Я согласна, — коротко произнесла Рита.

Он выронил из рук костыли.

Рита засмеялась грудным смехом, а в её глазах вспыхнули огоньки.

— Мотя, ты-то готов к этому?

Эти слова подействовали на него, как хмель, он почувствовал прилив сил во всём организме.

— Если бы эти костыли не мешали, — воскликнул он, поднимая их с пола, — я бы пошел плясать по коридору.

Матвей смотрел на Риту, и у него возникло странное ощущение того, что теперь он может смело сказать о своих чувствах, которые долго прятались где-то в глубине его сознания.

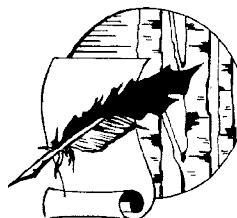
Рита, словно прочитав его мысли, тихо, но с жаром произнесла:

— Я тебя ждала. Знала, что ты вернёшься.

Матвей осознал, что теперь его жизнь будет другой. Он чувствовал, как в его венах громко стучит кровь. И тихо сказал:

— А я в каждом бою дрался за нас с тобой...

г. Москва

Анна РЕТЕЮМ

ЗЕРНО МОЛИТВЫ

* * *

Сколько нужно любви, чтобы вылечить раны,
молчаливые скорби, охриплую боль?
Сколько огненных слёз и молитв неустанных
претворить по-евангельски в добрую соль?
Сколько нужно ещё русских судеб и жизней,
чтобы чёрные бездны проклятий унять,
доверяясь земной и Небесной Отчизне,
уходить воевать, уходить воевать?!

ЖАВОРОНОК

Трепещет жаворонок нежный
над лугом, целится в зенит —
такой наивный и потешный,
но как молитвенно звенит!

Всей птичьей жизнью истекая
на высшей ноте чистоты,
он только музыка святая,
где шепчут травы и цветы...

Как будто стряхивая тело
в священном трепете, чиста,
и я бы так звенеть хотела
пред ликом Господа Христа.

* * *

Что случилось со мной? Война! —
не ответить правдивей, точно:
я как будто была одна,
и была — огневая точка,
и горела, сгорала, верь,
за детей — и больших, и малых,
как в берлоге ревуший зверь,
и молила, и умирала...
Только эта сухая степь,
с мирной пажитью, прахом милым,
наконец с болью всех судеб
терпкой горечью примирила...

* * *

Мой сад, где ограды пробиты
и бродит стадами сирень,
с утра захватили бандиты
и делят его целый день.
Бесчинство, хрипя, нарастает,
умолкли дрозды, соловьи,
лишь пухом лебяжьим спадает
цвет яблонь и пышной айвы.
И вот уж до неба заборы,
за каждым — пристанище пса.
Не в толк им зелёные хоры
и предков моих голоса...

* * *

Сквозь меня пролетают столетья,
бесконечные полчища неба —
колесницы, знамёна, штыки,
их становий туманы, веретья
и обозов поклажи, тюки.

Все кочевья и переселенья,
непокорное русло людское —
как стихия живая, сквозит.
Величаво Небес дуновенье,
неогляден далёкий транзит.

* * *

Твои целую раны,
набрякшие бинты,
солдатик, брат названный,
велико страждешь ты.
Горит в железном круге
земли родной судьба —
огонь за нас, за други,
ты принял на себя,
подставил эти плечи,
закрыл, как ПВО...
И подвиг твой — навечно,
нет истинней его!

* * *

Что ни сделай — всё мало, всё мало,
не достойно небесных щедрот,
и в холодной тщете, захудалой,
ты становишься тих и негорд.
И надежда, как хлеба краюха,
согревает за пазухой стынь,
и твердишь о присутствии Духа.
Не покинь же меня, не покинь!

* * *

Зерно молитвы падает, летит —
в небесное тепло, в глубины света,
и твой уже не так прискорбен вид,
когда вверяешь дело почве этой.
Не надобно трескучей суеты,
бесплодного томления и боли,
когда ростки всевышней красоты
в твоей восходят горестной юдоли.

* * *

Я не знала, что верность — пространство,
тонкий-тонкий, но зримый пейзаж,
протяжённого луга убранство,
горизонта разлёт — только наш.
По земле я ступаю, по бренной,
но в пространстве ином нахожусь —
что мне кажется шире Вселенной,
и сама я вселенной кажусь.

* * *

Снова сердце потеряно — точно
плещет по ветру дней полотно...
Танец бабочек в стиле восточном,
залетевших случайно в окно,
мне напомнил, напомнил — но что же? —
облаков заколдованных тень
и текущий по воздуху тоже
давний оклик пустых деревень...
Я живу, он живёт, вы живёте,
в угловатом порхая полёте,
плещет по ветру дней полотно,
и небесное — будто земно.

ПЛАЧ

Каждый день, каждый день похоронки
настигают отца или мать,
разве можно от горя в сторонке
на единой земле постоять?
Прилетит с чёрной ленточкой фото —
дескать, пал смертью храбрых, герой,
в двадцать лет завершилась работа,
со святыми его упокой...
А земля уж наполнена вдоволь —
ей не нужен такой перевес,
и безбрачно останется, вдово ль,
поколение расцветших невест.
А земля бы хотела иначе —
напитать человеческий цвет
благоденствием долгим... Но, плача,
вместе выстоим — смерти в ответ.

* * *

Ниже трав, воды озёрной тише,
бойкие отринув словеса,
думай о себе как о погибшей —
и одной молитвой воскресай.
Лета молодые перезвоны
брось и холодам не прекословь,
ты уже вкусила время оно,
жизнью отвечая за любовь.

* * *

Земля моя, прекрасная, живая,
умел ли кто сильнее тебя любить?
Из космоса я будто прозреваю
то время, что даровано здесь быть:

великое, несметное богатство —
алмазы гор и вечные моря,
и леса платоническое братство,
и сердца путь, назначенный не зря.

То — солнечной, а то — дорожкой лунной
восходит он, мерцаньем окружён,
и всякий шаг, не слишком-то разумный, —
исправлен Небом и преображён.

* * *

Вот небо, вот земля —
какие шутки, брат?
И cedят тополя
смолистый аромат.
И жизни строгий дух
горчит, извечно свеж,
врачуя наш недуг
насмешливых невеж.
И строгость та легка,
и горечь та чиста,
как милости река,
как слёзы у Креста.

* * *

Ты всё узнаешь сам, но только бы не поздно,
и зоркость обретёшь чудесную вполне,
и выстроится жизнь, разбросанная розно,
как млечная строка в небесной глубине.
Ты всё охватишь вмиг, как ветер над пучиной,
и огненный пророк, зачем-то зрящий вспять,
события пронзив до истинной причины —
всю их слепую боль и милости печать.

ЛЕТАРГИЯ

Летаргия, мой друг, летаргия
на усталую землю грядёт,
вот и сумерки полунагие
взяли пёстрый наш лес в оборот.
Бушевали здесь кроны другие,
день сиял в отражении вод,
летаргия, мой друг, летаргия
на остывшую землю грядёт.
Мы природе под стать утомились,
темноту примеряя и лёд,
только сердцу дарована милость —
в летаргию оно не впадёт.

* * *

Всё просто на земле широкой, просто —
любить, любить до самого погоста
шатровых сосен дебри меховые
и белых храмов солнечные выи,
протяжных волн гремящие узоры
и в дымке кристаллические горы,
и знак, что на крыле уносит птица,
и лица, человеческие лица.

* * *

Закудрявились бурые тополи,
золотая лоза ивняка,
и в берёзовом нежном акрополе
поселились, кружа, облака.
В полых водах летят отражения,
лишь тростник уцепился за лёд,
всюду рифмы для ока, сближения,
всюду стройность, гармония, взлёт.
Птичья музыка, ясная, дружная,
в венценосный вплетается свет,
будто не было голоса выюжного,
будто тьмы на земле вовсе нет.

* * *

Эти тонкие побег,
эти ломкие штрихи,
облака поющей неги,
звон медовый у реки,
где шмели в своём гареме
пьют фиалок аромат,
и легко уносит время,
словно облачко, наш сад...

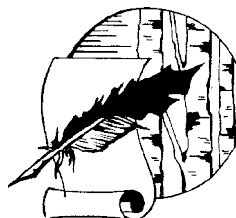
* * *

«Всё так» и «всё не так»,
«приемлю», «не приемлю» —
две партии людских,
когорты, расы две:
одна благодарит
приветливую землю,
целуя небеса
в таинственном родстве,
другой — не угодить,
ей холодно, постыло,
и ёжится она
в своей неправоте...
Но любит нас Господь,
куда б ни угодила
душа твоя,
Ему —
нужны и те, и те.

* * *

Мы с тобой не играем в искусство,
мы с тобой не играем в любовь:
голос жизни, отважное чувство —
словно сердца открытая кровь.
Кто придумал, игрой называя,
этот голос глубинный ломать,
чтобы мир, в пустоте изнывая,
сам себя не умел понимать?!

г. Москва

Галина ТАЛАНОВА

КРУЧУ ВЕРЕТЕНО...

* * *

И снова март.
Двадцатое число.
И из углов выходят молча тени.
Трамвай прошёл —
И дребезжит стекло.
И вверх, должно б,
Все пройдены ступени.
Всё изменилось...
Снова ворон сыт...
Уже привыкли к сводкам с поля боя.
Все ветки, что без листьев, у раkit,
Как будто бы с обугленной корою.
Сугробы опадают, словно грудь
Старухи,
Что забыла про любви.
И хочется весь мир перевернуть,
Что не боится почерневшей крови.
Ах, мама, мама,
Твой вернули Крым,
Где разгребала волны ты руками.
Но впереди струится черный дым,
Что кажется ночными облаками.

* * *

Моей маме, Эльвире Бочковой, поэту

Теперь всё реже говорю с тобой,
Хоть освещаешь путь в ночи по краю.
И дни летят опавшею листвою.
Так много их,
Что сбились ветром в стаю.

Совета, мама, больше не прошу.
И только постоянно сожалею.
Я собираю, будто анашу,
Слова в стихи.
Твоей тоской болею...
Свой странный дар зачем передала?
Оставила одну с дурманом сладким.
По ком звонят в тиши колокола,
Когда сижу и плачу над тетрадкой?
Такой густой и мелодичный звон. —
Так, помнишь, камень бросив в Херсонесе,
Там колокол звучал,
Как будто гонг.
О скалы билось море в пьяной спеси.
Летела пена, розовел закат,
Как персик, наливаясь райским соком.
Там плечи были темный шоколад,
Но думала о вечном, о высоком.
Теперь другие стали времена.
Не чайки, беспилотники летают.
Дрейфуют мины. И не видно дна.
И взгляды — как медузы, обжигают.
Их вышвырнет волною — исчезать.
А я грущу, смотрю в речную воду,
Что снова начинает прибывать.
И неизбежен холод небосвода.

* * *

Расчёсан берег августом на пряди.
И вылупились злые комары.
И руки в вишне, словно бы в помаде.
Причуды лета, сладкие дары.
Но завтра — в город, чтобы встретить осень
И вспоминать о лилиях в реке.
И облако повисло между сосен.
И мятный холодок на языке...
Слова ушли ленивыми шагами.
Трещит кузнечик в глубине травы.
И яблочными пахнет пирогами
С соседской дачи с привкусом айвы...
Там жизнь кипит,
Там подрастают дети,
Которые забудут путь домой.

И только я одна на белом свете
И опьяняюсь неба синевой...
И думаю о том, что недалече...
Мой путь туда проляжет без следа.
Я обниму саму себя за плечи,
Но не стряхну, как мух, свои года.
Ах, годы, годы, где была любима...
И пряталась под маминым крылом.
Всё кажется — окликнет из малины —
И оживёт мой постаревший дом.

* * *

И время, опустевшее давно,
Скрипело, как рассохшиеся доски.
И становилось пусто и темно,
Как будто разошлись, напившись, гости.
Усталость накатила и тоска.
И даже стены холод излучали.
Текли минуты струйкой у виска.
Перевернуть — и снова жизнь в начале.
Но так тяжёл в часах песочек был,
Что опрокинуть не хватало силы...
Промозглый ветер продувает тыл.
И я уже, наверно, отлюбила.
Теперь одной стоять на сквозняке.
Смотреть, как птицы улетают клином.
И вслед кричать на птичьем языке,
Что ничего уже непоправимо.
Баюкать в горле, запирая плач.
И уходить в себя с прямой спинойю.
И знать, что время кончилось удач,
Но трели соловьиные со мною.

* * *

Воспоминаний оголённый провод
Под током лет давно перегорел.
Осталось на бумаге жёлтой слово.
И вечный одиночества удел.
Не заискрят обугленные ветки,
Хоть тени шевелятся на стене.
И дым чужой,
До хрипов в горле, едкий,
Напомнит о далёкой той весне,

Где листья прошлогодние сжигали.
Летели искры с серою золой
Неторопливо, будто по спирали.
И воздух окрылял нас синевой...

* * *

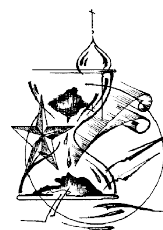
Ведь всё прошло,
Но снова всколыхнуло,
Когда вернулось летнее тепло,
Когда октябрь уже нацелил дуло,
И мухами засижено стекло.
Когда сентябрь сошел с ума,
Ведь охрой
Обожжены, иссушены листки.
И ждём погоды, беспросветной, мокрой,
Но вновь шиповник тянет лепестки
К лучам последним трепетного солнца,
Что не спеша уходит на закат.
И остаётся дней любви на донце,
И наступило времечко утрат.
А я тянусь всё к ниточке из света
И, как паук, кручу веретено.
И жду, чтоб в сеть стихов поймалось лето,
Что в полночь бьётся не в моё окно.

г. Нижний Новгород

ДЕКАБРИСТЫ КАК ПЯТАЯ КОЛОННА

Приснопамятные Гайдар, Чубайс и Немцов, известные своей ненавистью к России, очень почитали декабристов, поддерживая разные мероприятия, проводимые в их память. Они рассматривали декабристов как своих предшественников по «перестройке» страны. Гайдар и его команда считали, что решение их «прогрессивных планов» может быть, как и в 1825 году, осуществлено путем заговора и убийств. В планы заговорщиков 90-х годов входило следующее: ликвидация русского государственного порядка и Православия, расчленение страны на несколько республик, так как планировалась гибель России и русской цивилизации. Замысел декабристов предполагал: солдатский бунт, захват Зимнего дворца, арест и истребление Царской семьи. Особенность декабристского путча состояла в том, что абсолютное большинство его участников состояло в масонских ложах, и по законам Российской Империи они считались государственными преступниками. Об этом должны знать наши современники.

Масонский заговор, получивший название декабристского, представлял собой серьезную угрозу для существования тысяче-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

летнего Русского государства. Заговорщики ставили своей целью изменить не только форму правления и государственное устройство, но и расчленив российскую державу на ряд самостоятельных обособленных территорий. Социальной опорой декабризма служила некоторая часть правящего слоя и интеллигенции России, лишенная национального сознания и готовая пойти на погром национальных основ, традиций и идеалов.

В масонских ложах состоял 121 декабрист (более 90 процентов), в том числе все руководители заговора. Декабристское движение, будучи чисто масонским, выросло из наиболее опасного и тайного его ответвления — ордена иллюминатов (основатель А. Вейсгаупт), сыгравшего трагическую роль в судьбе королевского режима во Франции. Соединяя в себе методы иезуитской организации, тайной инквизиции и патологическую жестокость к своим противникам, этот орден вел тайную борьбу за уничтожение монархической государственности и христианской церкви в европейских странах. После запрета своей деятельности в Германии (1784 год) он выступает под вывеской французской масонской ложи «Соединенных Друзей», а с 1790 года — прусского тайного союза Тугенбунд (Союз Добродетели).

Российское масонство было связано с иллюминатством с самого начала его зарождения (князь Н. Репнин). Однако массовый характер эти отношения приобретают во время похода русских войск против Наполеона. Среди российских масонов, напрямую связанных с Тугенбундом, исследователи отмечают М.Ф. Орлова (основателя «Ордена русских рыцарей», члена «Союза благоденствия»), Н.И. Тургенева, С.П. Трубецкого, П.И. Пестеля, А.Н. Муравьева, М.А. Фонвизина.

Одним из представителей ордена иллюминатов в России был Эрнст Вениамин Соломон Раупах, с 1804 года живший в доме члена Негласного комитета Новосильцева, а затем у князя П.М. Волконского. За свою сомнительную деятельность в 1822 году Раупах был выслан из России.

В 1816 году, по-видимому, по прямому указанию руководителей Тугенбунда молодой российский полковник, масон с юношеских лет А.Н. Муравьев основывает так называемый Союз спасения, состоявший из трех десятков офицеров, поставивших своей целью тайную борьбу с царской властью. К числу главных активистов тайного союза относились также связанные с Тугенбундом князь С.П. Трубецкой, подпоручики Н. Муравьев и М. Муравьев-Апостол, И.Д. Якушкин. Чуть позднее к обществу присоединились М.Н.

Новиков и П.И. Пестель. Устав общества составил Пестель. Он обязывал, «елико возможно, умножать число членов общества», стремиться к тому, чтобы члены тайного общества достигали важных постов в государстве, притворно выдавая себя за верноподданных. В духе масонских лож, и в частности Тугенбунда, к Уставу прилагалась клятва, в которой члены общества клялись хранить тайну и не выдавать друг друга, а иначе «яд и кинжал везде найдут изменника».

Типичным масонским заговорщиком из числа декабристов был М.С. Лунин, русский помещик, перешедший в католичество, ярый космополит и русофоб. Состоя в масонской ложе «Трех Коронованных Мечей», он стал неперменным участником всех декабристских организаций.

Союз спасения разрабатывает заговор, ставивший целью царевубийство во время пребывания Александра I в Москве в 1817 году. Как показало следствие, масонские заговорщики из числа декабристов неоднократно готовили покушение на жизнь Царя. Было установлено семь таких попыток: в 1816 году — на Царскосельской дороге, в 1817 — в Москве, в 1823 — возле Бобруйска, в 1824 — в Петербурге, в 1825 — в лагере при Лещине, в 1825 — в Василькове, в 1825 — на Сенатской площади в Петербурге. Произвести это убийство заговорщики собирались особенно кощунственно — во время службы в Успенском соборе в Московском Кремле. Однако позднее отказались от этого плана, понимая, что в заполненном людьми соборе им не уйти от расплаты.

Однако результатом кощунственных планов стала реорганизация Союза спасения в еще более опасную организацию, построенную полностью по принципам Тугенбунда — Союз благоденствия (1818—1821). Как и предыдущая организация, Союз благоденствия ставил своей задачей подготовку вооруженного заговора против правительства и создание удобного им общественного мнения (особенно дискредитацию своих политических противников).

Заговорщики строили планы создания большой сети тайных и легальных организаций, посредством которых они хотели руководить общественным мнением. Для этого они на своих совещаниях разрабатывали круг тем и лиц, «коих необходимо порицать или хвалить» при каждом удобном случае. Уже в первый год к работе тайной организации были привлечены более 200 человек. Руководителями ее состояли в основном те же самые лица, которые возглавляли Союз спасения. Руководство осуществлялось через Главные управы в Петербурге, Москве и Тульчине.

Стараясь понять «идеалы» заговорщиков, прежде всего нужно отметить их резко неправославный характер. Масонские конспираторы мечтают об уничтожении Православной Церкви и возникновении на ее месте нового культа Верховного существа по образцу масонского Архитектора Вселенной. В литературной утопии декабриста Улыбашева рассказывается, какой будет жизнь в России после осуществления планов заговорщиков. В Петербурге на месте Александро-Невской лавры автор видел триумфальную арку, «как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма». В прекрасном храме, величии которого «превосходит огромные памятники Римского величия», шло богослужение особого рода: тут перед мраморным алтарем, на котором горел неугасимый огонь, возносили хвалу Верховному существу. Православное христианство исчезло — несколько ветхих старушек еще исповедуют старую религию, но большинство живет уже по-новому. Эти мечты масонов-декабристов суждено было осуществить только большевикам.

Масонские конспираторы Союза благоденствия проводили тайные акции по манипулированию общественным мнением, в частности, распускали слухи (чаще всего клеветнические) о своих политических противниках, служивших на благо России.

В январе 1820 года заговорщики собрались на совещание, которое, по своей сути, являлось собранием масонской ложи, ибо все участники были «вольными каменщиками». В результате большинством принято решение бороться за республиканскую форму правления. На этом собрании уясняются и способы действия заговорщиков, которые открыто (хотя пока не все) говорят о цареубийстве и подготовке военного бунта.

Новое совещание заговорщиков состоялось через год (через два месяца после бунта в Семеновском полку). Масонские конспираторы явно нервничают и решают фиктивно ликвидировать Союз спасения, и под видом его самороспуска отсеять ненадежных членов и создать новое тайное общество, хотя из-за амбициозных разборок главарей заговора фактически возникли два общества — Южное и Северное.

Главой заговорщиков из Южного общества стал Пестель, стоявший за цареубийство, «революционный способ действия» и «решительный удар посредством войск». Пестель написал конституционный проект «Русская Правда», который русским был только по названию, а на самом деле противоречил самому духу русского народа — предлагалось разрушить Русскую Церковь, царскую власть, ввести в России космополитическое республиканское правление.

«Русская Правда» была как бы наказом диктатору Русской земли, который должен прийти к власти после казни всех без исключения членов Царского дома. По мнению Пестеля, «Русская Правда» позволит обеспечить нужный ход событий в самое опасное для революции время — с момента революционного военного выступления до момента установления республики и введения в действие новых революционных учреждений. По сути дела, это означало **введение режима управления, подобного большевистскому**. Предполагалось после убийства Царя принудить Синод и Сенат объявить Временное правление, составленное из членов общества, «облечь оное неограниченною властью, все же места по министерствам и армии раздать членам общества».

Впрочем, приоритет в создании первой космополитическо-республиканской конституции и кровавого диктаторского режима принадлежит не масону Пестелю, а масону М.Н. Новикову, члену ложи «Любовь к Истине», целиком входившей в заговорщическую организацию «Союз благоденствия». Кстати говоря, именно он привлек к деятельности тайных заговорщических обществ П.И. Пестеля.

Не менее антирусский характер носила и конституция, созданная другим руководителем заговорщиков, Н. Муравьевым. Как и у Пестеля, она предусматривала: уничтожение русского государственного устройства, устранение законной династии и в перспективе создание космополитической республики. Позднее, на следствии, Н. Муравьев показал: «Если бы императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предлагал изгнание оной и предложение республиканского правления». Конституция Муравьева предусматривала почти полное обезземеливание русских крестьян при ликвидации крепостного права. И наконец, по этой конституции Россия расчленялась, разбивалась на 15 «держав», каждая из которых имела свою столицу, а общим «федеративным» центром становился Нижний Новгород. Предполагались следующие «державы»: Ботническая (столица Гельсингфорс), Волховская (Петербург), Балтийская (Рига), Западная (Вильно), Днепровская (Смоленск), Черноморская (Киев), Украинская (Харьков), Заволжская (Ярославль), Камская (Казань), Низовская (Саратов), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск), Московская (Москва), Донская (Черкасск). Многие планы такого государственного устройства были использованы большевиками и их наследниками.

Декабристы были связаны со всеми антирусскими силами, и прежде всего с польскими националистическими движениями, открыто призывавшими к военной борьбе с Россией. В 1817—1825 годах в западных губерниях существовал целый ряд тайных польских масонских организаций, в частности, общество филоматов. В 1819 году возникло общество «Национальное масонство», сменившее в 1821 году вывеску на «Патриотическое общество». Именно эти заговорщические организации и состояли в тесном контакте с декабристами.

Международные связи путчиков, конечно, прежде всего имели выход на западноевропейские масонские центры в Германии, Италии, Франции, Швеции и др. Масонские эмиссары из Западной Европы приезжали в Россию, в свою очередь российские «вольные каменщики» постоянно ездили за советами и инструкциями за рубеж.

В 1810—1820-х годах по всей Западной Европе проходит волна беспорядков и бунтов, в развитии которых наблюдались общие закономерности и которые, по мнению многих исследователей, регулировались из одного центра, управляемого масонами «Большой европейской карбонады». Социальные беспорядки и революции в Испании, Португалии, Италии (Неаполь, Пьемонт), масонские заговоры в Германии и Франции дестабилизировали общественную жизнь Европы. Для российских масонских заговорщиков деятельность карбонариев служила образцом для подражания. Отмечен ряд случаев участия европейских карбонариев в заседаниях российских тайных обществ.

Масонские заговорщики ждали своего момента для выступления против русской власти. И такой момент наступает в ноябре 1825 года, когда в Таганроге умер император Александр I. Власть формально переходила в руки его старшего брата Константина, однако по правилам престолонаследия он не мог передать престол своим потомкам, так как был женат морганатическим браком. Поэтому Константин отрекся от престола в пользу своего брата Николая.

Однако пока не был известен акт отречения, императором считался Константин, которому еще 27 ноября присягнуло население России. Для возведения на престол Николая требовалась новая присяга, назначенная на 14 декабря. И тогда заговорщиками был выработан конкретный план захвата власти. Прекрасно зная, что присяга Николаю носит законный характер, они, чтобы смутить умы русских людей, распускают ложные слухи о том, что Николай хочет свергнуть с престола

Константина, и призывают исполнить обязанность всех верноподданных защитить своего законного монарха Константина. Пытаясь поднять народ и армию на восстание, заговорщики пошли на самый низкий и подлый обман. 14 декабря, в день «переприсяги», они назначили выступление войск, где были командирами. Выступление они назначили на Сенатской площади, рядом со зданием Сената, в котором в этот день сенаторы должны были присягать новому императору. Силой оружия заговорщики хотели заставить сенаторов объявить правительство низложенным и издать революционный Манифест к народу, в котором объявлялись «уничтожение прежнего правления» и учреждение Временного революционного правительства.

С утра 14 декабря масонские заговорщики идут в солдатские казармы и призывают солдат отречься от присяги Николаю и постоять за законного царя Константина и его жену — «Конституцию». Обманщики эксплуатируют светлые чувства верности простых людей Царю. Таким образом, солдаты, согласившиеся пойти с декабристами, поддержали не их антирусские идеи, а законную русскую власть, защищать которую они собирались вооруженным путем, обманутые заговорщиками.

Поверившие авантюристам солдаты (вначале только московский полк) построились на Сенатской площади. Первая кровь пролилась в одиннадцать часов утра. Заговорщики, боясь разоблачения своего обмана, убили героя 1812 года генерала Милорадовича, который попытался объяснить солдатам правду. Агитаторы декабристов стремятся привлечь простой народ, используя разные обманные обещания, то тут, то там раздаются крики: «За Константина и Конституцию!» (Солдаты и простые люди, подхватившие эти лозунги, считали, что Конституция — это жена императора Константина.)

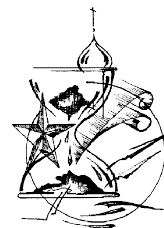
При помощи своих агитаторов, распускавших лживые слухи, заговорщики создают общественное мнение, которое было явно не на стороне законной русской власти. Толпы сочувствовавших и поддерживавших «царя Константина» росли. Для Российского государства наступил трагический момент, и тогда Николай I нашел в себе силы организовать наступление на заговорщиков: по бунтовщикам ударила картечь, и через некоторое время площадь была очищена. В результате заговора декабристов погиб 1271 человек, кровь их целиком на совести пятой колонны масонских конспираторов-декабристов.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

170 лет назад окончилась Крымская война, война России с коалицией крупнейших держав того времени — Британской империи, Французской империи, Османской империи (Турции), а также Королевства Сардинии, которых на западе поддерживали «дружественно нейтральные» Австрийская империя, Королевство Пруссия, Шведско-Норвежская уния, а на юге Абхазское княжество, Северо-Кавказский имамат (Шамиль), находившиеся под «патронатом» Турции, и Хивинское ханство, находившееся под влиянием Британии.

Хотя русские солдаты, матросы и офицеры проявили высочайший боевой дух, отличную боевую выучку и покрыли себя неувядаемой славой, хотя боевые потери Русской Армии были меньше, чем у союзников (135 тыс. против 163 тыс. чел.), хотя Россия не потеряла ни дюйма своей территории, война оказалась проигранной.

Фактически это была вторая, после наполеоновского нашествия, война объединенной Европы против России. Иногда ее называют «Нулевой» мировой войной (в отличие от Первой мировой 1914—1918 гг.),

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

но это далеко не так — Россия воевала в одиночестве, ни одного военного союзника у нее не было.

Закоперщиком войны и организатором антирусской коалиции была Англия, наш извечно заклятый «партнер». Министр иностранных дел, а с 1855 г. премьер-министр Великобритании Пальмерстон среди целей войны назвал отторжение от России и возвращение Швеции Аландских островов и Финляндии, отторжение Прибалтики и передача ее Германии, восстановление Польши как самостоятельного государства, отторжение Крыма, Черкесии и Грузии и передача их Турции, отторжение Бессарабии и передача ее Австрии.

У каждой из стран коалиции и дружественных им «нейтралов», кроме общей ненависти к России были и свои интересы. Англия страшилась мощи России, её злило продвижение России в Закавказье и Среднюю Азию, в отношении которых она имела свои колониальные планы. Луи Бонапарт (Наполеон III, племянник Наполеона I), недавно совершивший государственный переворот и провозгласивший себя императором Франции, был уязвлен тем, что русский царь в письмах называл его «мой друг», а не «мой брат» (как было принято между законными императорами и королями), хотел взять реванш за поражение своего дяди и предстать перед французским народом в тоге победителя. С Турцией всё ясно и без пояснений — за предыдущие 80 лет она четыре раза терпела сокрушительные поражения от России и потеряла огромную часть побережья Черного моря. Сардиния же пошла воевать с Россией потому, что Луи Бонапарт пообещал ей помочь в объединении Италии, при этом Англия пообещала оплатить военные расходы. Австрия стремилась установить господство на православных Балканах, чему препятствовала Россия. Пруссия просто хотела ослабить сильного соседа, а при удачном стечении обстоятельств — прихватить Прибалтику.

4 (16) октября 1853 года при подстрекательстве Англии Турция объявила России войну, поводом к которой стал отказ Императора Николая I принять турецкую ноту о выводе войск из православных дунайских княжеств Молдавии и Валахии (Румынии), имевших автономии в составе Османской империи, но находившихся под протекторатом России.

Война продолжалась 2,5 года, и 18 (30) марта 1856 года в Париже был подписан мирный трактат, по которому Россия лишалась права держать военный флот и береговые

укрепления на Черном море и покровительствовать православным народам Османской империи, обязывалась вывести войска из устья Дуная. Если сравнить с планами Пальмерстона, это был успех, достигнутый отчаянным сопротивлением русского народа.

Условия трактата разработала и выдвинула России в форме ультиматума Австрия (это была «благодарность» за спасение австрийского трона Николаем I в 1849 г.), а Пруссия предупредила нового царя Александра II о том, что, если тот не согласится на условия ультиматума, то она присоединится к коалиции и вступит в войну. Это стало последней каплей на чаше весов в пользу принятия ультиматума. Воевать со всей Европой у России сил не было.

Из причин поражения большинство историков выделяет три главные. Первая — промышленная и транспортная отсталость Российской Империи. Министр финансов в 1823—1844 гг., не в меру бережливый Е.Ф. Канкрин, решительно препятствовал развитию крупной тяжелой промышленности и строительству сети железных дорог, считая, что расходы на них никогда не окупятся (железная дорога Петербург—Москва была построена по личному указанию царя, вопреки позиции Канкрина). После его ухода пост министра занял случайный человек, ничего не менявший в линии предшественника. В результате армия была лишена маневренности, своевременного подвоза боеприпасов и продовольствия и не имела в достаточном количестве современного оружия.

Второй причиной была деятельность министра иностранных дел К.В. Нессельроде, немецкого еврея, занимавшего этот пост более 40 лет и облащенного Александром I и Николаем I. Некоторые историки считают его агентом влияния Австрии, и основания для этого есть. Втершись к монарху в полное доверие и демонстрируя ему собачью преданность, он вредил государству везде, где только можно. Он препятствовал продвижению России к Тихому океану и считал, что Дальний Восток (Приамурье и Приморье) нужно отдать Китаю. Он активно способствовал сворачиванию деятельности прибыльной Российско-американской компании. Он заключил договор, позволивший американским рыболовным судам вести добычу в русских территориальных водах. После нападения персов в 1826 г. он пытался внушить царю мысль о сдаче Кавказа.

С конца 1830-х гг. он активно проводил проавстрийскую и проанглийскую политику, а в 1841 г. подписал Лондонскую

конвенцию о Проливах (Босфоре и Дарданеллах), через которые в мирное время запрещался проход военных судов. Конвенция заперла наш флот в Черном море, обеспечила господство британского флота в Средиземном море и его концентрацию в восточной части для быстрого прохода в Черное море. По его совету в 1849 г. царь принял решение о подавлении Венгерского восстания, чем спас Австрийскую империю от краха, хотя в геополитическом отношении развал сильной пограничной державы был бы как раз в интересах России. Он заверил императора, что Пруссия в войну с Турцией вмешиваться не будет, а Австрия поддержит Россию. В итоге, проводимая им внешняя политика привела к полной политической изоляции России в Крымской войне.

Великий поэт Ф.И. Тютчев, долго прослуживший на дипломатическом поприще и 20 лет проживший в Пруссии, много раз пытался предостеречь правительство от втягивания в решение европейских вопросов, отмечая, что «антирусские силы внутри министерства иностранных дел постоянно подталкивали к этому». В апреле 1854 года, когда войну России уже объявили Англия и Франция, он писал: *«Давно уже можно было предугадать, что эта бешенная ненависть — словно ненависть пса к привязи, — ненависть, которая тридцать лет с каждым годом все сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал».*

Третья причина — император Николай I не был политиком. Он не умел интриговать и свои отношения с западными державами строил на честном слове, которое всегда безукоризненно держал и наивно считал, что так же будут поступать и другие. Поэтому заговор Англии, Франции и предательство Австрии для него оказались полной неожиданностью. Он по-рыцарски был верен «Священному союзу», не видя, что «союзники» (Австрия и Пруссия) плетут интриги против России. Стоит упомянуть и о том, что правящий слой и сам царь, находясь в состоянии эйфории от побед над Наполеоном, Персией (1828 г.), Турцией (1829 г.), от быстрого подавления польского мятежа (1831 г.) и венгерского восстания (1849 г.), были уверены в недостижимой силе и непобедимости Русской Армии и не считали нужным ее реформировать.

Война была названа Крымской потому, что главный театр военных действий находился в Крыму. Именно там, при 349-дневной обороне Севастополя (противники планировали взять его за неделю), прославились адмиралы В.А. Корнилов,

П.С. Нахимов и В.И. Истомин, фортификатор Э.И. Тотлебен, хирург Н.И. Пирогов, матрос П.М. Кошка, сестра милосердия Даша Севастопольская, которые оставили яркий след в народной памяти. О героизме защитников Севастополя созданы десятки художественных произведений — рассказов, романов, картин, кинофильмов.

Однако Крым был не единственным военным театром. Враги обложили Россию со всех сторон — с юга (Кавказ), с запада (Балтийское море), с севера (Белое море), с востока (Тихий океан). Об этих театрах пишут мало и пишут вскользь. Расскажем о них чуть подробнее.

Кавказский театр. В ноябре 1853 г. 18-тысячный турецкий отряд повел наступление на крепость Ахалцых (на юге Грузии), но был разбит 7-тысячным отрядом грузинского князя генерала И.М. Андроникова. Турки потеряли 3,5 тыс. чел. и 11 орудий, наши — 362 человека. Через неделю турки выдвинули 36-тысячную армию к своему оборонительному рубежу у Башкадыклара, но и она была разгромлена 10-тысячным отрядом армянского князя генерала В.О. Бебутова. Турки потеряли весь свой лагерь, обоз, 24 орудия и 6 тысяч убитыми и ранеными. Потери русских — 317 убитых, 926 раненых. Победа отрезвила сторонников Турции на Северном Кавказе и абхазского владетеля князя Шервашидзе, а сами турки «зализывали раны» вплоть до лета следующего года.

1854 год прошел под знаком побед русского оружия. В июне у реки Чолоки 34-тысячные войска турок были разбиты 10-тысячным отрядом Андроникова. Потери турок — 4 тысячи убитых, 13 орудий, 36 знамен, наши потери — 300 убитых. В этом бою (одновременно и в Севастополе) впервые были успешно применены боевые ракеты К.И. Константинова. 24 июля (5 августа) 1854 года при селении Кюрюк-Дара, на подступах к Карсу, произошла кровопролитная битва, где 18-тысячным отрядом под командованием Бебутова было нанесено решительное поражение 60 тысячам турок. У обращённого в бегство неприятеля было взято 15 орудий, много боеприпасов, 26 знамен, 4 штандарта и более 2000 пленных. Противник потерял убитыми 8 тыс. чел., наши войска — 599 человек.

Главным сражением 1855 г. стала осада крепости Карс, главного города в Западной Армении (на востоке Турции). Осада была начата в июне по приказу Александра II с целью отвлечь силы противника и ослабить его давление на осажденный Севастополь. Граф Н.Н. Муравьев, брат

знаменитого декабриста А.Н. Муравьева, основателя «Союза спасения», и выдающегося государственного деятеля М.Н. Муравьева-Вилenskого (о нем см.: «МГ», 2022, №1-2, с. 210), назначенный в конце 1854 г. Кавказским наместником, собрал отдельные отряды в 25-тысячный корпус. Учитывая явное превосходство защищенных крепостью турок в численности и вооружении (командовал ими английский полковник), он организовал блокаду крепости, но когда стало известно о падении Севастополя, 17 (29) сентября решился на штурм.

Штурм был отбит с большими для русских войск потерями. Муравьев не отступил, но нового штурма предпринимать не стал, а лишь усилил блокаду и наносил «точечные» удары, деморализуя противника. Из-за нехватки продовольствия и эпидемии дизентерии положение осажденных ухудшалось с каждым днем, и 16 (28) ноября они сдали крепость. В плен попали 14,5 тыс. чел., в том числе оба главнокомандующих — турецкий и английский, было захвачено всё оружие и артиллерия, большие запасы пороха и снарядов, около 60 знамен. Потери турок в живой силе составили 8500 убитыми, русские потери — 2377 убитыми, в их числе 2 генерала и 79 офицеров. Эта победа (за нее граф Муравьев был удостоен почетной приставки «Карский») сыграла важнейшую роль при заключении Парижского трактата — взятый Карс был обменян на сданный Севастополь.

Балтийский театр. В апреле 1854 года в Финский залив вошла англо-французская эскадра: 11 винтовых и 15 парусных линейных кораблей, 32 паровых и 7 парусных фрегатов — всего 65 вымпелов. Но к Кронштадту и Свеаборгу, где базировались корабли русского флота, подойти побоялась — на подступах к ним русские моряки впервые в мире установили заграждения из мин, разработанных нашим выдающимся ученым Б.С. Якоби. Агрессорам пришлось довольствоваться обстрелом населенных пунктов финского побережья да взятием Аландских островов.

На следующий год, в мае 1855 г., вражеская эскадра из 67 кораблей вновь приблизилась к Кронштадту, попыталась его атаковать, но после подрыва на минах четырех своих кораблей, новых атак не предпринимала и, как и годом ранее, крейсировала в Финском заливе и разрушала бомбардировкой прибрежные укрепления и населенные пункты. Главной цели — уничтожить русский флот — англо-французы не достигли.

Беломорский театр. Британские пароходо-фрегаты вошли в Белое море в конце июня 1854 г. Их попытка пройти к надежно защищенному Архангельску оказалась безуспешной — получив повреждения кораблей и потеряв часть экипажа, англичане занялись, как и положено цивилизованным европейцам, захватом и ограблением торговых и рыболовных судов, нападением на прибрежные селения, в том числе, на монастыри, их грабежом и сожжением (воровали даже деньги из церковных кружек). Русские поморы, вооруженные только охотничьими ружьями, умело, со всем искусством военной тактики, организовывали сопротивление, наносили серьезный урон живой силе противника (десантникам), почти не имея собственных потерь.

Настоящее же сражение началось за Соловецкий монастырь, весь «гарнизон» которого состоял из 53-х пожилых военных инвалидов, охранявших заключенных в монастырской тюрьме. В «арсенале» монастыря с давних пор хранились старинные ружья, алебарды, секиры и двадцать 3-хфунтовых пушек (калибр порядка 40 мм), из коих годных оказалось только три, да и те после первых выстрелов вышли из строя. К счастью, до нападения англичан монахи подвезли из Архангельска на своих судах восемь 6-фунтовых пушек с боеприпасами.

С обязанностями коменданта и начальника гарнизона блестяще справился архимандрит Александр (в миру Андроник Иванович Павлович. 1799—1874), имевший опыт полкового священника (через 3 года стал епископом Архангельским и Холмогорским). Проведя всеобщий молебен, он мобилизовал всё население островов (включая и узников) и правильно расставил силы. Когда английская эскадра подошла к монастырю, на ее кораблях подняли сигнальные флаги, означавшие предложение о переговорах, но не обученные морской сигнализации монахи ответили выстрелами из пушек. В ответ противник начал бомбардировку, однако получил ответный удар, после которого отвел один из своих кораблей в ремонт.

На следующий день, вновь подойдя к монастырю, англичане передали ультиматум командующего эскадрой Э. Омманея с требованием сдачи в плен коменданта и всех солдат с пушками, боеприпасами, запасами продовольствия и всего имущества. В ответ на ультиматум было написано, что так как коменданта и солдат в монастыре нет, а есть только монахи и инвалиды, то и сдаваться некому.

Разъяренный Омманей начал 9-часовую бомбардировку монастыря, выпустив по нему около 1800 снарядов. От нее не пострадал ни один человек, а были повреждены лишь некоторые строения, которые, по словам архимандрита, можно исправить за несколько часов. В донесении в Синод он писал: *«Все бесчеловечные усилия неприятеля, клонившиеся к тому, чтоб совершенно нанести разрушение ей (обители. — В.Г.) своими страшными снарядами, остались посрамлёнными и постыжёнными»*.

Поняв, что дальнейшая бомбардировка бесполезна, а высадка десанта чревата потерей самого десанта, англичане переключились на маленький городок Кола с населением 745 человек и с «гарнизонам» из 70-ти плохо вооруженных солдат-инвалидов. Но и здесь они успеха не имели, если не считать сожжения города вместе с шедевром русского деревянного зодчества — Воскресенским собором. Попытка высадить десант закончилась гибелью десятков десантников. Среди русских потерь не было.

В следующую навигацию англичане пришли уже вместе с французами, но и на этот раз своих целей не достигли — ни Архангельска, ни Соловецкого монастыря захватить не смогли. Подойдя к Соловкам, они пригласили архимандрита встретиться для переговоров, на которых с угрозой потребовали продать им коров. Архимандрит ответил, что буренок не отдаст, а если супостаты высадят десант, то всех коров перестреляет и сбросит их в море. Позднее, в память об этом событии, архимандрит велел высечь надпись на камне, возле которого проходили переговоры.

В конце лета 1855 года «европейцы» убралась из Белого моря восвояси. Сказать, однако, что они «ушли, не солоно хлебавши», нельзя — наразрушали, насжигали и наворовали они предостаточно.

Тихоокеанский театр. Утром 18 (30) августа 1854 года англо-французская эскадра в составе 6 кораблей, вооруженных 220-ю орудиями и имевших 2700 человек личного состава (со специально подготовленными морскими десантниками), вошла в Авачинскую бухту Камчатки.

Командующий объединенной эскадрой английский адмирал Д. Прайс планировал вначале уничтожить артиллерийским огнем две русские батареи — №1 и №4, расположенные непосредственно при входе в Петропавловскую губу, затем кораблям войти в губу, затем уничтожить батарею №2 (всего их было семь, они охватывали Петропавловскую губу

подковой) и два имевшихся там русских корабля — фрегат «Аврора» и транспорт «Двина». После этого в порту должен был высадиться десант и захватить Петропавловск. У защитников было 988 человек личного состава и 70 орудий, включая орудия фрегата и транспортного судна.

20 августа начался штурм, но пошел он совсем не по плану. «Изменил» план военный губернатор Камчатки, генерал-майор флота, будущий адмирал Василий Степанович Завойко (1812—1898), который не только блестяще организовал оборону, но и стал ее «душой». Получив сведения о начавшейся войне, он загодя предпринял энергичные меры по строительству оборонительных укреплений (их возводили круглосуточно в течение двух месяцев) и по доставке на них орудий, распределил между матросами флотского экипажа, казаками и местными жителями и отработал все боевые обязанности.

Вначале противник непрерывным артогнем действительно заставил замолчать две русские батареи, потом высадил десант в количестве 600 человек, который, однако, не выдержал контратаки русского отряда из 130 человек, побежал (здесь противник, особенно французы, показал образцы хорошего спринта), спешно погрузился в шлюпки и отправился на свои корабли. В этот же день погиб командующий эскадрой Прайс. По одной версии, он неосторожно обращался с оружием, по другой — застрелился, поняв, что легкой победы не получится.

Три дня союзники хоронили убитых, устраняли повреждения кораблей, полученные от русских батарей, а 24 августа предприняли новый штурм, теперь уже по другому плану. Удар был нанесен, как и в первый раз, по батареям №1 и №4 (их орудия после первого штурма наши оружейники сумели восстановить), но это был отвлекающий удар. Главный пришелся по двум другим батареям — №3, расположенной на узком перешейке между Сигнальной и Никольской сопками, и №7, расположенной к северу от Никольской сопки. Эти батареи всего 10-ю орудиями отбивались от 85-ти вражеских.

Силы были слишком неравными. После трехчасового боя, когда пушки вышли из строя, а половина героических защитников погибла, оставшиеся артиллеристы отошли. Особенно большие потери понесла не имевшая защитного бруствера батарея №3, которой командовал 24-летний лейтенант князь Александр Максудов и которую позднее называли «Смертельной». Мичман Н. Фесун писал:

«...остается одна пушка, слабый остаток всей батареи; ее наводит сам князь, стреляет, и большой катер с неприятельским десантом идет ко дну; крики отчаяния несутся с судов. Французский фрегат, мстя за своих, палит целым бортом; ураган ядер и бомб носится над батареей, она вся в дыму и обломках, но ее геройский защитник не теряет присутствия духа. Сам заряжает орудие, сам наводит его, но здесь судьба положила конец его подвигам...» На месте 3-й батареи в советское время в знак памяти были установлены чугунные копии пушек того времени.

Воодушевленные успехом англо-французы высадили десант у батареи №3 численностью 250 человек, у батареи №7 — численностью 700 человек с целью захватить город со стороны Никольской сопки. Но и этот номер не прошел. Русский отряд численностью 350 человек, собранный Завойко из солдат, матросов и горожан, пошел по склону вверх на сопку в штыковую контратаку, которой агрессоры не выдержали. По воспоминаниям Фесуна, бегство было «самое беспорядочное и гонимое каким-то особым паническим страхом». Часть завоевателей бежала к 40-метровому обрыву, где тоже спасения не было. В этом бою западные союзники потеряли 400 убитыми, 150 ранеными, 4 пленными, 1 знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей. Русские потери — 34 человека. 26 августа агрессоры покинули Авачинскую губу. Их попытка захвата Петропавловска закончилась полным провалом.

Несмотря на победу, было очевидно, что снабжать и защищать удаленную крепость при малочисленности дальневосточного флота очень трудно, и в Петербурге разумно решили эвакуировать порт и гарнизон. Разобрав постройки и укрепления, погрузив на корабли гарнизон, служащих, орудия, боеприпасы, провизию, домашний скarb, дрова и даже доски, отряд Завойко в начале мая 1855 г., пробивая топорами проход в еще не растаявшем льду Авачинской губы, двинулся в путь. Коренному населению было велено переселиться на север, а казакам — в поселок у устья реки Аныча.

Вскоре в бухту вошла англо-французская эскадра из 14-ти кораблей, полная решимости взять реванш за прошлогоднее поражение. Увидев, что Петропавловска больше нет, англо-французы разграбили и сожгли оставшееся и бросились в погоню. У бухты Де-Кастри в Охотском море три разведывательных корабля противника догнали русский

отряд и после продолжительной перестрелки заперли его в бухте, дожидаясь подкрепления. Однако Завойко нашел решение.

Узнав, что море почти свободно ото льда, он, пользуясь туманом, ночью незаметно вывел свои корабли из бухты и, следуя Татарским проливом, незадолго до этого открытым Г.И. Невельским (захватчики не знали, что Сахалин — это остров), привел их в устье Амура. Там под руководством Завойко за два с половиной месяца силами эвакуированных петропавловцев и местных казаков был построен новый город-порт — Николаевск-на-Амуре. А англо-французы стояли у бухты Де-Кастри и всё ждали, когда у русских начнется голод, и они попросят пощады.

Война закончилась. Всему миру она продемонстрировала мужество, героизм и воинское искусство русских солдат, матросов, офицеров, генералов и адмиралов (исключая только главнокомандующего сухопутными и морскими войсками в Крыму светлейшего князя А.С. Меншикова — главного виновника беспрепятственной высадки десанта противника, поражений у Альмы, под Инкерманом, у Евпатории, а в итоге — сдачи Севастополя и неудачного исхода войны). Но она также преподала несколько уроков, из которых правительство Александра II сделало правильные выводы.

Во-первых, было отменено крепостное право, поскольку, с одной стороны, казна была истощена войной, а непроизводительный рабский труд давал ей мало дохода, с другой — с начала 1850-х годов резко усилились крестьянские волнения и возник риск освобождения крестьян самими крестьянами, с третьей — для промышленного развития страны нужны были не только капиталы, но и рабочие руки.

Во-вторых, началась военная реформа. Старая рекрутская система с 25-ю годами обязательной службы вынуждала государство иметь большую армию в мирное время, поскольку не давала возможность накапливать резервы на случай войны, то есть гибко увеличивать или уменьшать численность армии. Неповоротливой была система снабжения армии, военные уставы в тактическом отношении соответствовали вчерашнему дню, в обучении солдат непомерно много времени уделялось парадно-строевым занятиям в ущерб боевому обучению, малоэффективной была деятельность высшей военной администрации с огромным штатом «паркетных» генералов. В результате реформы, завершённой в 1874 г., рекрутская повинность была заменена

всеобщей со сроком службы 15 лет (6 лет в строю 9 лет в резерве), изменена система управления (таковой она осталась и в Красной (Советской) Армии). Реформа имела ряд недостатков, но в целом она существенно повысила управляемость и боеспособность армии.

В-третьих, началось перевооружения армии. К середине 1870-х гг. вся она получила современное казнозарядное нарезное оружие, к 1871 году вся артиллерия была оснащена нарезными пушками, тоже заряжаемыми с казенной части. Еще в 1850-е гг. началась замена деревянных парусных кораблей на металлические паровые, в 1869 г. был спущен на воду первый в России и лучший в мире броненосец «Петр Первый».

В-четвертых, развернулось строительство железных дорог. Через двадцать лет их сеть достигла 19 тыс. верст.

Лишь два урока не пошли впрок. В высших политических кругах так и не пришло осознание того, что Запад, в какие бы одежды он ни рядился и какие бы противоречия ни были внутри него, — это военно-политический враг России. Не пришло осознание и того, что внешняя политика должна проводиться исходя из сугубо национальных интересов России, а не строиться на «братских чувствах», «чувстве сострадания» или «чувстве долга». Результаты этих ошибок (каждой по отдельности или обеих вместе) нам пришлось пожинать в Русско-турецкой войне 1877—1878 г., в Русско-японской войне 1904—1905 гг. и в Первой мировой войне, закончившейся для России катастрофой в 1917 году. И пожинаем до сих пор.

Николай ЛЕСКОВ

К 195-летию со дня рождения

В обширных пространствах российской истории случалось не раз, когда терялась точка счисления, и накатанный, надёжный тракт, переметённый разгулявшейся снежной стихией, терялся в беспроглядной тьме, но вдруг зарождался, начинал мерцать определяющий направление знак.

Странные лесковские повествования, пробиваясь из глубин летописных преданий, многое могут сказать нам в годы безвременья. Из заурядного, бытового событийного материала, писатель воссоздаёт самобытный национальный характер с его главными чертами — честностью, справедливостью и теплом к ближнему.

ШТОПАЛЬЩИК

РАССКАЗ

Глава первая

Преглупое это пожелание сулить каждому в новом году новое счастье, а ведь иногда что-то подобное приходит. Позвольте мне рассказать вам на эту тему небольшое событие, имеющее совсем святочный характер.

В одну из очень давних моих побывок в Москве я задержался там дольше, чем думал, и мне надоело жить в гостинице. Псаломщик одной из придворных церквей услышал, как я жаловался на претерпеваемые неудобства приятелю моему, той церкви священнику, и говорит:

— Вот бы им, батюшка, к куму моему, — у него нынче комната свободная на улицу.

— К какому куму? — спрашивает священник.

— К Василью Конычу.

— Ах, это «метр тальер Лепутан»!

— Так точно-с.

— Что же — это действительно очень хорошо. И священник мне пояснил, что

ЛАРЕЦ

он и людей этих знает, и комната отличная, и псаломщик добавил еще про одну выгоду:

— Если, — говорит, — что прорвется или низки в брюках обобьются — всё опять у вас будет исправно, так что глазом не заметить.

Я всякие дальнейшие осведомления почел излишними и даже комнаты не пошел смотреть, а дал псаломщику ключ от моего номера с доверительною надписью на карточке и поручил ему рассчитаться в гостинице, взять оттуда мои вещи и перевезти всё к его куму. Потом я просил его зайти за мною сюда и проводить меня на мое новое жилище.

Глава вторая

Псаломщик очень скоро обделал мое поручение и с небольшим через час зашел за мною к священнику.

— Пойдемте, — говорит, — всё уже ваше там разложили и расставили, и окошечки вам открыли, и дверку в сад на балкончик отворили, и даже сами с кумом там же, на балкончике, чайку выпили. Хорошо там, — рассказывает, — цветки вокруг, в крыжовнике птички гнездятся, и в клетке под окном соловей свищет. Лучше как на даче, потому — зелено, а меж тем всё домашнее в порядке, и если какая пуговица ослабела или низки обились, — сейчас исправят.

Псаломщик был парень аккуратный и большой франт, а потому он очень напирал на эту сторону выгоды моей новой квартиры. Да и священник его поддерживал.

— Да, — говорит, — *tailleur Leroutant* (портной Лепутан (франц.) такой артист по этой части, что другого ни в Москве, ни в Петербурге не найдете.

— Специалист, — серьезно подсказал, подавая мне пальто, псаломщик.

Кто это *Leroutant* — я не разобрал, да притом это до меня и не касалось.

Глава третья

Мы пошли пешком.

Псаломщик уверял, что извозчика брать не стоит, потому что это будто бы «два шага проминажи».

На самом деле это, однако, оказалось около получасу ходьбы, но псаломщику хотелось сделать «проминажу», может быть, не без умысла, чтобы показать бывшую у него в руках тросточку с лиловой шелковой кистью.

Местность, где находился дом Лепутана, была за Москвой-рекою к Яузе, где-то на бережку. Теперь я уже не припомню, в каком это приходе и как переулок называется. Впрочем, это, собственно, не был и переулок, а скорее какой-то непроезжий закоулочек, вроде старинного погоста. Стояла церковка, а вокруг нее угольничком объезд, и вот в этом-то объезде шесть или семь домиков, все очень небольшие, серенькие, деревянные, один на каменном полуэтаже. Этот был всех показнее и всех больше, и на нем во весь фронтон была прибита большая железная вывеска, на которой по черному полю золотыми буквами крупно и четко выведено: «Maitr tailler Lepoutant».

Очевидно, здесь и было мое жилье, но мне странно показалось: зачем же мой хозяин по имени Василий Коныч называется «Maitr tailler Lepoutant»? Когда его называл таким образом священник, я думал, что это не более как шутка, и не придавал этому никакого значения, но теперь, видя вывеску, я должен был переменить свое заключение. Очевидно, что дело шло всерьез, и потому я спросил моего провожатого:

— Василий Коныч — русский или француз?

Псаломщик даже удивился и как будто не сразу понял вопрос, а потом отвечал:

— Что вы это? Как можно француз, — чистый русский!

Он и платье делает на рынок только самое русское: поддевки и тому подобное, но больше он по всей Москве знаменит починкою: страсть сколько старого платья через его руки на рынке за новое идет.

— Но все-таки, — любопытствую я, — он, верно, от французов происходит?

Псаломщик опять удивился.

— Нет, — говорит, — зачем же от французов? Он самой правильной здешней природы, русской, и детей у меня воспринимает, а ведь мы, духовного звания, все числимся православные. Да и почему вы так воображаете, что он приближен к французской нации?

— У него на вывеске написана французская фамилия.

— Ах, это, — говорит, — совершенные пустяки — одна лаферма. Да и то на главной вывеске по-французски, а вот у самых ворот, видите, есть другая, русская вывеска, эта вернее.

Смотрю, и точно, у ворот есть другая вывеска, на которой нарисованы армяк и поддевка и два черных жилета с серебряными пуговицами, сияющими, как звёзды во мраке, а внизу подпись:

«Делают кустумы русского и духовного платья, со специальностью ворса, выверта и починки».

Под этою второю вывескою фамилия производителя «кустумов, выверта и починки» не обозначена, а стояли только два инициала «В. Л.».

Глава четвёртая

Помещение и хозяин оказались в действительности выше всех сделанных им похвал и описаний, так что я сразу почувствовал себя здесь как дома и скоро полюбил моего доброго хозяина Василия Коныча. Скоро мы с ним стали сходиться пить чай, начали благо беседовать о разнообразных предметах. Таким образом, раз, сидя за чаем на балкончике, мы завели речи на царственные темы Когелета о суете всего, что есть под солнцем, и о нашей неустанной склонности работать всякой суете. Тут и договорились до Лепутана.

Не помню, как именно это случилось, но только дошло до того, что Василий Коныч пожелал рассказать мне странную историю: как и по какой причине он явился «под французским заглавием».

Это имеет маленькое отношение к общественным нравам и к литературе, хотя писано на вывеске.

Коныч начал просто, но очень интересно.

— Моя фамилия, сударь, — сказал он, — вовсе не Лепутан, а иначе, — а под французское заглавие меня поместила сама судьба.

Глава пятая

— Я природный, коренной москвич, из беднейшего звания. Дедушка наш у Рогожской заставы стелечки для древлестепенных староверов продавал. Отличный был старичок, как святой, — весь седенький, будто подлинный зайчик, а всё до самой смерти своими трудами питался: купит, бывало, войлочек, нарежет его на кусочки по подошвке, смечет парочками на нитку и ходит «по христианам», а сам поет ласково: «Стелечки, стелечки, кому надо стелечки?» Так, бывало, по всей Москве ходит и на один грош у него всего товару, а кормится. Отец мой был портной по древнему фасону. Для самых законных староверов рабские кафташки шил с тремя оборочками и меня к своему мастерству выучил. Но у меня с детства

особенное дарование было — штопать. Крою не фасонисто, но штопать у меня первая охота. Так я к этому приспособился, что, бывало, где угодно на самом видном месте подштопаю и очень трудно заметить.

Старики отцу говорили:

— Это мальцу от Бога талант дан, а где талант, там и счастье будет.

Так и вышло; но до всякого счастья надо, знаете, покорное терпение, и мне тоже даны были два немалые испытания: во-первых, родители мои померли, оставив меня в очень молодых годах, а во-вторых, квартирка, где я жил, сгорела ночью на самое Рождество, когда я был в божьем храме у заутрени, — и там погорело всё мое заведение, — и уют, и колодка, и чужие вещи, которые были взяты для штопки. Очутился я тогда в большом злострадании, но отсюда же и начался первый шаг к моему счастью.

Глава шестая

Один давалец, у которого при моем разорении сгорела у меня крытая шуба, пришел и говорит:

— Потеря моя большая, и к самому празднику неприятно остаться без шубы, но я вижу, что взять с тебя нечего, а надо бы еще тебе помочь. Если ты путный парень, так я тебя на хороший путь выведу, с тем, однако, что ты мне со временем долг отдашь.

Я отвечаю:

— Если бы только Бог позволил, то с большим моим удовольствием — отдать долг почитаю за первую обязанность.

Он велел мне одеться и привел в гостиницу напротив главнокомандующего дома к подбуфетчику, и рассказывает ему при мне:

— Вот, — говорит, — тот самый подмастерье, который, я вам говорил, что для вашей коммерции может быть очень способный.

Коммерция их была такая, чтобы разутюживать приезжающим всякое платье, которое приедет в чемоданах, замявшись, и всякую починку делать, где какая потребуется.

Подбуфетчик дал мне на пробу одну штуку сделать, увидал, что исполняю хорошо, и приказал оставаться.

— Теперь, — говорит, — Христов праздник, и господ много наехало, и все пьют-гуляют, а впереди еще Новый год и Крещение — безобразия будет еще больше, — оставайся.

Я отвечаю:

— Согласен.

А тот, что меня привел, говорит:

— Ну, смотри, действуй, — здесь нажать можно. А только его (то есть подбуфетчика) слушай, как пастыря. Бог пристанет и пастыря приставит.

Отвели мне в заднем коридоре маленький уголочек при окошечке, и пошел я действовать. Очень много — пожалуй, и не счесть, сколько я господ перечинил, и грех жаловаться, сам хорошо починился, потому что работы было ужасно как много и плату давали хорошую. Люди простой масти там не останавливались, а приезжали одни козыри, которые любили, чтобы постоять с главнокомандующим на одном местоположении из окон в окна.

Особенно хорошо платили за штучки да за штопку при тех случаях, если повреждение вдруг неожиданно окажется в таком платье, которое сейчас надеть надо. Иной раз, бывало, даже совестно, — дырка вся в гривенник, а зачинить ее незаметно — дают золотой.

Меньше червонца дырочку подштопать никогда не плачивали. Но, разумеется, требовалось уже и искусство настоящее, чтобы, как воды капля с другою слита, и нельзя их различить, так чтобы и штука была вштукована.

Из денег мне, из каждой платы, давали третью часть, а первую брал подбуфетчик, другую — служающие, которые в номерах господам чемоданы с приезда разбирают и платье чистят. В них всё главное дело, потому они вещи и помнут, и потрут, и дырочку клонут, и потому им две доли, а остальное мне. Но только и этого было на мою долю так достаточно, что я из коридорного угла ушел, и себе на том же дворе поспокойнее комнатку занял, а через год подбуфетчикова сестра из деревни приехала, я на ней и женился. Теперешняя моя супруга, как ее видите, — она и есть, дожила до старости с почтением, и, может быть, на ее долю всё Бог и дал. А женился просто таким способом, что подбуфетчик сказал: «Она сирота, и ты должен ее осчастливить, а потом через нее тебе большое счастье будет». И она тоже говорила: «Я, — говорит, — счастливая, тебе за меня Бог даст»; и вдруг словно через это в самом деле случилась удивительная неожиданность.

Глава седьмая

Пришло опять Рождество, и опять канун на Новый год. Сажу я вечером у себя — что-то штопаю, и уже думаю

работу кончить да спать ложиться, как прибегает лакей из номеров и говорит:

— Беги скорей, в первом номере страшный Козырь остановившись, почитай, всех перебил, и кого ударит — червонцем дарит. Сейчас он тебя к себе требует.

— Что ему от меня нужно? — спрашиваю.

— На бал, — говорит, — он стал одеваться и в самую последнюю минуту во фраке на видном месте прожженную дырку осмотрел, человека, который чистил, избил и три червонца дал. Беги как можно скорее, такой сердитый, что на всех зверей сразу похож.

Я только головой покачал, потому что знал, как они проезжающих вещи нарочно портят, чтобы профит с работы иметь, но, однако, оделся и пошел смотреть Козыря, который один сразу на всех зверей похож.

Плата непременно предвиделась большая, потому что первый номер во всякой гостинице считается «козырной» и не роскошный человек там не останавливается; а в нашей гостинице цена за первый номер полагалась в сутки, по нынешнему, пятнадцать рублей, а по-тогдашнему счету на ассигнации — пятьдесят два с полтиною, и кто тут стоял, звали его Козырем.

Этот, к которому меня теперь привели, на вид был ужасно какой страшный — ростом огромный и с лица смугл и дик, и действительно на всех зверей похож.

— Ты — спрашивает он меня злобным голосом, — можешь так хорошо дырку заштопать, чтобы заметить нельзя?

Отвечаю:

— Зависит от того, в какой вещи. Если вещь ворсистая, так можно очень хорошо сделать, а если блестящий атлас или шелковая мове-материя, с теми не берусь.

— Сам, — говорит, — ты мове, а мне какой-то подлец вчера, вероятно, сзади меня сидевши, сигаркою фрак прожег. Вот осмотри его и скажи.

Я осмотрел и говорю:

— Это хорошо можно сделать.

— А сколько времени?

— Да через час, — отвечаю, — будет готово.

— Делай, — говорит, — и если хорошо сделаешь, получишь денег полушку, а если нехорошо, то головой об кадушку. Поди расспроси, как я здешних молодцов избил, и знай, что тебя я в сто раз больше изобью.

Глава восьмая

Пошел я чинить, а сам не очень и рад, потому что не всегда можно быть уверенным, как сделаешь: попрохвое сукнецо лучше слипнет, а которое жестче — трудно его подворсить так, чтобы не было заметно.

Сделал я, однако, хорошо, но сам не понес, потому что обращение его мне очень не нравилось. Работа этакая капризная, что как хорошо ни сделай, а всё кто охоч придраться — легко можно неприятность получить.

Послал я фрак с женою к ее брату и наказал, чтобы отдала, а сама скорее домой ворочалась, и как она прибежала назад, так поскорее заперлись изнутри на крюк и легли спать.

Утром я встал и повел день своим порядком: сижу за работою и жду, какое мне от козырного барина придут сказывать жалование — денег полушку или головой об кадушку.

И вдруг, так часу во втором, является лакей и говорит:

— Барин из первого номера тебя к себе требует.

Я говорю:

— Ни за что не пойду.

— Через что такое?

— А так — не пойду да и только; пусть лучше работа моя даром пропадает, но я видеть его не желаю.

А лакей стал говорить:

— Напрасно ты только страшишься: он тобою очень доволен остался и в твоём фраке на бале Новый год встречал, и никто на нем дырки не заметил. А теперь у него собрались к завтраку гости его с Новым годом поздравлять и хорошо выпили и, ставши о твоей работе разговаривать, об заклад пошли: кто дырку найдет. Да никто не нашел. Теперь они на радости, к этому случаю присыпавшись, за твое русское искусство пьют и самого тебя видеть желают. Иди скорей — через это тебя в Новый год новое счастье ждет.

И жена тоже на том настаивает — иди да иди:

— Мое сердце, — говорит, — чувствует, что с этого наше новое счастье начинается.

Я их послушался и пошел.

Глава девятая

Господ в первом номере я встретил человек десять, и все много выпивши, и как я пришел, то и мне сейчас подают погал с вином и говорят:

— Пей с нами вместе за твое русское искусство, в котором ты нашу нацию прославить можешь.

И разное такое под вином говорят, чего дело совсем и не стоит.

Я, разумеется, благодарю и кланяюсь, и два покала выпил за Россию и за их здоровье, а более, говорю, не могу сладкого вина пить через то, что я к нему не привычен, да и такой компании не заслуживаю.

А страшный барин из первого номера отвечает:

— Ты, братец, осел, и дурак, и скотина, ты сам себе цены не знаешь, сколько ты по своим дарованиям заслуживаешь. Ты мне помог под Новый год весь предлог жизни исправить, через то, что я вчера на балу любимой невесте важного рода в любви открылся и согласие получил, в этот мясоед и свадьба моя будет.

— Желаю, — говорю, — вам и будущей супруге вашей принять закон в полном счастье.

— А ты за это выпей.

Я не мог отказаться и выпил, но дальше прошу отпустить.

— Хорошо, — говорит, — только скажи мне, где ты живешь и как тебя звать по имени, отчеству и прозвищу: я хочу твоим благодетелем быть.

Я отвечаю:

— Звать меня Василий, по отцу Кононов сын, а прозвищем Лапутин, и мастерство мое тут же рядом, тут и маленькая вывеска есть, обозначено: «Лапутин».

Рассказываю это и не замечаю, что все гости при моих словах чего-то порскнули и со смеху покатались; а барин, которому я фрак чинил, ни с того ни с сего хлясь меня в ухо, а потом хлясь в другое, так что я на ногах не устоял. А он подтолкнул меня выступком к двери да за порог и выбросил.

Ничего я понять не мог, и дай бог скорее ноги.

Прихожу, а жена спрашивает:

— Говори скорее, Васенька: как мое счастье тебе послужило?

Я говорю:

— Ты меня, Машенька, во всех частях подробно не расспрашивай, но только если по этому началу в таком же роде дальше пойдет, то лучше бы для твоего счастья не жить. Избил меня, ангел мой, этот барин.

Жена встревожилась — что, как и за какую провинность? А я, разумеется, и сказать не могу, потому что сам ничего не знаю.

Но пока мы этот разговор ведем, вдруг у нас в сеничках что-то застучало, зашумело, загремело, и входит мой из первого номера благодетель.

Мы оба встали с мест и на него смотрим, а он, раскрасневшись от внутренних чувств или еще вина

подбавивши, держит в одной руке дворницкий топор на долгом топорище, а в другой поколотую в щепы дощечку, на которой была моя плохая вывесочка с обозначением моего бедного ремесла и фамилии: «Старье чинит и выворачивает Лапутин».

Глава десятая

Вошел барин с этими поколотыми досточками и прямо кинул их в печку, а мне говорит: «Одевайся, сейчас вместе со мною в коляске поедem, — я счастье жизни твоей устрою. Иначе и тебя, и жену, и всё, что у вас есть, как эти доски поколю».

Я думаю: чем с таким дебоширом спорить, лучше его скорее из дома увести, чтобы жене какой обиды не сделал.

Торопливо оделся, говорю жене: «Перекрести меня, Машенька!» И поехали. Прикатили в Бронную, где жил известный покупной, сводчик Прохор Иваныч, и барин сейчас спросил у него:

— Какие есть в продажу дома и в какой местности, на цену от двадцати пяти до тридцати тысяч или немножко более. — Разумеется, по-тогдашнему, на ассигнации. — Только мне такой дом требуется, — объясняет, — чтобы его сию минуту взять и перейти туда можно.

Сводчик вынул из комода китрадь, вздел очки, посмотрел в один лист, в другой, и говорит:

— Есть дом на все виды вам подходящий, но только прибавить немножко придется.

— Могу прибавить.

— Так надо дать до тридцати пяти тысяч.

— Я согласен.

— Тогда, — говорит, — всё дело в час кончим, и завтра въехать в него можно, потому что в этом доме дьякон на крестинах куриной костью подавился и помер, и через то там теперь никто не живет.

Вот это и есть тот самый домик, где мы с вами теперь сидим. Говорили, будто здесь покойный дьякон ночами ходит и давится, но только всё это совершенные пустяки, и никто его тут при нас ни разу не видывал. Мы с женою на другой же день сюда переехали, потому что барин нам этот дом по дарственной перевел; а на третий день он приходит с рабочими, которых больше как шесть или семь человек, и с ними лестница и вот эта самая вывеска, что я будто французский портной.

Пришли и приколотили и назад ушли, а барин мне наказал:

— Одно, — говорит, — тебе мое приказание: вывеску эту никогда не смей перемениать и на это название отзываться.

И вдруг вскрикнул:

— Лепутан!

— Чего изволите?

— Молодец, — говорит. — Вот тебе еще тысячу рублей на ложки и плошки, но смотри, Лепутан, — заповеди мои соблюди, и тогда сам соблюден будешь, а ежели что... да, спаси тебя Господи, станешь в своем прежнем имени утверждаться, и я узнаю... то во первое предисловие я всего тебя изобью, а во-вторых, по закону «дар дарителю возвращается». А если в моем желании пребудешь, то объясни, что тебе еще надо, и всё от меня получишь.

Я его благодарю и говорю, что никаких желаний не имею и не придумаю, кроме одного — если его милость будет, сказать мне: что всё это значит, и за что я дом получил?

Но этого он не сказал.

— Это, — говорит, — тебе совсем не надо, но только помни, что с этих пор ты называешься — «Лепутан», и так в моей дарственной именован. Храни это имя: тебе это будет выгодно.

Глава одиннадцатая

Остались мы в своем доме хозяйствовать, и пошло у нас всё очень благополучно, и считали мы так, что всё это жениным счастьем, потому что настоящего объяснения долгое время ни от кого получить не могли, но один раз пробежали тут мимо нас два господина и вдруг остановились и входят.

Жена спрашивает:

— Что прикажете?

Они отвечают:

— Нам нужно самого мусье Лепутана.

Я выхожу, а они переглянулись, оба враз засмеялись и заговорили со мною по-французски.

Я извиняюсь, что по-французски не понимаю.

— А давно ли, — спрашивают, — вы стали под этой вывеской?

Я им сказал, сколько лет.

— Ну так и есть. Мы вас, — говорят, — помним и видели: вы одному господину под Новый год удивительно фрак к балу заштопали и потом от него при нас неприятность в гостинице перенесли.

— Совершенно верно, — говорю, — был такой случай, но только я этому господину благодарен и через него жить

пошел, но не знаю ни его имени, ни прозвания, потому всё это от меня скрыто.

Они мне сказали его имя, а фамилия его, прибавили, — Лапутин.

— Как Лапутин?

— Да, разумеется, — говорят, — Лапутин. А вы разве не знали, через что он вам всё это благодетельство оказал? Через то, чтобы его фамилии на вывеске не было.

— Представьте, — говорю, — а мы о сю пору ничего этого понять не могли; благодеянием пользовались, а словно как в потемках.

— Но, однако, — продолжают мои гости, — ему от этого ничего не помоглось, — вчера с ним новая история вышла.

И рассказали мне такую новость, что стало мне моего прежнего однофамильца очень жалко.

Глава двенадцатая

Жена Лапутина, которой он сделал предложение в заштопанном фраке, была еще щекотистее мужа и обожала важность. Сами они оба были не бог весть какой породы, а только отцы их по откупам разбогатели, но искали знакомства с одними знатными. А в ту пору у нас в Москве был главнокомандующим граф Закревский, который сам тоже, говорят, был из поляцких шляхтецов, и его настоящие господа, как князь Сергей Михайлович Голицын, не высоко числили; но прочие обольщались быть в его доме приняты. Моего прежнего однофамильца супруга тоже этой чести жаждали. Однако, бог их знает почему, им это долго не выходило, но, наконец, нашел господин Лапутин сделать графу какую-то приятность, и тот ему сказал:

— Заезжай, братец, ко мне, я велю тебя принять, скажи мне, чтобы я не забыл: как твоя фамилия?

Тот отвечал, что его фамилия — Лапутин.

— Лапутин? — заговорил граф, — Лапутин... Постой, постой, сделай милость, Лапутин... Я что-то помню, Лапутин... Это чья-то фамилия.

— Точно так, — говорит, — ваше сиятельство, это моя фамилия.

— Да, да, братец, действительно это твоя фамилия, только я что-то помню... как будто был еще кто-то Лапутин. Может быть, это твой отец был Лапутин?

Барин отвечает, что его отец был Лапутин.

— То-то я помню, помню... Лапутин. Очень может быть, что это твой отец. У меня очень хорошая память; приезжай, Лапутин, завтра же приезжай; я тебя велю принять, Лапутин. Тот от радости себя не помнит и на другой день едет.

Глава тринадцатая

Но граф Закревский память свою хотя и хвалил, однако на этот раз оплошали и ничего не сказал, чтобы принять господина Лапутина. Тот разлетелся.

— Такой-то, — говорит, — и желаю видеть графа.

А швейцар его не пускает:

— Никого, — говорит, — не велено принимать.

Барин так-сяк его убеждать, — что «я, — говорит, — не сам, а по графскому зову приехал». — Швейцар ко всему пребывает нечувствителен.

— Мне, — говорит, — никого не велено принимать, а если вы по делу, то идите в канцелярию.

— Не по делу я, — обижается барин, — а по личному знакомству; граф, наверно, тебе сказал мою фамилию — Лапутин, а ты, верно, напутал.

— Никакой фамилии мне вчера граф не говорил.

— Этого не может быть; ты просто позабыл фамилию — Лапутин.

— Никогда я ничего не позабываю, а этой фамилии я даже и не могу позабыть, потому что я сам Лапутин.

Барин так и вскипел.

— Как, — говорит, — ты сам Лапутин! Кто тебя научил так называться?

А швейцар ему отвечает:

— Никто меня не научал, а это наша природа, и в Москве Лапутиных обширное множество, но только остальные незначительны, а в настоящие люди один я вышел.

А в это время, пока они спорили, граф с лестницы сходит и говорит:

— Действительно, это я его и помню, он и есть Лапутин, и он у меня тоже мерзавец. А ты в другой раз приди, мне теперь некогда. До свидания.

Ну, разумеется, после этого уже какое свидание?

Глава четырнадцатая

Рассказал мне это *maotre tailleur Lepoutant* с сожалительною скромностью и прибавил в виде финала, что на другой же день

ему довелось, идучи с работою по бульвару, встретить самого анекдотического Лапутина, которого Василий Коныч имел основание считать своим благодетелем.

— Сидит, — говорит, — на лавочке очень грустный. Я хотел проюркнуть мимо, но он лишь заметил и говорит:

— Здравствуй, monsieur Lepoutant! Как живешь-можешь?

— По божьей и по вашей милости очень хорошо. Вы как, батюшка, изволите себя чувствовать?

— Как нельзя хуже; со мною прескверная история случилась.

— Слышал, — говорю, — сударь, и порадовался, что вы его, по крайней мере, не тронули.

— Тронуть его, — отвечает, — невозможно, потому что он не свободного трудолюбия, а при графе в мерзавцах служит; но я хочу знать: кто его подкупил, чтобы мне эту подлость сделать?

А Коныч, по своей простоте, стал барина утешать.

— Не ищите, — говорит, — сударь, подучения. Лапутиных, точно, много есть, и есть между них люди очень честные, как, например, мой покойный дедушка, он по всей Москве стелечки продавал...

А он меня вдруг с этого слова враз через всю спину палкою... Я и убежал, и с тех пор его не видал, а только слышал, что они с супругой за границу во Францию уехали, и он там разорился и умер, а она над ним памятник поставила, да, говорят, по случаю, с такою надписью, как у меня на вывеске: «Лепутан». Так и вышли мы опять однофамильцы.

Глава пятнадцатая

Василий Коныч закончил, а я его спросил: почему он теперь не хочет переменить вывески и выставить опять свою законную, русскую фамилию?

— Да зачем, — говорит, — сударь, ворошить то, с чего новое счастье стало? Через это можно вред всей окрестности сделать.

— Окрестности-то какой же вред?

— А как же-с, моя французская вывеска, хотя, положим, все знают, что одна лаферма, однако через нее наша местность другой эффект получила, и дома у всех соседей совсем другой против прежнего профит имеют.

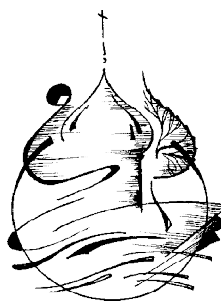
Так Коныч и остался французом для пользы обывателей своего замоскворецкого закоулка, а его знатный однофамилец без всякой пользы сгнил под псевдонимом у Пер-Лашеза.

К ТОРЖЕСТВУ ПРАВОСЛАВИЯ НАД ВСЕЙ АЗИЕЙ

Размах в освоении восточных просторов России не имеет подобных примеров в истории человечества. Слишком заметно, что не только человеческие воля и усилия действовали в этом великом деле, но воля и сила Божии. Господь помогал, открывал русскому народу великие пространства от Урала до Тихого океана.

Первые масштабные шаги наши первопроходцы и первопоселенцы совершали преимущественно вдоль северной границы Евразийского континента. Всего за несколько десятилетий были открыты и обжиты земли от берегов Енисея до Тихого океана.

В качестве иллюстрации приведём здесь небольшой отрывок из работы «Наше положение» знаменитого военного разведчика, генерала царской эпохи Алексея Ефимовича Вандама. Автор кратко обзревает начало освоения Сибири Россией и выход знаменитого первопроходца Василия Пояркова на Амур: «Напомним, прежде всего, что наши казаки перешли Урал в конце XVI

ПОДВИЖНИКИ

столетия. В 1587 г. они основали Тобольск, в 1604 г. — Томск, в 1618 г. — Якутск и в 1638 г. — Охотск. Таким образом, первая линия нашего наступления к Тихому океану пошла по Крайнему Северу. При холодном климате и огромных расстояниях, расположенные вдоль этой линии селения терпели нужду во многом, особенно в хлебе, которого в Охотском крае нельзя было достать иногда на вес золота. Естественно, поэтому, что, узнав от таяжских тунгусов о существовании за Становыми горами никем не занятой страны, где люди пахут землю и разводят рогатый скот, наша вольница решила отыскать эту страну, поселить в ней русских хлебопашцев и снабжать хлебом Охотский край. Отправным местом разведок явился быстро развивавшийся, благодаря звериным промыслам, Якутск. Первая партия разведчиков, посланная из него в 1643 г., состояла из 100 казаков под начальством Пояркова. Поднявшись по Алдану и пройдя более 400 верст по загроможденной дикими скалами пустыне, Поярков вышел к верховьям Зеи и по ней достиг величественного Амура. обстоятельно разведав затем в течение двух навигаций бассейн этой реки от впадения в нее Зеи до Татарского пролива, казаки пошли из Амура в Охотское море и в 1646 г., полуживые от трудов и лишений, добрались до Якутска».

Эпоха первых царей из Дома Романовых ознаменована большими открытиями за Уралом. Собираение земель и народов под Царскую руку — так иногда характеризуют то героическое время. При Государях Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче сделаны важнейшие открытия, построены опорные города и поселения, проложены сухопутные дороги и морские пути, надолго определившие схему, рисунок расселения русского народа за Уралом. Семнадцатый век — эпоха, в которую Русь расширялась. В годы, когда активно осваивается Сибирь, русские поселяются на Кавказе. В середине XVII века под руку Православного Царя возвращается часть Киевской Руси — вспомним Богдана Хмельницкого и Переяславскую раду в 1654 году.

В освоении Сибири наиболее полно раскрывается характер и сила Русского Царства. Бурная героическая эпоха новых открытий, которая уже вряд ли когда-то повторится в истории нашей страны. За короткое по историческим меркам время Россия прошла всю Сибирь, ставя здесь новые города и поселения, храмы и монастыри.

Уже в первой половине XVII века появился русский город Якутск — крупный опорный пункт на северо-востоке, на пути

к Океану. Основанием Якутска принято считать всё-таки не 1618-й год, как в работе процитированного генерала Вандама, а 1632 год. Тогда служилым человеком Петром Бекетовым был заложен Ленский острог. Петр Бекетов — выдающийся человек, основатель нескольких сибирских городов, среди которых Якутск, Чита и Нерчинск. Роль этого царского слуги постепенно осознается потомками. Бекетову возводятся памятники, посвящаются поэтические произведения, научные биографические исследования. Благодаря стараниям этого знаменитого сотника значительная часть Восточной Сибири со своими местными племенами и народностями добровольно вошла в состав России. Якуты, эвенки, буряты — приняли русских, русскую культуру и веру и стали как бы младшими братьями большой православной семьи — России. Во многом это происходило благодаря дипломатическим талантам Петра Бекетова. Основанный им Якутск стал главной опорной точкой Восточной Сибири. Отсюда, из Якутска, в дальнейшем выходили экспедиции русских первопроходцев к северо-востоку, к океанским берегам.

Примечательно, что за год до основания Якутска на реке Лене появился острог, названный Усть-Кут. Этот острог сыграл большую роль в освоении восточных просторов России и её морских берегов. Однако об Усть-Куте и его основателях говорится в исторических работах гораздо меньше, чем о том же Якутске.

В районе будущего Усть-Кута русские первопроходцы оказались ещё в 1620-х годах. В летописях сообщается, что казачий десятник Василий Бугор неподалеку от впадения реки Кута в Лену поставил в 1628 году зимовье. Через три года в эти места прибыл отряд под командованием атамана Ивана Галкина. Казаки в стороне от зимовья Василия Бугра нашли более подходящее место и построили острог, который и стали именовать в соответствии с географической особенностью поселения, устроенного рядом с устьем реки Кута. Усть-Кут быстро развивался и так же, как Якутск, стал выполнять роль отправного этапа для походов русских первооткрывателей на Север, к берегам Тихого и Ледовитого океанов.

Известно, что знаменитый атаман, исследователь Приамурья Ерофей Павлович Хабаров, пришедший с Русского Севера из Устюжского уезда, основал в Усть-Куте солеварню, развил здесь промышленность, чем дал немалый импульс росту поселения.

Именно в Усть-Куте строились казачьи суда — дощаники, на которых по Лене казаки двигались на восток. Экспедиция Витуса Беринга тоже строила свои корабли в Усть-Куте. Даже

в советское время в этом небольшом речном городке работал судостроительный завод — Осетровская судостроительная верфь, которая производила металлические суда для речного пароходства, созданного там же, в Усть-Куте.

По оценкам ряда экспертов, в перспективе именно район Усть-Кута, а также берега Лены вплоть до Якутска могли бы стать главной опорной площадкой России в развитии наших северо-восточных земель. Есть версии, что именно в этих местах следовало бы создавать так называемую Восточную (Арктическую) столицу России. Третью столицу нашего государства наряду с Москвой и Санкт-Петербургом.

Знаменательным событием в пути Руси на восток стал выход русских людей к Тихому океану. В 1639 году отряд казаков во главе с Иваном Москвитиным совершил то, что навеки вошло в историю нашей Родины и героического освоения сибирских просторов. Казаки открыли побережье моря, названного впоследствии Охотским. Исследовали новую местность, занесли на карту...

О казаке Иване Москвитине известно не так много. Однако имя его знакомо каждому, кто интересуется историей нашего Отечества. Иван Москвитин был помощником атамана Дмитрия Епифановича Копылова. Копылов привел свой отряд из Томска в Якутск. В 1638 году Копылов узнал от какого-то эвенкийского шамана, что с реки Алдан есть выход к морскому побережью. В этом направлении по пути, описанному эвенком, был отправлен отряд отважного казака Ивана Москвитина. Через суровую тайгу и стремительные реки пробирались казаки к Океану. Берега океана в тех местах скалистые, труднодоступные. Казаки добрались до заветной цели. Океан распахнул свои бескрайние синие просторы перед русскими первооткрывателями. Иван Москвитин с казаками на сделанных собственноручно кочах прошли вдоль морского побережья, исследуя его и восхищаясь необычными и прекрасными видами, зверями и птицами, удивляясь тому, как щедро одаривает Господь Россию новыми восхитительными землями и морями, преисполненными всяческих богатств.

Немало русских имен вписано в историю Руси, устремленной к океану. Вот лишь некоторые из них: Иван Москвитин, открывший выход в Океан; Семен Дежнёв, открывший пролив между Аляской и Чукоткой; Владимир Атласов, исследовавший и присоединивший Камчатку; Василий Поярков, первый вышедший к низовьям Амура, открывший реку Зею, исследовавший бассейн Амура; Ерофей Хабаров, который совершил большой поход по Амуру и привел в русское подданство местные племена.

Среди первооткрывателей сибирских просторов от Урала до Тихого океана были в основном казаки. Замечательно охарактеризовал их генерал Алексей Ефимович Вандам в своей работе «Наше положение»: «Казаки — эти красивейшие своей отвагой из всех рыскавших по еще молодой тогда и просторной земле человеческих хищников, с крестом на шее и несколькими зарядами за пазухой устремляются к Охотскому морю, с него на Камчатку, с Камчатки на Курильские острова, с Курильских на Алеуты, с Алеутов на никому, кроме русских, неизвестный американский берег. Бесстрашно носясь на сколоченных из подручного материала судах по волнам вечно сердитого и вечно кутающегося в холодную мглу Великого океана, они выписывают на бесчисленных островах его, мысах, бухтах и вулканах целый календарь православных святых...»

Наша советская историческая наука сформировала сугубо атеистическое и материалистическое представление о том, как русские осваивали Сибирь. Эти представления бытуют по сей день в немалом количестве литературы, посвященной данной теме. Однако глупо выглядит историк, который не видит, что превращение Сибири в неотъемлемую часть России проходило в теснейшем взаимодействии церковной и государственной власти. Православное духовенство совершало свой подвиг вместе и наряду с казаками-первопроходцами, со всем нашим русским людом, пришедшим обживать дикие зауральские просторы.

Из европейской части России в Сибирь направлялись выдающиеся архиереи, каждый из которых совершил немало подвигов во славу Церкви и России на сибирской земле. По молитвам сибирских архиереев, священников и простых православных христиан Господь много чудес являл ради укрепления верующих людей в Сибири. Были явлены и новые чудотворные иконы, которые навсегда вошли в историю Русской Церкви и Православия и по сей день остаются особо чтимыми в нашем народе.

При третьем сибирском архиерее Владыке Нектарии стала известной Абалакская икона Божией Матери. Митрополит Нестор (Анисимов) пишет: *«Третий архиепископ Сибири Нектарий из игуменов Ниловой пустыни, предсказавший царю Михаилу рождение царевича Алексея и бывший воспитателем царевича от купели, управлял сибирскою паствою в течение 4-х лет — с 4-го февраля 1636 года по 4-е января 1640 года и скончался в 1666 году. В его время в Абалаке, отстоящем за 25 верст от Тобольска, было в*

1636 году многократное явление Пречистой Богоматери одной благочестивой женщине Марии, из чего православные поселенцы Сибири вынесли твердое убеждение, что их страна не лишена особенных явлений благодати Божией и принята Царицею Небесною под чудодейственное покровительство. В ознаменование такого события архиепископ Нектарий соорудил в Абалаке храм и поставил там написанную по его мысли икону Знамения Божией Матери с предстоящими Св. Николаем Чудотворцем и Преподобною Мариею Египетскою. Эта икона доныне служит неистощимым источником чудес и почитается как главная святыня Абалакского монастыря. Владыка Нектарий лично в 1639 году освятил основание г. Ялуторовска на месте татарского городища Явлатура. Он оставил по себе замечательное «Сибирское Письмо», служащее драгоценным памятником о состоянии в его время церковного учения в Сибири и проникнутое пророчеством о торжестве Православия над всею Азией».

Владыка Нектарий Тобольский был крестным отцом самого Царя Алексея Михайловича Романова! Многие ли знают об этом дивном архиерее, уже прославленном Русской Православной Церковью? Всего несколько лет провел Владыка в Сибири, но успел многое сделать для этой прекрасной земли. Был он здесь и просветителем, и большим поборником нравственности среди сибирского населения, крепко боролся с пьянством в Сибири и немалых успехов достиг в этом деле. Мать Божия во всем помогала святителю Нектарию. Пробыв четыре года в Сибири, святитель был отправлен на покой и уехал в свою любимую Нило-Столобенскую пустынь, где заботился о духовном росте братии и благоустройстве обители. Когда он скончался, отпевали его в Чудовом монастыре в Москве. И сам Царь Алексей Михайлович шёл за гробом святителя до окраины столицы. Погребли архиепископа Нектария в Нило-Столобенской пустыни.

Святителя Нектария по сей день считают небесным покровителем Сибири. А его «Сибирское письмо» с пророчеством о том, что Православие восторжествует над всей Азией, даёт нам великую надежду, что современное дело укрепления Церкви и русской государственности в Сибири и на Дальнем Востоке еще принесет свои чудесные плоды.

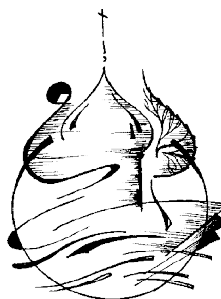
КАПИТАЛИЗМ — РЕЛИГИЯ РОСТОВЩИКОВ

Прежде всего, напомним определение религии: «Религия (от лат. religio — благочестие, набожность, святыня, предмет культа) — мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), которые основываются на вере в существование (одного или нескольких) богов, «священного», т. е. той или иной разновидности сверхъестественного».

Таким образом, любая религия насчитывает пять основных признаков:

- 1) мировоззрение;
- 2) мироощущение;
- 3) соответствующее поведение;
- 4) специфические действия (культ);
- 5) вера в существование богов (одного или нескольких) и сверхъестественное («священное») — вера, которая является основанием первых четырех признаков.

Рассмотрим для начала лишь первый из признаков указанной религии — мировоззрение с целью сравнения с

СИМВОЛ ВЕРЫ

мировоззрением христианства. Мировоззрение любой сформировавшейся религии выражается в чеканных формулировках ее догматов. Напомним, что «догматы религиозные (от греч. *dogma, dogmatos* — мнение, учение, постановление) — утвержденные высшими церковными инстанциями положения вероучения, выдаваемые церковью за непреложную истину и не подлежащие критике».

В *религии денег* таких догматов много, они уже существуют как непререкаемые истины и аксиомы несколько сотен лет, зафиксированы в разных теориях, доктринах, партийных программах, других политических документах, конституциях и законах.

На каждый догмат имеется бесчисленное множество толкований и комментариев в виде «научных» монографий и учебников.

Догмат первый: богатство как цель и смысл жизни. Ключевое слово в этом догмате — «богатство». Необходимо дать определение понятия «богатство». Все многообразие определений можно свести к двум: а) наличие в распоряжении (владении) человека такого количества благ, которое превышает его естественные потребности (богатство в узком смысле); б) наличие в распоряжении (владении) человека такого количества благ, которое превышает количество благ, находящихся в распоряжении (владении) других людей (богатство в широком смысле). Как видно, «богатство» — понятие относительное. С точки зрения православия любое богатство — проявление того или иного греха или даже нескольких грехов сразу. Очевидно, что ключевым является грех сребролюбия (близок к этому грех стяжательства). Об этом четко сказал апостол Павел: «Ибо корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6: 10).

За сребролюбием следует целый шлейф других грехов и страстей. Как говорил Иоанн Златоуст, «душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного».

Святые отцы Церкви постоянно предупреждали о тех духовных опасностях, которые для христианина таит в себе богатство (желание богатства), противопоставляя богатству бедность (в том числе добровольную); также в христианстве богатству противопоставляется достаток, т. е. такое количество благ, которое достаточно для удовлетворения жизненно необходимых потребностей человека. (Выбор

христианином бедности или достатка зависит от степени его духовной подготовленности.)

Богатство в узком смысле — проявление разных плотских страстей. Человеку, мучимому такими страстями, недостаточно удовлетворять естественные потребности (в пище, одежде, жилье, тепле и т.п.).

Однако сегодня гораздо более серьезной духовной проблемой стало богатство в широком смысле. Именно такое богатство стало целью, движущей силой современного капитализма (в отличие от богатства в узком смысле, которое было распространено в древнем мире и в Средние века). Поэтому его можно назвать также капиталистическим богатством. Оно является проявлением страшного (с точки зрения православия) греха — гордыни. Капиталистическое богатство — своеобразный способ возвышения мучимого бесом гордыни человека над окружающими.

Большая часть имущества такого тщеславного человека представляет собой мало нужные (с точки зрения базовых потребностей человека) предметы — особняки и дворцы, шикарные лимузины, яхты, частные коллекции произведений искусства и т.п.

Причем важными для хозяина здесь оказываются не только свойства этих предметов (эксклюзивность, бьющая в глаза роскошь, дороговизна, экстравагантность, гигантские размеры и т.п.), но и количественная сторона. Со временем количественная сторона (количество нулей в цифре, обозначающей размер богатства) начинает доминировать над качественной (натурально-вещественной) стороной богатства.

Именно это стало духовной пружиной превращения имущества в капитал, не знающий пределов роста («дурная бесконечность»). До капитализма также было богатство (в узком смысле). Тогда богатство еще как-то служило человеку (несмотря на всё самодурство хозяина своего «слуги»). При капитализме всё стало наоборот: человек стал служить богатству. На эту особенность обратил внимание Макс Вебер: если рассматривать капитализм в координатах социально-экономических понятий, то желание богатства и страсть его приращения выступают конечной целью человека.

Однако если посмотреть на него с духовной точки зрения, то мы увидим, что богатство (капитал) лишь средство. Средство, предназначенное для удовлетворения греховных желаний: плотских страстей, страсти гордыни, страсти

властвовать над другими людьми. А христиане хорошо знают, что источником всех этих страстей является тот, кто противостоит Богу и пытается бороться с Ним.

Тот, кому привелось изучать политическую экономию капитализма (обязательная учебная дисциплина во всех вузах СССР), помнит формулировку основного экономического закона капитализма, в котором выражалась цель капиталистической экономики и средство ее достижения, — «Получение прибавочной стоимости на основе эксплуатации наемного труда».

В ней достаточно правильно отражалась экономическая цель капиталистической деятельности («Получение прибавочной стоимости, т.е., проще говоря, накопление капитала»). Вместе с тем тогдашний материалистический взгляд на капитализм не позволял объяснить духовное происхождение этой цели, а также увидеть, что накопление капитала было не конечной целью, а выступало средством удовлетворения человеческих страстей.

Конечно, советские учебники по политической экономии могут быть использованы в качестве подспорья для изучения современного капитализма. Однако по причине их вульгарно-материалистической методологии они дают «плоскую», «двухмерную» картину капиталистического устройства общественной жизни.

Получению «многомерной» картины может помочь Евангелие. Вспомним, например, сцену искушения Христа дьяволом в пустыне. Он применил против Христа три самых мощных искушения, которые призваны возжигать:

1) плотскую страсть (предложение превратить камни в хлеба);

2) страсть возвышения над всеми остальными (предложение сброситься вниз с Иерусалимского храма, продемонстрировав окружающим чудо и вызвав всеобщее восхищение);

3) страсть властвовать над миром (предложение получить власть над всеми царствами мира в обмен на поклонение ему, дьяволу).

Догмат второй: цель оправдывает любые средства. Капитализм с экономической точки зрения является такой моделью общества, которое запрограммировано не на созидание благ, а на их перераспределение. (Производство благ может иметь место при капитализме, но по критериям прибыли это далеко не самый эффективный способ обогащения; перераспределение — намного эффективнее.)

Слово «перераспределение» — политкорректный термин «научных» монографий и учебников. Фактически речь идет о банальном ограблении небольшой кучкой людей (капиталистов) всех остальных членов общества. Средства, используемые для такого ограбления, делятся на две группы: а) средства, основанные на прямом (физическом) насилии; б) ненасильственные средства (точнее сказать — средства опосредованного, непрямого насилия).

В эпоху становления капитализма преимущественно использовались средства прямого насилия. В учебниках по истории и экономике это называется «первоначальным накоплением капитала». Конкретные средства такого «накопления»:

— «огораживания» крестьянских земель, т.е. насильственный сгон крестьян с их земель и превращение их в пауперов и люмпенов (будущий «пролетариат»);

— колониальная политика («эпоха великих географических открытий»), которая сводилась к ограблению местного населения осваиваемых колоний (особый интерес представляли золото и серебро), превращению местных жителей в рабов, захвату обширных территорий с их природными ресурсами и т.п.;

— конфискация церковных земель и другого церковного имущества.

После завершения процесса первоначального накопления капитала основной упор был сделан на использование методов опосредованного насилия. Суть этих методов проста — эксплуатация наемных работников, т.е. получение капиталистами большей части производимого этими работниками продукта.

Конечно, эксплуатация также была и остается насилием, но без применения оружия и открытого убийства людей. Такое насилие условно можно назвать экономическим насилием. Впрочем, экономическое насилие обязательно предполагает возможность применения прямого насилия.

Иначе наемные работники откажутся от труда в пользу капиталиста. Достаточно часто угроза прямого насилия реализуется практически (борьба со стачками, забастовками и демонстрациями наемных работников с участием полиции или даже армии).

В условиях «позднего» капитализма (капитализма XXI века, в котором мы с вами живем) опять возрастает роль прямого насилия.

Например, растут масштабы прямого (физического) рабства в мире. В развитых странах Запада (особенно США) заметную роль во внутренней экономике начинает играть так называемое «тюремное» рабство (использование бесплатного труда заключенных). Усиливается военная агрессивность Запада в отношении стран, богатых природными ресурсами, с целью установления контроля над этими ресурсами и т.п.

Возвращаясь к методам опосредованного насилия, следует назвать конкретные методы эксплуатации наемных работников:

- в процессе производства (экспроприация капиталистами большей части произведенного этими работниками продукта);

- в сфере обращения и кредита (отъем части оставшегося у них продукта труда с помощью монопольных цен на потребительские товары и услуги, с помощью потребительских кредитов в виде ссудных процентов и т.п.);

- через налоговую систему (уплата подоходного и ряда других налогов, большая часть которых затем через бюджетную систему перераспределяется в пользу капиталистов).

Особо следует остановиться на таком «ненасиленном» методе ограбления, как взимание процентов по предоставленным ссудам и кредитам — ростовщичество. Христианство всегда крайне негативно относилось к ростовщичеству как одной из наиболее отвратительных форм сребролюбия.

К этому еще стоит добавить, что первыми носителями «духа капитализма» были именно ростовщики. Первой формой капитала, зародившейся еще задолго до появления в мире христианства, был ростовщический капитал (Вавилон). «Вирус ростовщичества» в условиях превращения христианства в государственную религию на протяжении многих веков подавлялся благодаря твердой позиции церкви.

В конечном счете использование всех методов накопления капитала (всех без исключения!) означает нарушение важнейших заповедей христианства. Прежде всего — заповеди «Не укради».

Французскому социалисту XIX века Пьеру Ж. Прудону принадлежит известная формула: «Частная собственность — кража». Эта фраза французского мыслителя хорошо знакома каждому грамотному человеку.

Между тем очень похожие слова были произнесены за полторы тысячи лет до Прудона Святителем Василием Великим (330—379): «Личная собственность есть кража». Перефразируя приведенные выше слова, скажем: «Накопление капитала — кража».

Там, где капитал образуется с помощью прямого насилия, нарушается другая заповедь — «Не убий». Эта заповедь нарушается и в случае использования экономических методов накопления капитала: изъятие капиталистом у работника большей части произведенного им продукта нередко лишает работника и членов его семьи средств, достаточных для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, а это вызывает болезни и преждевременные смерти.

Впрочем, часто случаются не только преждевременные, но и мгновенные смерти. Капиталисты, стремясь минимизировать свои издержки, повышают риски производственных и транспортных аварий, техногенных катастроф (особенно в энергетике), которые влекут за собой большие человеческие жертвы.

В сфере торговли и кредита в основе экономических методов эксплуатации лежит один из серьезнейших грехов — обман. Еще в большей степени обман процветает на финансовых рынках, где «игроками» оказываются как капиталисты, так и те же наемные работники. Страсть к потреблению даже в простых людях разжигает страсть к деньгам. Это заставляет их трудиться еще интенсивнее.

Кроме того, им предлагаются кредиты, людей приучают жить в долг, загоняют в долговые ловушки и долговое рабство. Наконец, людей приучают к добыванию денег нетрудовыми способами — приобретая ценные бумаги и играя на финансовых рынках. Находясь в таких сетях финансовой, а главное — духовной несвободы, человек окончательно забывает о деле спасения души.

Итак, страсть к сребролюбию (стяжание денег) и страсть к потреблению (стяжание вещей и удовольствий) — две стороны одной медали, называемой «капитализм». Сегодня эти две страсти сопутствуют человеку независимо от того, на какой ступени социальной лестницы он ни находился бы.

И тут мы особо ощущаем противоположность христианства с его идеалом творческого и созидającego труда и религии денег, которая ориентирует людей прежде всего на перераспределение и потребление. Труд при

капитализме неизбежен, но такой труд не имеет ничего общего с христианским идеалом:

1) он является не свободным, а принудительным;

2) большая часть трудовой деятельности в современной капиталистической экономике не связана с созданием жизненно необходимых благ. (Люди заняты в сфере перераспределения — торговле и финансово-кредитном секторе, в производстве оружия, в оказании услуг сомнительного свойства и т.п.);

3) такой труд не является творческим.

Мы не будем погружаться в детальное исследование методов, с помощью которых капиталисты осуществляют накопление своих богатств (это дело экономистов и социологов).

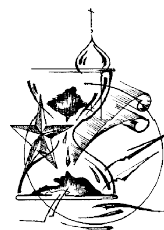
Наша задача — показать, что все эти методы неизбежно предполагают нарушение христианских заповедей, являются проявлениями грехов, в том числе смертных. В Евангелии добываемое такими способами богатство названо «неправедным богатством».

ОБ АНТИМИГРАНТСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Усиление натиска на русских со стороны мигрантов вызвало рост антимигрантского национализма в государствообразующем великорусском этносе. Подчеркнем, не шовинистического, а защитного национализма или, по классической формулировке, — рост национально-освободительного движения.

Это освободительное движение в любом народе возникает спонтанно, когда сохранившемуся этносу угрожает реальная опасность со стороны агрессивных иноплеменников. Почему спонтанно? Потому что этнос в отличие от социума явление биосоциальное, т.е. самовосстанавливающееся. Это организм, у которого есть свой инстинкт самосохранения и свои «антитела».

Нравится это кому-то или нет, но данный процесс восстановления и укрепления русского иммунитета остановить невозможно. Никакими «праздниками плова» и «интернациональными» утренниками в школах, где, кстати, русских детей почему-то все чаще и чаще бьют дети мигрантов, а учителей уже начинают бить их отцы из кишлаков.

РУССКИЙ ВОПРОС

Поэтому появление таких сообществ, как «Русская община», «Северный человек» и др. совершенно закономерно. Какие бы «дружбонародные» мантры нам не пели с высоких и не очень высоких трибун.

Даже если русские «националистические» организации попытаются разложить изнутри и взять под контроль спецслужб, как это было сделано с РНЕ в 1990-х, то это не даст эффекта. Почему? Потому, что время другое. В 90-е годы русские были: а) расколоты на идеологически непримиримые группы и б) деморализованы распадом СССР и «шоковой терапией» гайдари-чубайсов. Народу словно дубиной по голове ударили! Сегодня русское общество уже другое — оно более консолидировано и менее деморализовано, при всех его болячках и слабостях.

Кроме того, если в 90-х главный враг, против которого выступали РНЕшники и др. «националисты», был мало-заметен (либералы-космополиты) и не всеми русскими осознаваем, то сегодня на Русь уже открыто наступает многомиллионная **новая орда**, которую не заметить нельзя. Она заполняет наши города и становится с каждым годом всё наглее и агрессивнее, что четко подтверждается статистикой мигрантской преступности.

Поэтому массовое русское освободительное движение в данных условиях будет только нарастать. **Это неизбежно и неостановимо!** Сегодня мы переживаем первый, подготовительный этап этого движения. Он пока не в делах, а в умах. Но со временем, если ситуация дойдёт до края — до того самого «русореза», о котором открыто говорят радикалы-исламисты, — то весь русский народ (не путать с «населением») превратится в одну большую **русскую общину!** И тогда уже у нас пойдёт совсем другая история! Чего, кстати, мигранты-радикалы не понимают, принимая традиционную русскую терпимость, запас которой еще не исчерпан, за слабость, даже за склонность к «рабству». И это не удивительно — давно не учили...

Впрочем, не факт, что всё пойдёт по худшему сценарию мирного времени. Подчеркнём — мирного времени! С началом Большой войны или каких-то серьёзных планетарных потрясений (типа глобального экономического кризиса) возможны и другие, не только «уличные» варианты решения нацвопроса в России.

Что же касается традиционного русского интернационализма присущего нам «исторически» (действительно — присущего!), то с точки зрения этногенеза тут зависимость

простая: чем выше сплочённость и пассионарность имперского народа и твёрже государственная власть, тем больше интернационализма он может себе позволить, и наоборот. Сейчас — как раз тот случай, когда «наоборот», особенно по линии власти...

Примечание. Недавнее убийство таджикского ребенка в подмосковной школе нацистом-малолеткой вызвало целую бурю международного масштаба. Российского посла отчитали в Душанбе и потребовали извинений. Реакция РФ последовала незамедлительно: представители российской власти: Захарова (МИД), Матвиенко (СФ), и Шойгу (Совбез) оперативно принесли свои извинения. Здесь возникает вопрос: а почему Таджикистанский МИД до сих пор не извинился за 150 убитых русских в «КРОКУСЕ» (даже не признал!!!)? Не говоря уже о тысячах убитых, ограбленных, изнасилованных русских в самом Таджикистане в начале 1990-х годов!

Неужели наши российские власти так наивны? Неужели они не знают азиатского менталитета и не понимают, что этот дружный хор извинений будет рассматриваться как слабость и даже поощрение (!) к новым насилиям и преступлениям против русских?..

Таким образом, выстраивая сегодня тактику русского национально-освободительного движения (именно освободительного! — не только от наступающей Новой орды, но и от старого врага — прозападной пятой колонны, которая эту орду целенаправленно завозит и готовит к боям), нельзя брать за основу устаревшие представления об имперском интернационализме и братьях меньших периода Российской империи и СССР. Они уже не «меньшие» и вовсе не «братья»...

Согласно теории этногенеза Российская империя в старых границах сегодня невозможна и даже вредна! Почему? Потому что наша пассионарность снизилась до среднего уровня, если не ниже (в обескровленном историческом центре России и в Малороссии), а «их» пассионарность приближается к максимальной (акматическая фаза). Поэтому не надо питать никаких геополитических иллюзий насчет «нового союза народов» на месте СССР и т.п., нам бы справиться с тем, что осталась в рамках РФ, плюс Беларусь и Малороссия (после радикального лечения) и, возможно, Молдавия.

От данной этнической конструкции и надо танцевать, не делая из Российского суперэтноса «резиновую квартиру» и не записывая в него всех подряд — и своих, и чужих

(«чёрного кобеля не отмоешь добела!»). И главное — не увлекаясь при этом излишним (мазохистским!) интернационализмом и чрезмерным (узким) национализмом. То и другое сегодня вредно! Казалось бы, очевидные вещи, но далеко не все наши начальники и идеологи это понимают или не хотят понимать.

Программа максимум на будущее — это уменьшенная Российская империя в границах собственно Российского суперэтнуса (русские, малороссы, белорусы и более ста коренных народов России) — с Поволжьем, Сибирью, Дальним Востоком и другими историческими территориями. Исключение можно сделать для некомплементарной Прибалтики и Северного Кавказа, которые в Российский суперэтнос никогда не входили, но важны с точки зрения геополитики.

Так же, как, безусловно, важны для России в будущем буферные территории — Закавказье и Средняя Азия, которые следует держать в сфере своего влияния, в первую очередь, экономического. Но достаточно жёстко и на некоторой дистанции, не заигрывая с местными баями и не играя в поддавки, как сегодня. Это принципиальный момент! Поскольку, повторим, азиаты уважают только и исключительно силу, а всякую «дипломатию» и «задабривание» воспринимают как слабость.

Отсюда следует, что миграционная политика РФ в будущем должна быть предельно жёсткой: в первую очередь надо будет ввести запрет на въезд новых мигрантов на ПМЖ и поэтапно провести очищение страны от избыточной части уже осевших иноплеменников, в том числе купивших гражданство (сколько выдворить — отдельный вопрос). Конечно, это непросто и даже может показаться нереальным, но это надо будет делать! Разумеется, не в ближайшее время, а в уже другой, более жёсткий (мобилизационный) исторический период, в который мы в обозримой перспективе обязательно войдём. Всё только начинается!

Именно в этом суть современного евразийства, а не в том, чтобы «заселить таджиками наши города», как считают некоторые неграмотные патриоты, особенно «правые». Политический стержень евразийства — это, прежде всего, сильная государственная власть евразийского центра! И не важно, чья она — монгольского хана, белого царя или генерального секретаря. Все остальные евразийские конструкции — экономические, культурные и пр. — это уже ее следствия.

И еще. Не надо нам петь песни о нехватке рабочих рук! При переходе от «либеральной» экономики (сфера обслуживания и офисный планктон!) к мобилизационной (производство) нам вполне хватит своих работников. И даже останется, чтобы было кого поставить в строй.

О текущем моменте. Глядя на сегодняшнюю этническую ситуацию в стране можно констатировать, что длительная операция наших внешних и внутренних врагов по закладке этнической бомбы под Россию близка к завершению. Осталось поднести спичку. Мы имеем: с одной стороны — острое недовольство русских, растущее с каждым днем, с другой — нарастающую наглость и агрессивность мигрантов. Ну а с третьей стороны — совершенно неадекватные действия властей РФ (даже не «пятой колонны»!) по предупреждению угрозы этого взрыва!

О перспективах. Чем это может закончиться? Зная теорию этногенеза, можно смело прогнозировать, что рано или поздно эта очередная историческая напасть закончится русской победой. И вопрос не в том, выдержат ли русские? Они выдержат! Вопрос в том, что будет с теми «неадекватными» представителями власти, которые: а) ведают («пятая колонна») и б) не ведают, что творят...

И если кто-то думает, что в этой планируемой новой смуте с участием иноплеменников, можно будет перехватить власть и установить в РФ «либеральную диктатуру», тот не знает законов истории. Почему? Потому что время «либералов» прошло. Сейчас мы наблюдаем инерцию первого (банкирского) глобального проекта. Наши либеральные «человечки» еще «танцуют», но их музыка на глобальном уровне почти смолкла...

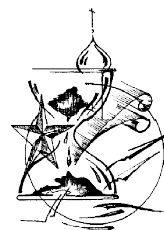
Это отнюдь не значит, что они не смогут нам напакостить. Конечно, смогут! Еще и «закладочки» оставят. Но!.. Но по-крупному они уже проиграли. Впереди Большая Планетарная Драка, которая сбросит все карты со стола и радикально поменяет правила игры.

Что же касается цены будущей русской победы, то, да, она будет высока. Но когда у нас было по-другому?.. Всё как всегда — по грехам нашим...

ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

После принятия и официального опубликования Указа президента «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» отдельные видные представители национал-патриотической общественности стали впадать в неуместные восторги, порожденные принципиально неверным пониманием смысла документа. Некоторые национал-патриоты заменили трезвый и объективный анализ подсчетом употребления термина «русский». Основатель «Царьграда» Константин Малофеев насчитал в документе тридцать шесть таких упоминаний и немедленно сделал вывод о крутом и принципиальном развороте национальной политики, планируемом властями РФ:

«Несмотря на частичное сохранение либеральной многонациональной риторики, основной вектор государственной нацполитики становится русским». В реальности документ скрывает за отдельными благозвучными формулировками старое русофобское содержание. Эти формулировки специально введены авторами

РУССКИЙ МИР

*Стратегии для оттенения сохраненного не частично, а полностью, «либерально-многонационального» комплекса идей. Для стратегического планирования важнейшее значение имеют конечные цели, достижение которых декларируется. В Стратегии эти цели указаны четко и недвусмысленно. **Целью является «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности»** (здесь и далее в тексте выделено мной. — М.К.).*

Таким образом, для Стратегии русский народ как отдельный и ключевой субъект общественно-политической, экономической и культурной жизни России не существует. Напротив, целью Стратегии совершенно открыто названо дальнейшее внедрение и утверждение концепции «многонационального россиянства», предполагающей дальнейшее властное давление на русское самосознание с целью заставить русский народ отказаться от признания наличия своих собственных этнических проблем и требования политического суверенитета в границах РФ. Русские мыслители с конца XIX века вплоть до нашего времени указывали, что в любой стратегии решения национального вопроса в России русский народ должен рассматриваться как отдельный этнополитический субъект. Соответственно, ставились цели абсолютного и относительного увеличения численности русского народа в России и обретения им общественно-политического и культурного первенства на всей территории российского государства, соответствующего его государствообразующей роли. Любой вариант национальной политики, исключающий отдельное упоминание русского народа, отдельное решение его этнических проблем и обеспечение для него реального общественно-политического, экономического и культурного первенства, является неприемлемым и вредным, поскольку предполагает дальнейшее подавление русского национального самосознания, окончательную маргинализацию русского народа и его скорое исчезновение с исторической сцены.

Кроме целей планирования, ключевое значение имеют общие принципы, на основе которых оно осуществляется. В

Стратегии принципы сформулированы не менее однозначно, чем цели: «а) **равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств**; б) **равенство условий для развития народов, этнических общностей**; в) **гарантии прав коренных малочисленных народов Российской Федерации**; г) **недопустимость пропаганды или агитации, возбуждающей расовую, национальную, религиозную или социальную ненависть и вражду**». Снова мы видим обычный набор либеральных русофобских банальностей, практическая реализация которых за последние десятилетия привела к фактическому замещению коренного населения России иностранцами и поставила русский народ перед реальной перспективой стать этническим меньшинством в собственной стране в ближайшие десятилетия. В принципах Стратегии даже не имеется давно назревшего и требуемого русскими мыслителями разграничения коренных народов РФ и диаспоральных групп народов, имеющих свою государственность за пределами России. В свете этого факта можно считать, что широко освещаемая патриотическими ресурсами якобы начавшаяся «реальная борьба с диаспорой» является совершенно невозможной, поскольку Стратегия не видит разницы между диаспорами и коренным населением России, создавая для всех равные условия и предоставляя равные возможности. Таким образом, исходя из принципов Стратегии, можно прогнозировать дальнейший рост общественно-политического, экономического и религиозно-культурного влияния диаспор, пропорционально увеличению их фактической численности.

Цели и принципы в стратегическом планировании находят свое завершение в формулировке приоритетов, на основе которых формируются конкретные планы действий. В Стратегии к приоритетам относятся: «а) **укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культурно-исторических ценностей**; б) **сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации**; в) **обеспечение межнацио-**

нального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на межнациональной (межэтнической) и (или) религиозной почве».

Очевидно, защита политических и экономических прав русского народа, как и утверждение ключевого значения его духовного и культурного наследия для России, в число приоритетов национальной политики в обозримой перспективе не входят.

Властные чиновники с поразительным упорством пытаются создать единую российскую нацию, полностью игнорируя русский народ как ее потенциальное этнокультурное ядро и русскую культуру как будущую основу общегражданского единства. Через проповедь и насаждение этнокультурного и языкового многообразия можно только разрушать единые государства и нации, единство которых как раз держится на общности языка и культуры. Одной нации по объективным законам политологии может соответствовать только одна культура и один язык, поскольку само формирование нации предполагает обязательную культурную и языковую унификацию. Русофобы прошлого дважды сокрушали российскую государственность, используя лозунги и практики этнокультурного и языкового разнообразия. Современные русофобы, наоборот, хотят использовать эти лозунги и практики для создания единой российской нации. Однако сомнительно, чтобы они владели секретом превращения орудия разрушения в орудие созидания, поэтому их усилия имеют все шансы закончиться так же, как у предшественников. После распада СССР все страны постсоветского пространства пошли по пути укрепления этнократических режимов и различных форм открытого и латентного подавления национальных меньшинств. Только Российская Федерация по воле политических элит продолжает стремительное движение к распаду, повторяя все ошибки Российской Империи и Советского Союза в национальной политике.

Для документов стратегического планирования особое значение имеет верное и объективное понимание положения дел в рассматриваемой сфере государственной жизни. От этого понимания зависит обоснованность и эффективность декларируемых практических мер по реализации стратегии. В анализируемой Стратегии «современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации характеризуется как стабильное». То есть

современное состояние межнациональных отношений авторам видится как нормальное и не требующее никаких радикальных вмешательств. Остается оценить эту «стабильность» с точки зрения русского национал-патриота, да и вообще любого здравомыслящего русского человека. Несколько десятилетий подряд постоянно множась многомилионная армия внутренних и внешних мигрантов, абсолютно некомплементарных русскому народу, ведет против него необъявленную войну в многообразных формах. Эти формы включают в себя открытую внешнюю агрессию (убийства, изнасилования, грабежи, зверские избиения, запугивания, унижения, публичная демонстрация неуважения к русскому народу и его традициям и т.п.) и скрытые формы захвата политической и экономической власти (незаконная приватизация различных доходных активов, захват целых секторов экономики, разрастание масштабов теневой экономики, вхождение «многонационалов» во власть на различных уровнях от регионального до федерального, обеспеченное экономическим доминированием). Сводки с фронтов этой войны поступают каждый день, суммируясь в обескураживающих итоговых цифрах МВД и СК, констатирующих взрывной рост мигрантской преступности на русской земле. Это и есть та самая «стабильность» межнациональных отношений, которой похваляются авторы Стратегии. Поэтому никаких доказательств «стабильности» они не приводят, а лишь ссылаются на положительную оценку межнациональных отношений, данную 75 процентами респондентов социологических опросов в 2024 году. Если даже результаты этих опросов правдивы (что для заказных опросов всегда сомнительно), остается четверть опрошенных, несогласных с положительной оценкой. Несогласие имеет свои причины: эти люди наверняка лично столкнулись с мигрантским произволом и не верят в благостную картину, рисуемую русофобствующими бюрократами. Приняв за данность, что любой соцопрос должен быть репрезентативен, мы приходим к неутешительному выводу: каждый четвертый житель России стал в той или иной мере объектом и жертвой мигрантского беспредела. По мере увеличения численности мигрантов остальные три четверти в силу неумолимых обстоятельств вынуждены будут на ходу пересматривать свою точку зрения. Стратегия позволяет понять, что для властей РФ тотальная и постоянная война против русского народа — явление нормальное и не требующее вмешательства и исправления.

Поэтому все перечисленные выше негативные тенденции будут только нарастать и усугубляться.

Есть и другие аспекты проблемы, которые не связаны непосредственно с русским народом. Растущая численность мигрантских сообществ и их увеличивающаяся агрессивность влекут за собой массовые жестокие столкновения различных диаспоральных групп, делящих те или иные сферы влияния. Фактически исторически сложившаяся нетерпимость между различными этносами переносится в Россию вместе с миллионами их представителей. Только сохранение постоянно деградирующей, но пока функционирующей системы социального контроля удерживает Россию на самой грани погружения в хаос жесточайшего межэтнического насилия. Далеко не всё благополучно и в отношениях коренных российских народов. Неспособность властей вывести российские народы из-под мировоззренческого влияния цивилизаций, имеющих духовные и идейные центры за пределами РФ, приводит к нарастанию конфликтного потенциала, в любой момент готового перейти в горячую фазу противостояния. Наиболее ярким примером этой возможности стали резонансные погромы в аэропорту Махачкалы. С тех пор продолжается латентный конфликт между еврейской общиной России и северокавказскими этносами. Последним ярким его проявлением стала октябрьская публичная полемика еврейской общественности и муфтия Чечни, позволившего себе резкие выражения в адрес иудеев. В результате полемики стороны остались на своих идейных позициях и ситуация разрешилась мирно, но полное отсутствие взаимной терпимости было проявлено вполне очевидно. Подобные факты периодически освещаемые в информационном пространстве, свидетельствуют о множестве линий межэтнических расколов, которые сыграют свою разрушительную роль при первом же заметном ослаблении вертикали власти, как это уже произошло в момент развала СССР.

Все межнациональные конфликты провоцирует сама власть РФ, упорно и бездумно насаждая этнокультурное разнообразие и ускоряя миграционные процессы. Этническая самобытность покоится во многом на фундаменте исторической памяти, актуализация которой поднимает на поверхность множество межнациональных обид и претензий, накопившихся за века сосуществования. Эти обиды и претензии в свою очередь становятся источником роста межнациональной напряженности. Доведенная до

логического предела, политика насаждения этнокультурного разнообразия, приведет не к чаемой невежественными бюрократами межнациональной гармонии, а к взрыву насилия и хаоса, который разрушит страну. Перед глазами хрестоматийный пример позднего СССР, вожди которого никак не реагировали на сообщения с мест о постоянном и неуклонном росте шовинизма. Практика лакировки действительности и подмены реальных мер громкой и пустой лозунговщиной в итоге привела к неконтролируемому взрыву националистических настроений, обрушившему державу.

Принципиально неверная характеристика межнациональных отношений приводит к специфическому видению угроз в этой сфере. В Стратегии указаны угрозы для национальной безопасности в сфере межнациональных отношений. После анализа их перечня в глаза бросаются два показательных момента. Во-первых, самой важной угрозой видятся *«предпринимаемые недружественными иностранными государствами усилия по дестабилизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, расколу российского общества и нарушению его внутреннего единства»*. Угроза эта полностью мифическая. Никакие иностранные государства не нанесли столько ущерба межнациональному и межрелигиозному миру в России, как сами власти РФ, десятилетиями держащие границы открытыми и осуществляющие политику замещающей миграции в угоду глобалистским структурам. Во-вторых, феномен массовой бесконтрольной миграции не назван в числе угроз межнациональной и межрелигиозной стабильности. Вместо этого как угроза подается *«формирование на отдельных территориях несвойственных им мест повышенной концентрации определенных этнических общностей, обусловленное внешними миграционными процессами»*. Что имеют в виду авторы цитируемого тезиса, понять сложно. Скорее всего, имеет место неудачная попытка радикально умалить масштаб происходящих в реальности процессов и локализовать их в определенных местах, не влияющих на общую картину межнационального согласия. Таким образом, указанная «концентрация» носит случайный характер и представляется редким исключением. Фактически же территорией «повышенной концентрации определенных этнических общностей» в результате политики замещающей миграции давно стала вся русская Россия, в каждом значимом населенном пункте которой мы и видим повышенную

концентрацию разнообразных этнических общностей, не имеющих к России и русскому народу никакого отношения. Половина угроз для межнационального мира (в том числе усиление террористической угрозы и перенесение зарубежных межэтнических конфликтов в РФ), названных в Стратегии, имеет непосредственный источник во вредоносных миграционных процессах. При этом важнейшей угрозой межнациональному миру авторам Стратегии видятся иностранные государства и их наймиты, разжигающие рознь, для которой якобы нет и не может быть оснований. В то же время важнейший фактор многомиллионной миграции, разрушающей межнациональное и межрелигиозное единство, игнорируется и замалчивается.

В логике властей РФ оба аспекта тесно связаны. Так, президент В.В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям 5 ноября, обвинил в разрушении межнационального единства разжигателей розни, работающих на иностранные разведки. При этом негативные и разрушительные для страны последствия массовой миграции он даже не упомянул. По факту, посыл главы государства и авторов Стратегии сводится к следующему: в России благодаря мудрой политике властей установилась межнациональная стабильность и гармония, которой угрожают лишь внешние силы и их российские агенты, разрушающие всеобщий мир и дружбу народов. На деле всё обстоит совершенно противоположным образом: власть РФ сама разгоняет кризисные процессы и представляет в виде врагов страны тех, кто указывает на их деструктивность и гибельность.

Игнорируя угрозу массовой миграции, Стратегия не предполагает никаких мер по разрешению миграционного кризиса. Нет речи о массовой депортации нелегалов, проверке законности получения гражданства миллионами мигрантов, введении визового режима с закавказскими и среднеазиатскими государствами. Зато целая страница текста посвящена затратным и предельно неэффективным механизмам адаптации мигрантов. И это при том, что адаптация мигрантов признана невозможной (в силу их избыточного количества и специфических личностных особенностей) независимыми экспертами еще десятилетие назад. (Принципиальное значение имеют аналитические доклады Института национальной стратегии, изданные в 2015 году отдельной книгой под названием «Неединая Россия. Доклады по этнополитике» и последовавшая за ними

книга президента ИНС Михаила Ремизова «Русские и государство».) О невозможности адаптировать иноземцев к русской культуре и традициям в условиях современной миграционной политики было прямо заявлено совсем недавно на секции XXVII Всемирного Русского Народного Собора, посвященной вопросам миграции. Из изложенного выше можно сделать простой вывод: в ближайшее десятилетие замещающая миграция будет продолжаться ускоренными темпами, а гигантские и всё возрастающие средства из бюджета — вместо использования на нужды русского народа — будут тратиться на заведомо провальные программы адаптации иноземцев.

Предпринятый беглый анализ Стратегии показывает ее скрытый русофобский характер. По своему смыслу и содержанию она продолжает длинный ряд мертворожденных документов, реализация положений которых и привела к глубокому кризису межнациональных отношений в России. Остается разобраться с рядом моментов, которые привели к искаженному пониманию документа в русской национал-патриотической среде. Действительно, Стратегия содержит специальное акцентированное упоминание русского народа как народа государствообразующего и подчеркнуто уважительное отношение к русскому языку и русской культуре. Однако на проверку все это оказывается громкой риторикой, вуалирующей традиционное либеральное содержание.

Государствообразующая роль русского народа формулируется в Стратегии следующим образом: *«Государственная национальная политика основывается на историческом опыте становления и развития России как самобытного государства-цивилизации. На исторической территории Российского государства благодаря объединяющей роли русского государствообразующего народа, многовековому межкультурному и межнациональному (межэтническому) взаимодействию сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность народов... Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного Российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры»*. Если перевести данную цитату на внятный русский язык, получается следующая картина: на территории Российского государства (благодаря взаимодействию различных этносов) сложилась некая культурно

многообразная и при этом духовно единая общность (многонациональный народ), создавшая самобытное государство-цивилизацию. Роль русского народа в этой схеме — роль посредника, объединяющего усилия пассионарных «многонационалов» в их непрерывных многовековых трудах по созданию государства-цивилизации. Нет смысла пояснять, насколько подобная трактовка истории отличается от понимания процессов становления и укрепления Русского государства в русской исторической и политико-правовой мысли.

Русские историки, государствоведы и политологи видят русский народ главным, основным и единственным субъектом русской истории. Русский народ колоссальными трудами создавал, защищал и расширял собственное Русское государство, включая в общегосударственное дело комплиментарные этнические элементы и постоянно преодолевая сопротивление элементов враждебных. Именно в этом и заключается государствообразующая роль русского народа в русской истории. Такова она и в современной России, которая по факту является просто Русским государством, поскольку практически всю тяжесть и ответственность за ее историческое выживание и сохранение несет на себе русский народ. Авторы Стратегии упорно подчеркивают «объединяющую роль русского народа» как народа государствообразующего. В действительности его роль в первую очередь державная и творческая, а уж затем — объединяющая. Следует понимать, что государствообразующий народ в силу своего статуса может сам в одиночку создавать государства и нести за них ответственность. Для этого ему не нужно никого объединять и ни у кого просить помощи. Используемые в Стратегии уже давно укоренившееся в либеральной среде понятие «духовной общности», а также новомодное понятие «государства-цивилизации» являются просто мифологемами, призванными умалить историческую роль и современное значение русского народа для развития и сохранения России.

Роль и место русской культуры в российской истории и современности Стратегия описывает так: *«Современное российское общество объединено общим культурным (цивилизационным) кодом, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, интегрировании их лучших достижений в единую российскую культуру»*. Снова

дадим внятный перевод на русский язык и получим следующую схему: уже описанная нами выше «многонациональная общность» веками создавала российскую культуру путем складывания достижений разных этносов в единую копилку, выработав в итоге общий культурный код, легший в основу государства-цивилизации. Конечно, в цитированном абзаце авторы Стратегии говорят и о русской культуре. Однако ее ведущее место среди других культур не отмечено и качественное отличие от них не акцентированно. Здесь русская культура — одна из многих культур, положенная в сложном сочетании с другими культурами в основу российского цивилизационного кода.

Для русских мыслителей и ученых дело обстоит прямо противоположным образом: **русская культура (государственная, правовая, художественная, языковая, семейная, коммуникативная) как культура народа государствообразующего имеет исключительное значение для становления и развития России. Именно она и только она одна лежит в основе общероссийской культуры и может стать фундаментом для становления гражданской нации. Но нация эта — русская, а не российская, поскольку в ее основе лежит русская культура. Культуры остальных народов России носят исключительно локальный характер и имеют ценность и значение только в местах своего исторического распространения.** Для русской мысли вообще не существует «российской» культуры. Она оперирует понятиями русской общегосударственной культуры и множества культур народов России, носящих местный характер. Таким образом, использование давно прописавшегося в либеральной мысли понятия «российская культура» позволяет авторам Стратегии принизить значение и роль русской культуры в становлении и развитии российского государства.

Справедливые на внешний вид тезисы Стратегии о необходимости сохранения и широкого распространения русского языка, приобретают отчетливо русофобский смысл, если внимательно присмотреться к идейному контексту, в который они включены. Все заботы о русском языке в Стратегии рассматриваются как инструмент *«укрепления общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей»*. Русский язык позиционируется как «язык

межнационального общения». В результате он отчуждается от русского народа и становится, всего-навсего, техническим средством коммуникации национальных меньшинств и их просвещения в духе «россиянства». В описанном контексте становится совершенно понятным странное, на первый взгляд, словосочетание «государствообразующий язык», звучавшее на уже упомянутом заседании президентского Совета по межнациональным отношениям 5 ноября. «Государствообразующий язык» — это язык, который государство изымает у создавшего его народа без его согласия и передает его другим народам ради государственного интереса. Причем этот интерес может быть диаметрально противоположен интересу народа, который отчуждается от своего языка. Отсутствие упоминания носителя государствообразующего языка знаменует собой тот факт, что отныне определенный народ перестал быть собственником своего языка и сдал право распоряжаться им государству и другим народам по их усмотрению. В описанном контексте Стратегия представляет собой всего лишь идейное завершение постоянно предпринимаемых попыток приватизировать русский язык и сделать из него государственный язык без упоминания народа, которому он принадлежит. Последним ярким примером стал разработанный Санкт-Петербургским государственным университетом в соответствии с правительственным распоряжением о создании нормативных словарей русского языка **«Толковый словарь государственного языка Российской Федерации»**. В структуре СПбГУ существует целый «Институт проблем государственного языка», который в основном и занимался подготовкой издания. Сообщение о появлении словаря вызвало всплеск возмущения в национал-патриотической среде, однако осознать глубинный смысл произошедшего стало возможным только сейчас, после публикации Стратегии. И смысл этот прост: лишив русский народ политических прав, собственности, символического капитала, власть РФ решила забрать последнее оставшееся у него достояние — родной язык и сделать его орудием русофобской пропаганды и средством коммуникации (то есть объединения) враждебных русскому народу этносов и этнических групп.

Проведенный анализ показывает, что даже самые благозвучные тезисы Стратегии скрывают за собой глубинное русофобское содержание, пронизанное повторяющимся из страницы в страницу стандартным «либерально-многонациональным» набором штампов и

клише, которые обоснованно раскритикованы и отвергнуты теоретиками русского национал-патриотизма еще два десятилетия назад. Авторы Стратегии не видят назревших проблем в сфере межнациональных отношений и поэтому неспособны предложить эффективные варианты их решения. При таком «видении» реальности все описанные выше негативные тенденции и процессы будут только усиливаться и усугубляться. Конечным итогом станет прогнозируемый уже сейчас многими экспертами переход русского народа в статус этнического меньшинства на собственной земле в ближайшие десятилетия и неизбежный последующий распад государства.

Русским национал-патриотам не нужно впадать в иллюзии, читая очередной либеральный манифест. Нет смысла выискивать идеи, которых этот манифест не содержит и содержать не может. Необходимо помнить об ответственности перед широкими массами русского народа, которые ждут от политического авангарда объективной аналитики, а не детских восторгов перед умением либералов манипулировать внешне привлекательными тезисами. В Русском движении достаточно проектов и документов, на которые можно и нужно ориентироваться в стратегическом планировании.

9 ЯНВАРЯ. ИХ КРОВАВЫЙ СЛЕД

Среди мифов, созданных врагами России для дискредитации российской власти, до сих пор продолжает широко использоваться миф о 9 января, согласно которому, русское правительство, возглавляемое Царем Николаем II, заранее подготовило план массового убийства рабочих на площади Зимнего дворца для того, чтобы «задушить мирную революцию». Как показывают документы, на самом деле всё было с точностью до наоборот. Революционные организации намеренно разработали план «заговора на выступление», во время которого вооруженные революционеры собирались стрелять в Царя и полицию и создать, как они говорили, «священные жертвы среди рабочих», чтобы «возбудить массы на революцию». Руководил этим заговором Пинхус Моисеевич Рутенберг, впоследствии один из главных руководителей международного сионистского движения, чье имя до сих пор почитается миллионами сионистов. Рутенберг создал организацию, которой фиктивно руководил священник Гапон,

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

находившийся всецело под влиянием Рутенберга. В то время как сам Рутенберг всё время стоял за спиной Гапона.

Рутенберг стал прототипом Зейделя, героя повести Горького «Всё те же», который, по мнению писателя, «является могучим агентом модернизации и европизации русского общества в противоположность консерватизму азиатского черносотенства». Зейдель высказывает мысль о «бесполезности жизни среди пассивного Русского народа».

В конце декабря 1904 года по ничтожному поводу (увольнение четырех рабочих) вспыхнула многотысячная забастовка на Путиловском заводе (начальником мастерской здесь работал Рутенберг), которая потом перекинулась на другие предприятия. Организация забастовки велась опытными «революционерами». К 4 января бастовало 15 тыс. рабочих, к 6 января — 26 тыс., к 7-му — 105 тыс., к 8-му — 111 тыс. Была парализована работа значительной части оборонных предприятий, что с радостью отмечалось японской разведкой. Сколачивается стачечный комитет, создается большой денежный фонд помощи бастующим (большей частью из тех же иностранных денежных средств; рабочие, конечно, об этом не знали), из которого им платили пособия не меньше заработной платы. Все нити забастовок тянулись к организации, которую формально возглавлял агент полиции Гапон, фактически она находилась в руках опытных «революционеров», подобных Рутенбергу. Они поставляли для этой организации специалистов и инструкторов. Гапон, хотя и стремился играть большую роль, на самом деле служил только ширмой, удобной и выгодной для настоящих хозяев положения.

Незадолго до событий 9 января знакомый Рутенберга по Путиловскому заводу инженер М.К. Парадовский неоднократно беседовал с ним. «В это время, — пишет Парадовский, — я два или три раза виделся с Рутенбергом, и так как я знал, что он близок к Гапону, я, естественно, заговорил с ним об этом, и он поразил меня своим непониманием происходящего и только твердил, что чем хуже царю, тем лучше всем его верноподданным. (В другом месте Рутенберг злорадствовал над Царем и выражал надежду, что война подорвет его авторитет в народе. — **О.П.**) Когда я сказал ему, что верноподданные царя — это Русский народ, и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: «Гапон — это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает».

К началу 1905 года гапоновская организация стала серьезной силой. В нее входило 20 тыс. членов, среди которых было много поляков, финнов и евреев. Общество имело свои читальни, клубы, чайные. Рабочим читали лекции: по истории культуры и экономическим вопросам — юрист М.А. Финкель; по истории литературы — редактор «Тюремного вестника» Ф.Н. Малинин; по вопросам текущего момента — Н. Строев (С.Я. Стечкин).

«К 7 и 8 января, — пишет исследователь деятельности гапоновской организации А. Шилов, — социал-демократы настолько овладели... массой, что уже стали говорить, что при гапоновском отделе состоят особые должностные лица, называемые социал-демократами, и Гапон предложил устроить совещание с ними, которое состоялось 7 января».

Именно этими должностными «социал-демократами» составлена прокламация, которая 4 января была широко распространена по всему Петербургу. В прокламации выставлены требования: 1) образование комиссии из представителей рабочих и администрации, в которой решались бы вопросы об увольнении рабочих и о наложении штрафов; 2) повышение заработной платы; 3) 8-часовой рабочий день; 4) отмена сверхурочных работ; 5) ограничение детского труда; 6) вежливое обращение со стороны администрации; 7) политические свободы и Учредительное собрание.

Идея идти с петицией к Царю подана Гапоном и его окружением 7 января. Но рабочих, которых приглашали идти к Царю за помощью, знакомили с чисто экономическими и, можно сказать, разумными требованиями. Собираясь к Царю, гапоновские провокаторы даже распространяли слух, что Царь сам хочет встретиться со своим народом. Схема провокации такова: революционные агитаторы якобы от имени Царя ходили и передавали рабочим примерно такие «его» слова: «Я, Царь Божией милостью, бессилен справиться с чиновниками и барами, хочу помочь народу, а дворяне не дают. Подымайтесь, православные, помогите мне, Царю, одолеть моих и ваших врагов!» Об этом рассказывали многие очевидцы, например, большевичка Л. Субботина. Она же передала диалог с одним студентом-революционером: «Ну, товарищ Лидия, вы вдумайтесь только, какое величие замысла, — говорит один студент, которого мы прозвали Огнедышащий, — использовать веру в Царя и Бога для революции...»

Сотни революционных провокаторов ходили среди народа, приглашая людей 9 января к двум часам на Дворцовую площадь, заявляя, что их там будет ждать Царь. Рабочие готовились к этому дню, как к празднику: гладили лучшую одежду, многие собирались взять с собой детей. В общем, для большинства рабочих этот день представлялся большим Крестным ходом к Царю, тем более что его обещал возглавить священник, лицо духовное, традиционно почитаемое.

Да и власти вплоть до 8 января еще не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция — с экстремистскими требованиями. А когда узнали — пришли в ужас. Отдается приказ арестовать Гапона, но уже поздно, он скрылся. А остановить огромную лавину уже невозможно — революционные провокаторы поработали на славу.

Петербургские власти, собравшиеся вечером 8 января на совещание, понимая, что остановить рабочих уже невозможно, приняли решение не допустить их в самый центр города. Главная задача состояла даже не в том, чтобы защитить Царя (его не было в городе, он находился в Царском Селе), а в том, чтобы предотвратить беспорядки, неизбежную давку и гибель людей в результате стекания огромных масс с четырех сторон на узком пространстве Невского проспекта и Дворцовой площади, среди набережных и каналов. Царские министры помнили трагедию Ходынки, когда в результате преступной халатности местных московских властей в давке погибло 1389 человек и около 1300 получили ранение. Поэтому в центр стягивались войска, казаки с приказом не пропускать людей, оружие применять при крайней необходимости.

Стремясь предотвратить трагедию, власти выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января и предупреждающее об опасности. Но из-за того что работала только одна типография, тираж объявления был невелик.

8 января Гапон направил письмо министру внутренних дел, из которого видно, что в угоду определенным силам он обманывал как рабочих, так и самого Царя.

Очевидно, что Гапон, обманывая и Царя, и народ, скрывал от них ту подрывную работу, которая велась его окружением за их спинами. Он обещал Царю неприкосновенность, но сам прекрасно знал, что так называемые революционеры, которых он пригласил для участия в шествии, выйдут с лозунгами: «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», а в карманах их будут лежать бомбы и

пистолеты. Наконец, письмо Гапона носило недопустимо ультимативный характер: на таком языке разговаривать с Царем коренной русский человек не смел и, конечно, вряд ли одобрил бы это послание.

Гапон и преступные силы, стоявшие за его спиной, готовились убить самого Царя. Позднее, уже после событий 9 января, Гапона спросили в узком кругу: «Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событии 9 января и как часто можно было слышать суждение, что прими государь депутацию честь честью, выслушай депутатов ласково, всё обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, отче Георгий, что было бы, если бы государь вышел к народу?» Совершенно неожиданно, но искренним тоном Гапон ответил: «Убили бы в полминут, полсекунд!»

Представители всех антирусских партий распределялись между отдельными колоннами рабочих (их должно быть одиннадцать — по числу отделений гапоновской организации). Эсеровские боевики готовили оружие. Большевики сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (т.е. из тех же боевиков). Все члены РСДРП обязаны быть к шести часам утра у пунктов сбора. Готовили знамена и транспаранты: «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!» Упомянутая выше большевичка Субботина рассказывала о ночи, предшествовавшей 9 января:

«Входит Самуил-шапошник:

— Товарищ Лидия, где вы были? Я бегал, вас искал. Флаги надо шить.

— Кто заказал? Партия?

— Да мы на всякий случай сошьем, завтра чтоб были готовы.

— Ну, Самуил, ерунда. Я сейчас оттуда, от собрания, прокламации кто-то бросил, так они (рабочие. — **О.П.**) закричали: «Не надо нам бунтовщиков с их бумажками, с их флагами! Пускай завтра не сунутся, мы одни пойдем, чтоб Царь не подумал, что и мы — бунтовщики». Слышите, они нам места в рядах своих не оставляют. Пусть же одни — бараны — идут. Их вера в Царя — не моя вера, мои знамена — не их знамена. Слушает меня Самуил, ухмыляется».

Диалог Самуила с Лидией кончается тем, что они, каждый по-своему понимая задачу, принимаются за заготовку знамен.

9 января с раннего утра рабочие собирались на сборных пунктах. Перед началом шествия в часовне Путиловского завода отслужен молебен о здравии Царя. Шествие имело все черты Крестного хода. В первых рядах несли иконы, хоругви и царские портреты.

Но с самого начала, еще задолго до первых выстрелов, в другом конце города, на Васильевском острове и в некоторых других местах группы рабочих во главе с революционными провокаторами сооружали баррикады из телеграфных столбов и проволоки, водружали красные флаги.

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тыс. человек. Отдельные колонны насчитывали несколько десятков тысяч человек. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и чем ближе подходила к нему, тем больше подвергалась агитации революционных провокаторов. Еще не было выстрелов, а какие-то люди распускали самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки властей ввести шествие в рамки порядка получали отпор специально организованных групп.

Начальник Департамента полиции Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам, писал об этих событиях: «Наэлектризованные агитацией толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием...»

Шествие от Нарвской заставы возглавлялось самим Гапоном, который постоянно выкрикивал: «Если нам будет отказано, то у нас нет больше Царя». Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагали всё сильнее напавшей толпе остановиться, но она не подчинялась. Последовали первые залпы, холостые. Толпа готова была уже вернуться, но Гапон и его помощники шли вперед и увлекали за собой толпу. Раздались боевые выстрелы.

Примерно так же развивались события и в других местах: на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте. Появились красные знамена, лозунги: «Долой Самодержавие!», «Да здравствует

революция!» Толпа, возбужденная подготовленными боевиками, разбивала оружейные магазины, возводила баррикады. На Васильевском острове толпа, возглавляемая большевиком Л.Д. Давыдовым, захватила оружейную мастерскую Шаффа. «В Кирпичном переулке, — докладывал царю Лопухин, — толпа напала на двух городских, один из них был избит. На Морской улице нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдъегерь, причем его мотор был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Николаевского кавалерийского училища толпа стащила с саней, переломила шашку, которой он защищался, и нанесла ему побои и раны...

Всего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек ранено, из коих умерли до 27 января еще 34 человека (в том числе один помощник пристава)».

Всего было убито 130 человек и около 300 ранено. Так завершилась заранее спланированная акция революционеров. В тот же день стали распускаться самые невероятные слухи о тысячах расстрелянных и о том, что расстрел специально организован садистом-царем, пожелавшим крови рабочих.

Вечером 9 января Гапон пишет клеветническую подстрекательскую листовку:

«9 января. 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей, и всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить невинную кровь народную, разрешаю. Священник Георгий Гапон»

Поп Гапон сразу после трагических событий бежал за границу, где с помощью одного английского журналиста состряпал воспоминания, в которых частично приоткрыл свои связи, чем вызвал беспокойство сил, стоявших за его спиной. Он получал деньги от японского правительства, но не напрямую, естественно, а через некоего Сокова, японского агента, выдававшего себя за богача. После амнистии вернулся в Россию, поддерживал связи с полицией, хвастал, что обладает важнейшими документами, от опубликования которых может не поздоровиться многим.

В марте 1906 года Гапон был убит группой боевиков при личном участии Рутенберга якобы по приказу эсеровского ЦК (в который тогда входил провокатор Азеф) за связь с

полицией. Но ЦК эсеров после убийства отказался подтвердить это решение: выходило, что Рутенберг совершил это убийство из каких-то своих соображений. Что же касается связи Гапона с полицией, то она Рутенбергу была хорошо известна еще в 1904 году, а следовательно, эта связь — только повод для более важного шага — ликвидации опасного свидетеля. После убийства священника-provokatora его документы были затребованы в Берлин адвокатом Гапона Марголиным, а после смерти адвоката бесследно исчезли.

Рутенберг утверждал, что Гапона убили рабочие. Но, по данным «охотника за provokatorами» Бурцева, Гапона удавил собственноручно некто Деренталь — профессиональный убийца из окружения террориста Б. Савинкова.

Сам Рутенберг двумя годами ранее участвовал в первой антирусской революции, после поражения которой уехал в Италию, где сразу же занял видное место в сионистских и масонских организациях, дружил с Горьким. В 1917 году вернулся в Россию. В октябре 1917 года был помощником «диктатора» Петрограда Н.М. Кишкина, при благоприятных обстоятельствах мог сыграть при нем ту же роль, что и при Гапоне. В 1919 году уехал в Эрец-Исраэль, где получил концессию на строительство электростанции — первой в Палестине. В 1929 и в 1940 годах был председателем Национального комитета («Ваад Леуми»), фактически сионистского правительства еврейских поселений в Палестине. Умер в 1942 году в Палестине.

Еще один provokator, соратник Рутенберга по эсеровской партии Азеф, был публично разоблачен как агент полиции, бежал в Южную Америку. Умер в 1918 году в Берлине при невыясненных обстоятельствах.

От редакции

В советских учебниках истории день 9 января 1905 года значится как черный день «кровавого царского режима». Но этот же день 1918 года вообще никак в тех же советских учебниках истории не был обозначен. Однако он был не менее кровавым, правда, устроенным режимом отнюдь не царским.

Как известно, 5 января 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце начало работу Учредительное собрание, которое должно было избрать новую российскую власть и выработать новую общественно-политическую и экономическую форму дальнейшего существования России. Между прочим, в Учредительное собрание баллотировался

от Балтфлота и руководитель социал-демократов В.И. Ленин, несмотря на то, что революционный Совет, возглавляемый большевистскими социал-демократами под руководством Троцкого захватил власть в столичном Петрограде. Однако РСДРП, как известно, выборы в Учредительное собрание проиграла, а победителем оказалась партия правых эсеров, поддержанная в большинстве своем российским крестьянством. Такой расклад большевиков, естественно, не устраивал. И 6 января Учредительное собрание с помощью революционных матросов было разогнано, что вызвало, конечно, глубокое разочарование и возмущение жителей Петрограда.

9 января простой народ российской столицы вышел на демонстрацию с транспарантами в поддержку Учредительного собрания и требованием продолжения его работы. В тот же день В.И. Ленин приказал расстрелять демонстрантов из пулеметов. Это событие, как и цифры погибших, были скрыты в советской историографии. После чего в тот же год произошло самое страшное: красный террор, Гражданская война и убийство царской семьи.

Ирина ПРИЩЕПОВА

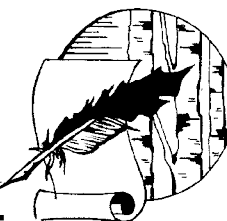
БАЙКАЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

От редакции. Наш журнал время от времени публикует очерки о байкальской природе иркутской писательницы Ирины Прищеповой. На протяжении многих лет она наблюдает за жизнью нашего «священного моря» и окружающего его растительного и горного мира, яркого, красочного, необычного, каждый раз дарящего взору новые краски и новые впечатления. Вот и вновь Ирина Прищепова прислала нам свои запечатленные в слове байкальские картины.

НА ИСТОКЕ АНГАРЫ МОРОЗНЫМ ВЕЧЕРОМ

В первый день зимы, холодный и ветреный, стою у не успевшего остыть Байкала. Он спокоен, чуть плещет слабой волной и исходит паром, который дружно устремляется вверх, но быстро тает. В километре от меня бурно дымит Ангара, её густой пар поднимается выше гор и широкой лохматой полосой уходит в Байкал. Предвкушая увидеть невероятную красоту, я иду к Ангаре. Дует встречный ветер, деревья вздрагивают тёмными голыми ветвями. Но холод вполне терпимый. Ближе к реке становится морознее. Деревья и кусты здесь белые, и хоть куржак покрывает их тонким слоем, они хороши!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

У самого истока ветер становится невероятно сильным и пронизывающим. Пар вздымается в небо и закрывает непроницаемой завесой правый берег Ангары, иногда приоткрывая вершину горы. В этом месте, где Байкал и Ангара разлучаются, с небес пробивается солнце и озаряет своим светом непередаваемо красивую картину. И если бы не она, я бы повернула к дому, так как было довольно холодно. На бетонной стене, как на подиуме, в ряд выстроились деревца и кусты, словно представляя свои изумительные ледяные наряды. Хвала байкало-ангарской водичке, это она, великая художница, исходя паром и брызгая волной, постаралась на загляденье нарядить обычные растения!

Останавливаюсь у двух маленьких сестёр-берёзок, растущих почти впрытык друг к другу. Мороз и вода дали им одно на двоих ледяное обличье. Упругие короткие ветки берёз, несмотря на тяжёлый лёд, устремлены вверх, но большая часть веток слегка согнулась под тяжестью чистейших длинных сосулек и напоминает дорогие белые гребни искусной работы. Лёд укрыл берёзки плотно, почти без просвета, лишь с краю со стороны воды образовалось оконце, обрамлённое ветками и остриями ледяных иголок. В этом оконце виднеется кусочек живой парящей воды. Недалеко от берёз красуются кусты шиповника, сквозь хрусталь которых светят жёлтые листья и оранжевые ягоды. Ещё дальше щеголяет в прозрачном наряде кустик с тёмными ягодами. Рядом с ним белеют кусточки полыни и стебельки тысячелистника с соцветиями в ледяных шапочках. И повсюду виднеется множество принаряженных морозом травинок, незаметных глазу летом. Все растения от мала до велика ещё недавно были голенькими и незаметными, а теперь облачились в праздничные белые одежды и украсили собой место своего рождения. Гляжу на удивительное нерукотворное полотно и не могу наглядеться. От мороза и красоты перехватывает дыхание.

Пока я заморожено смотрела на зимнее величие, через исток пошёл паром. Он то полностью исчезает в тумане, то, как призрак, чуть показывается из него и снова тонет в густоте испарений. И вот он совсем скрывается из вида в плотной дымящей завесе.

Порядком замёрзнув, иду дальше берегом Ангары. Здесь туман долетает до неба и царят сумерки. Река зажата горами, и левый берег страдает от нехватки солнца даже в летнее время, а в самые тёмные дни солнце бывает здесь часа два в сутки, да и то, если испарения не закрывают собой небо. Несмотря на то, что всё здесь выглядит, как в чёрно-белом

кино и туман делает видимость плохой, кругом восхитительно красиво. Гора сплошь поросла лесом, он весь белый, мохнатые деревья качаются от ветра, но иней с них не слетает. С тихим восторгом смотрю на белейший и чистейший сказочный лес.

Зима на истоке суровая, ветреная, седая, с косматыми туманами, с косматыми деревьями. От стылой сырости Ангары достаётся всему живому. И если на горе деревья хоть немного защищают друг друга от ветра, то одиночные растения у самого берега совершенно открыты стихии, беспомощны перед ней. Передо мной несколько сосенок, они стоят у берега в таких тяжёлых шубах, что не выдержали тяжести и склонились в сторону реки, словно моля пощадить их. Но ветер их не щадит, он, не затихая ни на минуту, свирепо гонит на них волны и стылый пар. Вот стоит берёзка, ветер развевает её светлое платье, а за ней прячется сосенка в толстой шубке, она наполовину меньше берёзки и по-детски прижимается к своей спасительнице. А молодым кедр и лиственнице толстый слой инея не помеха, легко стоят они, высокие и стройные, и чаруют зимней красотой. Встретилась и непокорённая сосенка, замётённая у подножия снегом, а сверху укрытая толстым слоем куржака. Её макушка напоминает крест. Похоже деревце на маленькую часовенку. Недалеко от неё у самой Ангары стоит большая раскидистая берёза, нижние ветви которой, опущённые толстым слоем инея, согнулись до самой земли и образовали три пышные арки, словно приглашая пройти под ними к реке. А у самой воды качается на ветру борщевик, ставший необычным зимним цветком.

Окончательно замёрзнув, с благодарностью щедрой и суровой природе направляюсь в сторону Байкала, окидывая прощальным взглядом седой лес. Не только растения, но и лесничество, и машины стоящие возле него, и деревянные дома с заборами — всё в куржаке, всё прекрасно вписывается в общую картину, бедную на краски, но потрясающе-красивую.

Выхожу к Байкалу. Здесь светло и по-вечернему ярко. Солнце кажется большой лампадой, оно вот-вот зайдёт за горизонт и прощается с Байкалом оранжево-розовой зарёй, тщетно пытаясь согреть эту выстуженную чудесную землю, напоминающую кусочек Русского Севера.

МЕДУНИЧНЫЕ ОЗЁРЦА

Дни становятся теплее, солнце — ласковей. А Байкал всё ещё поживает под ледяной крышей. Но лёд стал совсем

некрепким: снег, толстым слоем лежащий на его поверхности, растаял, просочился внутрь и подточил изнутри ледяной панцирь. Разрушается прибрежный стык, и вдоль него образовались узкие длинные вмятины, полные воды, — радость для птиц, которые то и дело прилетают сюда испить водицы. Хороший ветер — и льду не устоять: разорвёт его, рассыплется он иголками и станет байкальской водой.

Вовсю цветут наши байкальские подснежники. А за ними устремляются в весну сразу несколько видов сибирских неприхотливых цветов, среди которых особое место занимают красавицы-медуницы, одно из первых украшений голых сибирских лесов. Среди мёртвой жухлой травы вдруг появляются мягкие, бархатистые, заострённые кверху листочки. Затем — стебельки, которые становятся всё заметней, всё выше. А на стебельках появляются объединённые в соцветия крохотные кувшинчики. И вот они открываются. Каждый кувшинчик сложен из пяти широко открытых синих или розовых лепесточков, упрятанных в мягкие остроконечные чехольчики. И каждый полон лесного богатства — вкусного нектара, который так любим дикими пчёлами. Они то и дело садятся на медуницы, с головой погружаясь в заветную глубину цветков, ищут тонким жалом на дне кувшинчика белую трубочку, а найдя, пьют нектар с большим удовольствием, обо всём забывая.

Цветы медуницы разные: синие и розовые. Но побеждает синева: заросли цветущих медуниц имеют синий цвет. Расплескала весна медуничные озёрца густой синевы по оживающим лесам. Синий Байкал, синие небеса, синие жемчуга медуниц — всё это любимая весна, от которой сладостно замирает сердце.

ПЕРВЕНЦЫ ВЕСНЫ

Апрельский день. Байкал ещё спит глубоким сном под крепким льдом, покрытым свежавывавшим искрящимся снегом. Высокие вершины далёкого Хамар-Дабана сияют царственной белизной. Но несмелая ласка солнца уже коснулась чёрных от весеннего пала прибайкальских гор, и земля дышит тепло и радостно. Сквозь мягкую почву кое-где начинают пробиваться тонкие травинки-щетинки. Вначале они еле заметны. Травка окрашивает горы в зеленоватый цвет, что можно заметить только на некотором расстоянии и только присмотревшись. Каждый день ёжики травы, подрастая, понемножку добавляют природе зелёной краски.

Кое-где среди младенческой травы появляются чуть видимые пупырышки — зародыши будущих подснежников. Они совсем малы, неказисты. Если слегка к ним прикоснуться, можно почувствовать их мягкую, нежную пушистость. На прогретой земле им тепло и уютно, как в колыбельке.

Земной тёплый уют может внезапно смениться обильным снегопадом. Но слепым несмышлёнышам снег не страшен. Укрытые снежным одеялом, спят крохи сладким сном. А весеннее солнышко быстро превращает пушистое белое одеяло гор в сладкую студёную водицу.

Земля питает и лелеет своих маленьких детей, солнышко их ласкает, и вот через неделю-полторы открываются жёлтые реснички-лепестки, и ясные, детские глаза подснежников с восторгом и любопытством впервые смотрят на мир, в который они пришли. Стоят подснежники на тонких хрупких ножках. На шее у каждого жёлтенького юнца — мягкие пушистые шарфики.

Подснежники раскрываются один за другим и быстро наполняют горы своим весёлым солнечным светом, светом весны. В этом великий смысл их короткой цветочной жизни.

В холодное время цветы закрываются и превращаются в тёплый спасительный домик для диких пчёл, в котором насекомые сладко спят, не чувствуя холода.

На первый взгляд, все подснежники кажутся одинаковыми, но, вглядевшись в них, видишь, что у каждого своё «лицо». Милое, обаятельное, особенное. И рост у них разный. И судьба — тоже разная. Одни цветочки растопчут, другие сорвут, чтобы украсить дом. Бывает и такое: сорвут и сразу выбросят. Но многие подснежники проживут счастливую жизнь: несколько дней они будут цвести на радость миру в родном лесу. А потом станут угасать и осыпаться. И с лёгкостью уступят они землю своим более поздним цветочным собратьям.

И всё же эти весёлые ребята всегда бывают первыми цветами, которые откликаются на зов солнышка, просыпаются от земного тепла. Они делают большое дело: открывают пору цветения. Они дарят нам радость ранней весны.

ЛЁД УНОСИТ!

В последний день апреля с утра светило и почти полетному припекало солнце, но к вечеру по прогнозу ожидался

сильный ветер, а значит, нашему байкальскому льду оставалось лежать считанные часы. Вчера я ходила посмотреть на лёд. Он был измождён весенним теплом и представлял собой жалкое зрелище: серый, неровный, ноздреватый, рыхлый, весь в больших и малых трещинах. Снег на нём давно растаял, влага просочилась внутрь и основательно подточила его. Кое-где через трещины на поверхность вышла вода и образовала мутно-зеленоватые лужицы. Недалеко от берега чернели с десятков кем-то брошенных камней. Унылости добавляло низкое, тяжёлое, бесцветное небо. Было совсем тихо. Казалось, природа замерла в ожидании, когда же наконец ветры разобьют надоевшую обветшалую ледяную крышу, скрывающую Байкал от взора.

В пятом часу вечера сорвался ветер, да такой недюжинной силы, будто томился он где-то взаперти, долго копил силы и вот вырвался наружу и, поднимая тучи пыли, стремглав летит освобождать Байкал от ледяных оков. Я поспешила провожать лёд. До Байкала всего-то метров сто пятьдесят пути, но пройти эти метры оказалось не так-то просто: густая пыль мешала дышать, порывы ветра норовили сбить с ног и высоко поднимали мусор; по улице катились пластиковые бутылки, в воздухе летали целлофановые пакеты — то, что человек щедро бросает на землю у байкальских берегов. Деревья на горах заходились в бешеной пляске, клонились к земле.

Кое-как добралась я до склона и стала смотреть с возвышенности на то, что происходит на Байкале. Хотя был ранний вечер, от пыли сразу стало темно. Ближайший мыс в трёх километрах от меня был еле виден. Яростный ветер лихо налетал на ледяное поле. Слабый лёд не мог долго выдержать такого натиска. В одном месте его разорвало сразу, полоса воды начала быстро увеличиваться, открывая тёмную воду. Ветер растревожил её, и она заплескалась белыми волнами. Волны! Как давно я их не видела, не слышала их плеск, и вот они, передо мной, первые волны после четырёх месяцев сна Байкала! И пусть они совсем небольшие и окружены льдом, разгуляться им негде, но это всё-таки волны. Появились разрывы и в других местах. Лёд уступал место воде. Его несло и ломало. А ветер буйствовал, и рвал, и гнал лёд, не переставая.

Я стала спускаться на берег, чтобы посмотреть на воду вблизи, и убедилась, что находиться среди разбушевавшейся стихии небезопасно. Когда проходила мимо лодочного

гаража, много лет назад обитого железом, которое проржавело, местами отошло и теперь содрогалось и громыхало от урагана, вдруг оторвало ветром большой лист железа, и он стремительно пронёсся всего в метре от меня. А стоя на берегу, я услышала, как что-то тяжёлое ударилось о другой гараж совсем рядом со мной. Смотреть не стала, взгляд был прикован к Байкалу, меняющемуся на глазах.

С каждой секундой Байкал всё более оживал и показывал свой бунтарский дух под стать урагану. Казалось, он соскучился по ветру — своему вечному спутнику и рад был тому, что ветер с такой удачей справился со льдом и освободил его, своего вольного друга.

Открылись прибрежные камни. Возле них покачивались на воде и с шуршанием распадались на иголки мелкие льдинки, полосой лежащие у берега. Воды становилось всё больше, а льда всё меньше, и уносило его всё дальше, да и не лёд это уже был, а отдельные льдины, многие ещё крупные, но они сталкивались друг с другом и с треском ломались. И вот сплошная полоса изломанного льда наконец исчезла из вида. А вода бурлила, темнела под неприветливым небом, но в ясный день заиграет она разнообразием красок и оттенков.

Наконец Байкал открылся! Открылся надолго. На моих глазах произошло изумительное событие, которое бывает раз в году и к которому привыкнуть невозможно: каждый ледоход особенный, неповторимый, долгожданный...

Вдоволь насмотревшись на свободное наше море, пошла к дому. Сидя дома, слушала, как беснуется ветер. К ночи повалил снег, и земля стала белой. Только ненадолго. Завтра май, весна сильна, и со снегом она справится быстро. Главное, что Байкал теперь будет радовать шумом волны и блеском солнца.

ЖАРОК

Появление пылающего цветка в тёмных, выстуженных лютой зимой сибирских лесах, можно объяснить только даром небес. Легко верится в его рождение из искорки бога-кузнеца Сварога, яркой звёздочкой слетевшей на суровую мёрзлую землю. В том месте, куда упал огонёк, зародился крохотный неприметный цветок. Нельзя было догадаться, что в его тугом бутоне до срока надёжно укрыт от ветра, дождя и снега чудесный пламень. А когда ранним весенним утром цветок разжал лепестки, лес озарило божественное

сияние, осветившее деревья снизу, из росистой травы. Тьма и холод отступили. Огненный цветок пылал, как сердце Данко, и, как Данко, был одинок. Взошло солнце, и просвеченные им тонкие оранжевые лепестки, похожие на язычки пламени, затрепетали, заиграли от прикосновения лёгкого ветерка. Душа цветка горела несколько дней, даря миру красоту и любовь, и сгорела без остатка. Когда осыпались лепестки неведомого миру прекрасного цветка, стало так грустно и пусто, как бывает поздней осенью. Вскоре мир погрузился в зимнюю спячку, беспросветную и бесконечную. Но цветок уцелел под глубокими снегами, растопил их, сумел сохранить живой свет и передать его другим. К счастью, природа бережёт, восстанавливает и множит детей своих.

Пришла новая весна, и в лесу воссияли цветы-огоньки. Роши и поляны охватил радостный пламень, вдохновляющий, согревающий сердца. Пожар из жарков нисколько не страшен, огненные головки не опалят крохотные лапки и воздушные крылышки привлечённых светом насекомых. Оранжевые лепестки горят огнём поэзии, лесной мир от них становится празднично-светлым.

Сибиряки называли удивительные цветы жарками. Жарок — это живой костерок, у которого можно сидеть бесконечно долго и не отрываясь смотреть на горящие угольки лепестков. Жарок — нежное солнце сибирского леса. Жарок — доброе любящее таёжное сердечко. Жарок — святая свечка, зажжённая во славу и бессмертие родной природы.

ТАПОЧКА НА РАДОСТЬ БАБОЧКЕ

В конце июня выдался на Байкале один из таких благословенных дней, о которых зимой вспоминаешь, как о счастье, канувшем без возврата. Вода хорошо прогрелась, и началось раннее для байкальских мест купание. Мы с сыном Мишей и нашим белым пёсиком Тимохой, бывшим беспризорником, решили искупаться. Я прихватила с собой тапочки для купания. Они случайно попались мне на глаза в одном из магазинов осенью прошлого года, и, хотя купальный сезон закончился, я решила их купить, зная, что они пригодятся в следующем году: ходить голыми ногами по нашему каменистому, скользкому дну трудно и небезопасно.

Итак, мои тапочки, цвета ясного неба, год дожидались своего часа, и вот их время пришло. Я обула тапочки и перед тем, как зайти в воду, села на горячий песок посмотреть на Байкал. У берега вид был обычный и не очень привлека-

тельный: настала короткая пора цветения тёмно-зелёных скользких водорослей. Я отвела от них взгляд. В противоположной стороне, на пирсе, метрах в ста от меня, веселилась ребятня. Дети то по одному, то по несколько сразу бежали к концу пирса и с размаху плюхались в воду. Без конца слышались шлепки о воду и крики восторга ныряющей детворы. В Байкале золотилось июньское солнце. Вдали несколько белых теплоходов, окружённых чайками, утюжили байкальскую гладь. Слева от меня в небесной лазури, над зелёным мысом Берёзовым, медленно росли три облака, похожие на грибы. Центральный «гриб» был намного больше остальных и рос быстрее. Сказочные белые грибы над таинственной гладью Байкала, играющего солнечными бликами, напоминающими живые звёзды! Облака чётко отражались в синей воде. И эта вода, прогретая и просвеченная солнцем, конечно же, манила к себе.

Только я хотела встать и пойти искупаться, как на мою голубую тапочку на правой ноге села заурядная белая с тёмными прожилками бабочка. К ней мигом подскочил мой пёс с явным намерением схватить её. Недавно одна из бабочек уже побывала в Тимкиной пасти. Мне удалось её быстро оттуда вызволить и отпустить на волю. И теперь я, опасаясь за судьбу бабочки, быстро взяла её и подбросила в воздух. Бабочка неспешно сделала надо мной большой круг и села на ту же тапку. Пёс вновь к ней подскочил...

Я спасала бабочку раз десять, но она упорно возвращалась на тапочку. Причём с каждым разом полёт её становился всё короче. Пёс же раззадоривался всё больше. И тогда я попросила Мишу унести бабочку за лодочный гараж, что был метрах в тридцати от нас. Ему в руки бабочка не далась. Пришлось взять её мне и передать сыну. Он отнёс бабочку и вернулся. Прошло менее минуты, и она вылетела из-за гаража и взяла курс на тапочку. Мой Тимофей, молодой и очень активный, не дремал. Я снова взяла бабочку в руки и попросила сына отнести её подальше. Он унёс её намного дальше, чем в прошлый раз. Но это также не помогло. Через минуту-две упорная бабочка снова была на тапочке. Когда Михаил понёс её в третий раз, я зашла в воду по пояс и стала смотреть, что будет дальше. Бабочка, конечно же, снова показалась, и, не найдя тапочку на месте, быстро замахав крыльями, полетела дальше. Потом вернулась и полетела в противоположном направлении. Затем вернулась ещё раз. Летела быстро, и как мне показалось, нервно махала крыльями. На этот раз она улетела и больше не появилась...

Искупавшись, я сидела на берегу и размышляла. Почему бабочке так понравилась моя тапочка? Почему только одна тапочка? Почему она мне давала взять мне себя в руки, а сыну нет? Где она сейчас? Продолжает ли искать тапочку, так ей понравившуюся? И не находила ответа ни на один из вопросов. А за время моего пребывания на берегу облачные грибы стали намного больше, значительно ко мне приблизились, их отражения всё так же чётко белели в байкальской воде, воде прекрасной, вечной, хранящей бесконечное множество тайн.

УТРО ЛЕТНЕЙ ЗАСУХИ

Летним утром выхожу из дома прогуляться вдоль Кругобайкалки. И сразу за дверью ждёт меня разочарование. Несмотря на раннее утро и середину августа, солнце уже ощутимо припекает с ясного неба. Всё лето стоит жара, дожди очень редки и скупы. Трава и цветы засыхают, начинают желтеть деревья. Природа тщетно молит небо о влаге. Настроение унылых растений быстро передаётся и мне. Жара и сушь очень надоели. Понимаю, что ещё хуже частые дожди, заливающие всё вокруг и приводящие к наводнениям. Да, всё хорошо в меру. Золотое слово — мера! Но она бывает далеко не всегда. В это лето солнце палит уж точно без меры. Спасением для многих является Байкал. Вода прогрелась хорошо, и люди не вылезают из воды с утра и до вечера.

Иду по травянистой тропинке рядом с рельсами. Над головой ни облачка. Только совсем далеко, ближе к другой стороне Байкала, видна узкая полоска белых облачков. Да несколько белых, размытых в синеве полос еле заметны над мысом Бакланьим, что врезается в Байкал километрах в шести-семи от меня.

Постепенно моё недовольство начинает таять в лучах утреннего солнца. Нежная синева неба, лазурная вода, прибрежное разноцветье заставляют меня взять в руки телефон и фотографировать. Чуть покачиваются в зелёной траве золотистые злаковые травы, цветёт скромная полынь, желтеет солнечный донник, белеет чистотой тысячелистник, ещё свежи немногие головки стойкой левзеи. А рядом некоторые травинки и кусты оделись в яркие осенние наряды. С откосов смотрятся в байкальскую воду берёзы и черёмухи. Вот быстро и шумно, разрезая голубую гладь, проплыла лодка, оставляя после себя тёмно-синие волны. И над этой

разноцветной красотой порхают и сидят на цветах бабочки. Мои попытки их сфотографировать успехом не увенчались. В это утро они оказались очень осторожными и не дали мне приблизиться.

Фотографируя байкальские красоты, дошла до звонкого родничка, бьющего из-под горы. Больше ста лет назад при строительстве Кругобайкалки его заботливо выложили отёсанными каменными плитами, которые прекрасно сохранились. Подхожу к роднику, ставлю бутылку под струю, вытекающую из металлической трубы и, пока она наполняется, отвожу взгляд и вижу в воде тонущего кузнечика, который уже почти не шевелится. Бедный кузнечик, как и все вокруг, мучился от жажды, хотел напиться, но ему не повезло: поток воды его отнёс от берега. Кузнечик зацепился за травинку, чуть торчащую из воды, остановился, а возможности выбраться на сушу у него не было. Взяла я кузнечика и отнесла на траву подальше от воды. Постепенно он начал оживать, шевелить лапками. А я пошла на скамейку и стала смотреть свои снимки. Они мне очень понравились. «А ведь совсем неплохое выдалось утро», — подумала я. — Вот кузнечика спасла! И природа сегодня прекрасна! И замечательные фото сделала! И солнце в это лето щедрое! Я ведь очень люблю солнечные дни. Кто знает, может, до следующего лета и дожить не придётся, так вот нынче и солнце мне светило с запасом. А если идут дожди без меры или всё лето стоит засуха, так не человек ли в этом виноват? Сколько загублено лесов, сколько воды отравлено! А, значит, и жаловаться не нужно.

Я поднялась со скамейки и пошла в сторону дома, глядя на синеву Байкала и неба, на разноцветье гор и откосов. И лишней раз убедилась, что настроение наше зависит только от нас самих, а природа байкальских мест всегда удивительна: и в холод, и в жару, и в штиль, и в сильный ветер, и в снег, и в дождь, и даже в засуху.

ЛЕСНЫЕ ПРОГУЛКИ

До любимой черничной горки от моего дома всего минут двадцать ходьбы. Одолеваешь небольшой, но крутой подъём, и покорённая вершина открывает Байкал, возносит над его могучей вольной бездной. Замирает сердце, когда видишь, как в окаймлении зелёных гор дышит огромная синяя ширь. Катера и лодки, которые с высоты кажутся детскими кораблями, уютят байкальские просторы, полные

солнечного золота. А над водой белым снегом кружатся чайки. Красота нескончаемая, Богом данная!

Налюбовавшись Байкалом, ступаешь на поросшую низенькой травкой узкую горную тропку, зелёную, прохладную, то мягкую, как ковёр, от травы, то пружинящую под ногой от змеевидных прочных корней. Вскоре деревья за спиной смыкаются и закрывают Байкал зелёной плотной завесой, а тропа становится широкой ковровой дорожкой, которой нет износа, и постелена она для всех и каждого. По обеим сторонам тропа густо поросла деревьями и кустами, протягивающими в высоте друг другу ветви. Посмотришь вверх, а над головой — берёзовые и ольховые арки, играющие позолотой лучей. Идёшь под ними неторопливо и глубоко вдыхаешь чудодейственный воздух, который здесь, в тени лесов, обдуваемых ветерком, настаивается тысячелетиями. Целебный, душистый воздух — один из самых дорогих даров сибирского леса.

Недолго путь по благодатной тропе. Постоишь немного на ней при расставании и сворачиваешь в сторону Ангары. Несколько десятков метров — и вот уже река видна из-за пышных причёсок берёз, кедров, сосен. В этом месте она только-только зарождается и начинает свой тысячемильный путь к Енисею. Здесь, у самого истока омывают ангарские воды подводную скалу, именуемую Шаман-камнем, воспетую в древних легендах.

Хорошо брести по горке среди мшистых кочек, еловых лап, пробовать спелые ягоды. Люблю бывать здесь в июле и августе, особенно во второй половине августа, когда поселковый люд уже насобирался черники, наелся и можно побродить по лесу в полном одиночестве. Перед уходом в лес не завтракаю и обед с собой не беру. А зачем? Сейчас такое время, когда в лесу, «под каждым листком... готов и стол, и дом». Стол — богатейший, дом — уютнейший! Краснеют ягоды рябины. Стала чёрной черёмуха. Влекут взгляд сердоликовые плоды шиповника. Встречаются созревшие яркие грозди костяники. Черника напилась солнышком и соками земли, налилась, отяжелела. И стала похожа на крохотную планетку, таящую в своих недрах огромную пользу и волшебную силу. Кое-где между крупными и сладкими ягодами черники, от тяжести клонящейся к ярко-зелёному мху; вызревает брусника, которую за её витаминные сокровища называют царицей ягод. Некоторые ягоды ещё пока белобокие, кислые, и потому они не прячутся от глаз, не боятся, что их съедят. Но

попадает и совсем спелая брусника, тёмная, неприметная в мховой тени.

Какое удовольствие набрать горсть разных ягод и отправить их в рот! Зажмурившись от наслаждения, ощущать непередаваемую радость кисло-сладкого вкуса. И не нужно ни сахара, ни мёда, ни конфет. Ничего не нужно, кроме этих щедрых лесных подарков, заботливо для тебя припасённых. Можно есть ягоды стоя, можно — сидя на кочке, как в удобном кресле, а можно — и лёжа, блаженствуя на мягчайшей мховой перине. Лес — рачительный хозяин, и всё здесь имеется: богатая столовая, уютные места для отдыха, чудесная вкусная аптека.

На горке выстроено много домиков-муравейников — целый город! Они самой разной величины и высоты. И в каждом кипит жизнь, везде без устали трудится маленький народец. Муравьи очень малы, но сильны сплочённостью и отвагой, чему свидетельством являются нетронутые ягоды вблизи муравейников. Люблю подойти к муравейнику с тыла, где нет муравьишких троп, слегка к нему прикоснуться, увидеть и почувствовать на руке светлые брызги муравьиного спирта, а затем поднести руки к лицу и вдыхать этот острый целительный запах. Муравейник сразу закипает: волнуются его жители, бегают, суетятся, начинают кусаться. Ведь для них появление такого гиганта как человек — чудовищное вероломное нападение на святая святых: на родной дом. И нужно побыстрее отойти, чтобы здесь снова установился привычный рабочий ритм.

Не только муравьи хлопочут и готовятся к долгой суровой зиме. Наплели, раскинули по лесу серебряные сети пауки. И, растолстевшие, ждут они, схоронясь в сторонке, новую добычу. Раздобрели и гусеницы. Но питаться продолжают неустанно: есть без остановки — главная их задача. Где-то недалеко стучит дятел. Пробежал по делам полосатый бурундучок. Все — в работе, никто не теряет времени даром.

Ходишь по ягодной горке от кочки к кочке, от муравейника к муравейнику, от дерева к дереву, и не заметишь, как начинает темнеть. Не хочется расставаться с лесом, но нужно пускаться в обратный путь. Туда, где приютился меж скалистых гор родной посёлок, туда, где ласково плещет Байкал. Чувствуешь приятную истому во всём теле и понимаешь, что не зря прошёл августовский день: дал он здоровье, силу, подарил вкуснейшее угощение и хорошее настроение. И так приятно будет вспоминать лесные прогулки зимой, холодными вьюжными вечерами в ожидании весеннего тепла.

ОКТЯБРЬСКОЕ НЕНАСТЬЕ

В осеннюю прелесть тихого солнечного утра решительно, вероломно ворвался ветер. Трава затрепетала, стала порывисто прикипать к земле, словно прося защиты. Ветви деревьев заметались, стволы закачались. В синем небе сделалась золотая метель. Охапками взмывали листья берёз, беспомощно падали на землю язычки рябинового пламени. И за короткое время безудержного буйства ветер превратил богатые одежды деревьев в жалкие отрёпья.

Серая пелена сплошь закрыла синее небо. Потемнела, нахмурилась земля, так зависящая от солнца. Казалось, наступили сумерки. Серость неба, холодный ветер, пустота леса... И на душе стало пусто, одиноко. Будто улетело вместе с листвою что-то значительное, дорогое. Даже Байкал не способен сейчас скрасить тоску по ушедшему теплу. Он сам не может опомниться от ненастья, вороном налетевшего на него, на окружающие его разноцветные леса и в одночасье растрепавшее большое лесное богатство в пух и прах. Порывистый ветер никак не успокоится, будоражит, вздымает беляки на свинцовой поверхности угрюмого Байкала.

Черна возле Байкала черёмуха. Качая ветвями, в скорби клонит она голову над неласковой водой. Только что открытая всем ветрам трепетала она праздничными листьями-флажками. А теперь обнажились её кривые сухие ветви. Несколько ветвей, качаясь, тянутся к небу, словно молят о тепле, о пощаде.

Возле края тропки у Байкала замечаю мёртвого черного жучка. Лежит он на спинке со сложенными лапками. Я не раз видела его здесь летом. Он направлялся по каким-то делам. Тут под камнем был его дом, от которого жучок далеко не уползал. Для жизни ему было достаточно малого расстояния. На своём обжитом пятачке он и остался лежать. Почему жучок не успел спрятаться, спастись? Хватило ли ему короткой жизни всего в одно лето? Неисчислимое множество таких вот маленьких, незаметных человеческому глазу существ, погибло в этот день от непогоды...

С неба стали падать тяжёлые капли дождя, перемешанные со снегом. Они бьют прицельно и хлётко. От их ударов беспомощно, обречённо вздрагивают осиротевшие ветви деревьев и уцелевшие листья дикой малины. Снежно-дождевые сгустки тают на малиновых листьях, ещё тёплых, и капают с них крупными слезами. Плачет небо, плачут

деревья, плачут кусты. Во множестве падают слёзы в поникшие травы...

По прогнозу снег прекратится только под утро. В лесах в эту ночь наверняка мокрый снег в прямом смысле наломает дров. Многие деревья не выдержат огромного его веса. Часть ветвей обломится полностью и упадёт на землю, другие сломаются до середины, и останутся торчать на деревьях их белёсые обрубки. Одни несчастные деревья стихия повалит с корнем, и завалят они горы и тропы, другие переломает, расщепит надвое, перекрутит, покалечит.

Коварен мокрый снег, беспощаден. Весной и осенью он собирает большие жертвы среди древесного народа. Многие деревья он оставляет инвалидами. Одним из них удаётся кое-как себя залечить, зарубцевать раны, а летом прикрыть изъязны зеленью. Другие обречены на медленную смерть. И ничего с этим не поделать. Болезненны для природы переходы к лету и зиме: расплавляется она в это время своими прекрасными созданиями...

Завтра утром выглянет солнышко. Обогреет, обсушит оно озябшую землю. Голубым зеркалом будут неподвижно лежать воды Байкала. Наступят тишина и покой. И даже будет тепло. И всё же сегодняшний день — переломный. Дни теперь станут намного свежее, а ночи — холоднее. И лес теперь останется голым, насквозь пропитается синевой, и вскоре его нагота станет привычной глазу. Будто и не было летней зелени, будто и не зажигала осень в лесах своих разноцветных поэтических костров. Сорвала непогода с деревьев наряды. Напомнила о снеге. И начинается новая жизнь лесов и лугов: без листвы, без травы. И душе надо готовиться к зиме. Где-то на подходе уже снега настоящие, сибирские. Скоро пышно лягут они на остывшую землю, и наступит глубокое зимнее безмолвие.

ДОРОГА В ОБЛАКА

Находясь внизу, перед тем как сесть в машину, я смотрела на молочные пушистые облака. Они были подвижны, изменчивы, вольготно купались в синем небесном море, перетекая друг в друга. Они притягивали взор. Хотелось смотреть и смотреть на облака, такие далёкие, такие высокие. И вот мы поехали им навстречу. По горному извилистому шоссе мы возносились в небо. Мы поднимались всё выше, то легко преодолевая небольшой подъём, то с трудом вползая на крутизну. Временами от быстрого

подъёма закладывало уши. Деревья за окном разбегались в разные стороны, уступая нам дорогу. Всё ближе был бело-синий живой простор. Облака становились всё дороднее, пышнее, могучее. Казалось, ещё немного, и можно будет прикоснуться к ним. Близость к облакам, к небу — ощущение непередаваемое. Недаром всё: травы, деревья, птицы, люди — тянутся к небу. А приземлённость бывает от незнания неба да от бездуховности.

Вспомнились любимые строки Лермонтова, восхищённого Кавказскими горами:

*Синие горы Кавказа, приветствую вас!
вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
вы к небу меня приучили,
и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе...*

И пусть наши прибайкальские горы далеко не самые высокие в мире, но они тоже — ступени в небеса. И ступени — грандиозные! Их снежные гольцы белеют девять месяцев в году. Их хребты устремлены ввысь, а отроги уходят в неведомые глубины Байкала. И к ним, как и ко всем горным вершинам, можно отнести строки Лермонтова:

*Престолы природы,
с которых, как дым, улетают громовые тучи,
кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился,
тот жизнь презирает...*

Нам не дано испытать ощущение полёта. Самолёты, вертолёты и даже парaplаны и дельтапланы — всё не то. Не дают они возможности так слиться с воздушной стихией, как это делают птицы. Нам не дано ощутить, как разрезает воздух крыло, как оно поднимает всё выше, как замирает от высоты дух, как трепещет он от горней радости. Но чувство причастности к небу летательные аппараты всё же дают. И, конечно же, дают его, вознося нас над земным миром, горы...

Хорошо жить в горах. Первыми встречать рассвет. Дружить с облаками. Дышать свежим живительным воздухом.

*Воздух там чист, как молитва ребенка;
И люди, как вольные птицы, живут беззаботно.*

*Часто во время зари
я глядел на снега и далекие льдины утесов;
они так сияли в лучах восходящего солнца,
и в розовый блеск одеваясь, они,
между тем как внизу всё темно,
возвещали прохожему утро...*

Как прекрасна Лермонтовская песнь горам, небу!..

Вот приоткрылась берёзово-еловая ширма, и показался призрачный Байкал. Его дивное свечение было далеко внизу. Мы парили над Байкалом, парили вместе с быстрыми пушистыми облаками. И потихоньку начали к нему спускаться...

Хотя облака были совсем близко, но всё-таки они остались недосыгаемыми. Не удалось примерить облачные одежды. И, наверное, хорошо, что не удалось. Светлое, высокое всегда должно быть выше, хоть чуть-чуть, но выше. Иначе куда нам стремиться?

О БАЙКАЛЬСКИХ ВОЛНАХ

Байкальские волны. Сколько их, больших и малых, набегало на берега озера-моря за десятки миллионов лет? Никому не ведомо. Несчётное множество...

Посмотришь на Байкал, и кажется: все волны одинаковые, но приглядишься — они разные, и каждая из них прекрасна! Живут они совсем недолго и исчезают бесследно, будто их и не было. И замечательно, что с помощью фотоаппарата можно остановить чудесный миг приближения волны к берегу перед тем, как она канет в воду. А на снимках она будет жить и радовать.

Люблю маленькие ласковые волны, у которых едва хватает сил дотянуть свой путь до берега. А если ещё светит летнее солнце и тёплая вода волшебным образом играет бликами, то приятно побродить босиком по мягкому мокрому песку, блаженствуя от ласковых байкальских всплесков. Эти тихие волны не могут сдвинуть с места крупные камни, но каменную мелочь и песок слегка перекачивают, помогая байкальскому морю совершать многомиллионную творческую работу: всё острое делать гладким и приятным на ощупь, всему бесформенному и некрасивому придавать форму и притягательность.

Бывают волны посильнее. Они выше ростом, громче звучат, легче играют песком и камнями. Их непохожесть

особенно проявляется у берега на маленькой глубине, когда близкое к волне дно замедляет её ход, она теряет высоту, плещет, рассыпает хрустальные брызги, и в её переливах и перекатах красуются светло-коричневые и зеленоватые камни, жёлтый песок.

Нередко можно увидеть у берега длинную волну, которая просится на полотно. Она везде разная: где-то перелилась через край и превратилась в пену чистой белизны; другая её часть находится на самом пике, она подсвечена солнцем, устремляет к небу свою небольшую косматость и многочисленные брызги; а где-то гребень волны только начинает перекатываться, и внутри этого переката образуется небольшая тёмно-зелёная ниша, которая быстро закрывается потоком, похожим на живое стекло. Когда живописная волна бывает окрашена разноцветными лучами восходящего или заходящего солнца, то её стремительно меняющаяся красота просто завораживает...

Приятно качаться на водных качелях во время купания или сидя в лодке. Хорошо и с берега посмотреть на взволнованное дыхание моря, послушать его музыку. Бывает, что среди таких волн найдётся одна резвая и озорная. Стоишь себе в холодный осенний день у воды на сухом месте, на безопасном расстоянии, и вдруг, откуда ни возьмись, налетает она, дерзкая и весёлая, и с размаху окатывает ноги. Приходится идти домой переодеваться и переобуваться. Идёшь и оглядываешься, найдётся ли ещё хоть одна такая прыткая, но нет — не находится.

Когда море разыгралось не на шутку, люблю смотреть на стихию, стоя между железной дорогой и защищающей её бетонной стеной. Могучие волны с белыми гребнями заставляют замереть в восхищении. С высоты можно отчётливо разглядеть, как они, грузные и грозные, идут на стену бесконечным строем, как воины-богатыри. Их вид словно говорит: «Что ещё за стену поставил человек на пути нашем? Сейчас сокрушим её, сокрушим беспощадно!» Один за другим следуют глухие удары, после каждого — россыпи брызг и сердитое шипение: «Бух-х! Ш-ш-ш-ш... Б-бух-х-х! Ш-ш-ш-ш-ш... Бух! Ш-ш-ш-ш...» Взгляд находит самую большую волну, этакую неумолимо приближающуюся надменную громадину. Знаю, что когда она с грохотом ударится о стену, меня окатит с ног до головы. И вот волна передо мной, она будто говорит: «Что стоишь тут? Не боишься меня? Сейчас испугаешься!» И всей массой мощно обрушивается на бетон, разбивается, исходит пеной. Стена

содрогается. Становится немного страшно, и в то же время весело. Вода летит навверх, прямо ко мне, обливает меня и на секунду-две всё стирает из вида. От холодного душа почему-то не становится холодно. Бушующий мир снова открывается. Вода стекает с железнодорожной насыпи, подмывая стену с обратной стороны. А за стеной волны, нанёсшие удары, откатываются назад, сшибаются со встречными, встают на дыбы, шипят, как сотни змей. И невозможно оторваться от этой картины.

Люблю волны! Все, все, все! И огромные, ревущие, и ласково плещущие на песчаный берег. И те, что в полной свободе рвутся ввысь, к небу, и невидимые, которые пытаются пробиться на волю из полутораметровых ледяных оков. Да и как их не любить? Ведь волны — это дух Байкала, его нрав, его язык, его могущество, его волнующее притяжение.

БАЙКАЛ НЕ СЕДОЙ, ОН МОЛОДОЙ И МНОГОЛИКИЙ

Как только ни называют Байкал: славным морем, жемчужиной Сибири, её бриллиантом, её голубым оком... И мощный он, и пленительный, и магический, и чарующий, и бескрайний... И, конечно, священный. Все эти метафоры и эпитеты принимаю, они мне очень близки. Но вот с тем, что Байкал «седой дедушка» никак не могу согласиться. Разве он может быть седым, если на Байкале много солнечных дней, а в ясную погоду он голубой и золотистый?! Может быть, причиной густые белые испарения в морозные дни? Но они бывают недолго, и дыхание моря перед ледоставом свежее, бодрящее и молодое, а никак не стариковское. Может, причина в больших волнах с белыми бурунами? Но белыми бывают только гребни, а сами волны в ясную погоду бывают синими и сияют солнечными звёздами. Несутся такие волны совсем помолодому, стремительно, и с размаху разбиваются о берег. В такие дни Байкал совсем не похож на дедушку. А в ненастную погоду все моря и озёра бывают хмурыми, сердитыми и седыми. Может, его стали так звать из-за почтенного возраста, до которого простые смертные озёра не доживают? Да, он прожил не один десяток миллионов лет, но он неутомим и могуч далеко не по-стариковски. Живёт он, кажется, вопреки законам природы, с вызовом к ней. Всё живое — и озёра не исключение — стареет и умирает, а он бесконечно молод, чист, богат и здоров. Правда, в последнее время человек не на шутку взялся его губить, и опаснее человека для уникального сибирского моря

нет ничего и ничего. Ни время, ни стихия над ним не властны. А вот человек решительно поубавил Байкалу чистоты, красоты, богатства...

Благодатное время для Байкала кончилось в XX веке, когда решили, что вечное озеро мало приносит пользы: «Сейчас вся природа работает на человека, а ты, дедусь, отлыниваешь. Время пришло другое, всем нелегко. Давай нам целлюлозу, давай лес, давай тонны рыбы, развлекай туристов. Хочешь жить — выживай, как можешь. Ты сильный! А не выживешь — дело твоё, итак ты, седой дедушка, зажился, пора и честь знать!»

Тяжело сознавать, что непокорный богатырь-Байкал беззащитен перед человеком с его грозной техникой и огромной алчностью. Временщики пытаются на нём разжиться, губят его и лишают человечество спасительной пресной воды, ставшей в наше время ценностью, лишают радости находиться рядом с ним, восхищаться им.

Но Байкал борется за жизнь, он спасает себя из всех недюжинных сил, он не терпит грязи и стремится от неё избавиться. Он непреклонный борец, наделённый исполинскими силами, которые спасают его от человеческих злодеяний уже второе столетие.

Нет, Байкал не седой, не старый, он богатырь в расцвете сил, он многоликий, разнохарактерный. Он бывает спокойным, бывает взволнованным; бывает ласковой самого нежного малыша, а бывает грозным исполином, легко играющим кораблями; бывает угрюм и неподвижен, а бывает весел и светел. Как хорошо летним жарким днём освежиться в прохладной воде! Хороши и байкальские тёплые ночи, полные тайны, со звёздами в небе и в море, с лунной дорожкой, всполохами зарниц! Осенью всё на Байкале чудесно: пронзительная синь, цветастые платья гор, золото берёз, осин и лиственниц, огонь рябин, черёмух и боярки, изумруды сосен, кедров и елей, белый пух иван-чая. Деревья, растущие на берегу, любят свои отражения в байкальской воде, роняют в неё разноцветные листья-монеты...

Прекрасен Байкал и зимой. В начале зимы он сильно парит. Густым паром его дух величественно поднимается к небу. Море долго сопротивляется морозам, волнами разбивает молодой лёд, но, наконец, успокаивается и отдыхает, набирается сил под толщей льда, укрытого снежной парчой и искрящего торосами. А как прекрасно весеннее пробуждение Байкала, когда скидывает он обветшалое и полинялое, сковывающее его одеяло, и открывается миру, юный, полный

весенней чистоты, синеглазый и нежный, а на его поверхности кое-где по-лебяжьи белеют одинокие льдинки! Склоны возле моря чуть зеленеют от пробивающейся крошечной травки. Горы украшают первоцветы, ещё несмелые, на коротеньких ножках. Набирает цвет багульник. Повсюду просыпается жизнь, кругом юная красота!

Байкал всегда разный, с ним не заскучаешь. Его переменчивость удивляет и радует. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так нельзя дважды увидеть один и тот же Байкал. Он меняется постоянно и дарит внимательному глазу много наслаждений. Иногда разительные перемены происходят в одно мгновение. Бывает, в солнечную тишь и гладь Байкала вдруг врывается неистовый ветер. Ему в мгновение удаётся взбудоражить всю поверхность моря. Байкал темнеет, его милость сменяется на гнев, он вздымает волны и сердито обрушивает их на берег. Летом внезапный ветер часто приносит грозу. Тяжёлые быстрые тучи закрывают солнце, наступает внезапная темнота, от шумного ливня вскипает, пузырится вода, стрелы молний озаряют тёмное небо и пронзают Байкал. Но вот ветер стихает, свет пробивается сквозь разорванные тучи, море успокаивается, светлеет, вспыхивает радужный мост от гор до Байкала, и какой-нибудь быстрый катерок проходит через волшебный свет радуги.

Безмятежный Байкал купает облака и вместе с ними творит удивительные картины, удваивает их. Байкало-небесное творчество бывает нереальной красоты. Перед глазами возникает что-то неузнаваемое, невиданное, просто космическое! А порой можно явственно разглядеть что-то знакомое. Видела облачные белые грибы, животных и рыб. Как-то раз по небу тихо летел облачный самолёт. Однажды вечером увидела оранжевого гаммаруса с клешнями и ногами, он был в половину неба и отражался в воде.

А как чудесны переливы красок неба и моря на закате и на рассвете, удвоенные Байкалом! Смотришь на это чудо и не можешь оторваться. Эти переливы бывают очень нежны, а порой небо и Байкал полыхают красками ярче пожара. Какая уж тут седина!

Байкал — художник, творец. Он открыт и щедр. Он молод, прекрасен и могуч. Байкал даёт нам пищу и воду, он даёт нам силы, он дарит нам чудеса, он врачует наши души. Байкал — величайшее сокровище, им нужно дорожить, его нужно беречь больше, чем самого себя.

г. Иркутск

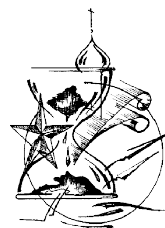
СЛУГИ АНТИХРИСТА

Как сообщают, при обысках у экс-главы офиса Зеленского Ермака нашли много оккультных предметов. Об этом сообщил считающийся близким к офису Зеленского некий блогер Игорь Лаченков в Telegram-канале. По его словам, сотрудники Национального антикоррупционного бюро Украины (НАБУ) нашли «куклу вуду, кучу зеркал, предметы для ритуалов и кучу странных «икон» и браслетов». Лаченков также уточнил, что сотрудники даже вражеских России силовых органов были поражены увиденным. По его словам, Ермак увлекается телепередачей «Битва экстрасенсов», гаданием, картами таро, нумерологией, астрологией и «черной магией».

Многим ли отличается от главара своего «офиса» кровавый клоун Зеленский? Да ничем. А многим ли от ведьмака Ермака отличаются «мясник» Залужный, «щиничный бандеровец» Порошенко, Юлечка-людоедочка Тимошенко и любой иной представитель хунты?! Ничем в этом смысле не отличаются. Все сатанисты.

Русофобия, человеконенавистническая идеология, вся политика хунты — прямое

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

следствие их сатанизма, увлечения куклами вуду, «битвами экстрасенсов» и т.п. Ничего удивительного, гитлеровская Германия также была помешана на оккультизме. Преемственность, так сказать.

Перечислять все преступления и бесчинства киевского режима — печатного места не хватит. Значит, упомяну лишь одно.

В материале «Запредельное богохульство, помешанное на отмороженной русофобии» я удивлялся бесовским действиям хунты в Киево-Печерской лавре. В августе этого года сообщалось, что мощи святых свалили на складе, что ужаснуло даже полицейских. Как писали, готовили великие святыни к продаже за рубеж. Об этом сообщил посаженный Зеленским в тюрьму нардеп Александр Дубинский: «Премьер Свирidenko через минкульт отдала команду «инвентаризировать» мощи Святых в Киево-Печерской лавре. По моей информации... самые ценные святыне мощи преподобных планируется выкрасть путем подмены и передать в запасники музеев Великобритании. Это личное обещание Зеленского королю Карлу III».

Лавру усиленно «дерусифицируют»: удаляют из фресок, росписей и надписей всё, что связано с РПЦ и Русью (оккультисты там давно требуют отказаться от Матроны, Александра Невского, Серафима Саровского и других святых). В монастыре открывают развлекательный центр. Аналогичные действия проводятся по всем святыням Малороссии. Продолжаются нападения на клириков и паству, захваты храмов и погромы. Так, в селе Новоселки под Киевом был сожжен приход УПЦ в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Поджигатели выбросили иконы, Библию и богослужебную литературу, смешав её с мусором. Батюшек всё чаще ловят могилизаторы и отправляют на фронт, других священнослужителей предают суду.

Это всё прямое следствие сатанистских, оккультных практик и пропаганды.

Но возникает ряд вопросов, касающихся российской внутренней и информационной политики.

А разве у нас на центральных каналах телевидения не идёт демонстрация «Битвы экстрасенсов»? Ведь известно, что очень много духовно неокрепших наших граждан, особенно среди женщин и молодёжи, ждут и смотрят эту гадость, как очередную «мыльную оперу». А потом, кстати, в повседневной своей жизни применяют бесовские практики, которые рекламируются этой программкой. Приобщаются

ко всяким магическим книжкам, гадают на кофейной гуще, тукают какими-то иголочками в куклы, вызывают духов, наводят на кого-то порчу и т.п.

А кроме «битвы» на ЦТ достаточно иных передач оккультного характера. Сколько всяких колдунов, магов, экстрасенсов, нумерологов?! Из них делают авторитетов общественного мнения.

В материале «Плюс негрификация всей страны», как чуял, писал о т.н. «африканской культуре», которая пропагандирует африканские маски и куклы вуду в том числе. Так, на калужском телевидении умилительно рассказывали о том, как проходят мастер-классы по негритянским шаманским ритуалам и изготовлению африканских масок. К этому процессу под эгидой «дружбонародности» предлагается приобщать калужскую молодёжь.

На примере т.н. Украины мы видим, до чего доводят куклы вуду и «битвы экстрасенсов».

Вот так и живём. С высоких трибун и в государственных документах говорится о необходимости крепить традиционные русские ценности А что на деле?!

Геннадий САЗОНОВ

РЫБНОЕ ИЗОБИЛИЕ...

Некоторое время назад произошло маленькое «чудо». Глава государства, проводя совещание, попросил промышленников, губернаторов, мэров и прочих «хозяев жизни» дать гражданам РФ «возможность купить рыбу по доступным ценам». Впервые за 34 года либеральная власть вспомнила о ценах для народа. Ведь за минувшие годы эти самые цены только росли на всё и про всё, никогда никто их не снижал...

Пожалуй, те, кому адресована просьба, вряд ли, бывают в магазинах — им некогда, в поте лица они служат государству. Как служат, пока не буду оценивать. Я же, «городской гуляка», как сказал однажды про себя Сергей Есенин, заглянул на рынок 6-го микрорайона в Вологде. Около рыбного отдела обычно толпился народ, даже из центра города приезжали. А в тот раз — пусто и тихо. Странно! На витрине — рыбное изобилие! От деликатесной сёмги — до примитивной, но вкусной корюшки из Онежского озера или с Ладоги. Взглянув на цены, я отшатнулся от прилавка. Килограмм скумбрии стоил 1500 рублей. («Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил». Кефаль, после её приготовления, по вкусу напоминает скумбрию.) Ничего себе рыбка замороженная!

Тут же заурядный морской окунь, значительно меньший по размеру окуня озёрного, потянул на 950 рублей, а треска — извечное лакомство северян — превысила даже цену окуня. Если взять свежую свинину или говядину, то стоимость трески окажется в два, а в некоторых торговых точках даже в три раза (!) выше мяса.

Чтобы выловить треску, нужен месяц, а откормить бычка — минимум полтора-два года. Затраты, сроки на «изготовление» первого и второго продукта просто не соизмеримые, как говорится, перевёрнутые с ног на голову. А весь изъём ложится на крестьян. Треску привозят в Вологду из Мурманска, там траловый флот, в Архангельске его нет, расстояние больше одной тысячи километров. А горбушу доставляют с Камчатки за 8 тысяч километров, но стоит она почему-то дешевле мурманской трески.

Тут я невольно вспомнил «великого учёного» Егора Гайдара, он везде повторял: «Рынок всё расставит по местам». Вот и расставил!

Откуда же всё-таки взялись запредельные цены?

— Не наше дело, — бросила продавщица. — Как нам скажут, так и торгуем.

А кто скажет? Она не знает.

В связи с «таким незнанием» показательна ситуация на азотно-туковом заводе в Череповце из времени, когда наглый «господин ваучер» Чубайс продавал Россию с молотка налево и направо. Так вот, перед началом каждой смены химикам звонили «хозяева»... из Лондона и диктовали, что им сегодня выпускать, а что не выпускать. Всё, что требовалось для обороны РФ, для обеспечения флота, особенно атомных и дизельных подводных лодок, англичане выпускать запрещали.

Это я не «байку» рассказываю, а лично присутствовал на процедуре в Череповце, когда одураченные россияне всё-таки отважились и сумели отобрать контрольный пакет акций у англичан и вернуть уникальное производство в юрисдикцию России.

Нечто похожее и по сей день происходит в нашей доблестной торговле. Не секрет, что основная часть торговых сетей и рынков, которыми гордится власть, принадлежит зарубежным компаниям и частным лицам — в Англии, США, Германии, на Кипре и т.д. Оттуда и указывают «дорогим россиянам», по каким ценам продавать им продукты и всё остальное.

А где же контрольные органы? Очевидно, по причине принадлежности торговли иностранцам, ФАС (Федеральная антимонопольная служба) беспомощна перед беспрерывно растущими ценами. Войти в торговые сети и проконтролировать ценообразование (насколько оно обосновано) специалисты государственной конторы не могут, хозяева попросту не дадут им документы, поскольку хозяева — за бугром.

Сейчас в торговле, пожалуй, нет товара, начиная от коробка спичек и заканчивая бытовой техникой и автомобилями, на которые бы не росли цены постоянно — от 50 до 300 процентов и выше. Всё это — в порядке вещей, чиновники объясняют ситуацию кризисом и войной. Стоит на полке банка рыбных консервов, два дня назад она стоила 120 рублей, а сегодня — 250. Вот вам и кризис. Хотя с банкой ничего не произошло!

...Народная молва до сих пор «приписывает» Императрице Екатерине II «оригинальную привычку». Просыпаясь в Зимнем Дворце на берегу Невы, «матушка» сразу требовала доклад о ценах на рынках на главные товары — зерно, сено, дрова. Если цены превышали условно допустимый уровень, скажем, в два раза, то Императрица приказывала нещадно сечь тех, кто задирает цены, а иногда даже отбирать у них товары.

Учёные-экономисты XXI века, коих в РФ пруд пруди, да ещё умудрённые «цифровизацией», приписывают Екатерине II «государственное регулирование». Не знаю, насчёт термина, но её забота о том, чтобы купцы не обирали население, была очевидной.

Иногда возникает ощущение, что в стране нет природных и искусственных водоёмов — отсюда и цены на рыбу поднебесные. На самом деле в России текут и плещут 2 500 000 (два с половиной миллиона) только рек и озёр, не считая морей и

океанов. А с рыбой для народа — проблема. Как-то я отдыхал на Селигере и, честно говоря, возмутился. В меню — мясо, мясо, мясо... плюс макароны, макароны... Ну, положите хоть кусочек судака селигерского, уж не прошу угря, ценнейшую породу, которая здесь водится. «Не можем попотчевать рыбой», — вздохнул руководитель турбазы «Сокол», — дорого очень. Когда-то на озере существовала рыболовецкая бригада, был в Осташкове рыбзавод. Всё ликвидировали. А у частных рыбаков купить рыбку для отдыхающих — цены кусаются...»

Похожая ситуация во многих рыбных местах, в том числе и на Вологодчине. Здесь, по сути, три настоящих моря — Кубенское, Онежское и Белое озёра, протяжённость каждого — десятки километров. А рыбы нет! В Белозерске, Вытегре когда-то действовали рыбзаводы, рыболовецкие артели ловили рыбу, в том числе в райцентре Липин Бор и в большом селе Кубенское. Теперь ничего этого нет, как корова языком слизала. Ещё недавно приезжающие в старинный город Кириллов лицезреть красоты огромного монастыря могли по дешёвке купить судака, чехонь, окуня, налима на распродаже, рядом с гостиницей «Русь». Но прихлопнули и эту торговую точку.

...Губернатор Камчатки рапортовал главе государства о рекордных выловах рыбы и об успехах её переработки. Собеседники почему-то умолчали о том, сколько и куда вывозит Россия рыбы и морепродуктов на экспорт. А это очень большие объёмы. Только за 7 месяцев 2025 года налево и направо, а также и на законные поставки ушло за рубеж рыбы на 3 миллиарда долларов, а за 2024 год — на 4,9 миллиарда из 5 промысловых бассейнов страны. Скажем прямо, размах рыбных поставок за кордон впечатляет!

У хороших хозяев принято сначала накормить свою семью, а уж избытки зерна, молока, мясо, рыбы можно предложить на продажу и соседям. Но в нынешней России, как видим, другой поход. Ежегодно собираем «великие» урожаи зерна, а хлеб в РФ постоянно дорожает. Причем, буханка хлеба всё время «худеет» — с 1 килограмма дошла до 600—400 граммов, а стоимость поднялась с 30 до 90—100 рублей. Где тут логика? Понять невозможно!

Каким образом прожить старикам на пенсию 13—20 тысяч рублей в месяц? Но с трудом выживают они, создавшие огромные богатства Советского Союза...

У витрины со свежими овощами старушка решает

сложную проблему. Берёт помидоры на ветке, потом кладёт их назад. Цена — 350 рублей за килограмм. Может ли она позволить себе такую «роскошь»? Здесь, как и в «рыбном вопросе», изобилие овощей и фруктов, включая заморские, однако стоимость их доступна далеко не всем.

Ну, а уж об аптеках, заполненных всевозможными препаратами, и говорить нечего. Цены растут, как на дрожжах. Только в 2023 году аптечная торговля имела 293 миллиарда прибыли. Уму непостижимо!

Наивно думать, будто сверхприбыли идут на развитие отраслей. Известный тверской прозаик и публицист Валерий Кириллов в своём летописном дневнике привёл пример экс-владельца компании «Южуралзолото» К.Струкова, который вывез в Черногорию, Сербию, Швейцарию и Турцию свыше 163 миллиардов рублей из выручки русских предприятий. Наверное, Струков считает: вы там воюйте, дураки, а мы будем с «деньгами» забавляться. Причем, как подчёркивал автор, якобы, олигарх пристроил капиталы «на законном основании». Что за законы такие в РФ?

В целом же экономика, обирающая население через высокие цены на продукты, услуги ЖКХ и прочее, накопила к концу 2025 года астрономическую сумму финансовых ресурсов. «На поверхности федерального бюджета, — отмечал публицист из Калуги Андрей Сошенко, — лежит грандиозная, оглушающая, не укладывающаяся в сознании сумма 16,6 триллиона рублей. Деньги есть, да не про вашу, «дорогие россияне», честь. Вот такой парадокс: в своей стране направлять имеющиеся средства на нужды страны и народа чиновники финансово-экономического блока не собираются» (Русская народная линия линия, 12 ноября 2025 г.).

Уже есть «великий опыт»: на Западе «заморожены» огромные наши золотовалютные средства, их вывели туда государство и олигархат. Скорее всего, эти ресурсы будут там использованы против нашего народа. Не исключено, что и нынешняя «кубышка» тихо-мирно уплывёт на Запад, как было не раз.

Валерий ХАТЮШИН

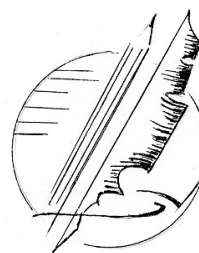
ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2026 г.
(Январь)

Вот уже четыре года наши ВКС наносят ракетно-дроновые удары по энергообъектам Украины. Почти ежедневно. И тем не менее всё это время киевское метро работало, киевское телевидение функционировало, киевские рестораны светились огнями. Не говоря уже о министерствах и госучреждениях на Банковой улице в столице «нэзалэжной», в том числе Министерство обороны и СБУ. Там работа не прекращалась ни на день этой войны, названной Кремлем спецоперацией, а их руководство безбоязненно сидело в своих кабинетах — то есть те, кто продолжал «войну» и не хотел ее завершения. Ну и, конечно, Верховная рада, сияя люстрами, вела свои излюбленные кулачные бои за обладание трибуной. Так было, повторяю, все прошедшие четыре года СВО. На Украине, как известно, три действующих атомных электростанций. И по ним, естественно, мы не наносили никаких ударов.

Да, жилые кварталы других украинских городов по многу часов оставались без

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

света, тепла и воды, но киевские власти, жировавшие на американско-европейских миллиардах долларов «помощи», от этих проблем не страдали. Эти проблемы их почему-то не касались. Министерские здания стояли как новенькие, и к тому же в гости к Зеленскому все эти четыре года «войны» по железной дороге беспрепятственно приезжали в гости американские посланники и европейские «подсвинки». И точно так же беспрепятственно и беспрепятственно уезжали назад. А нам каждое утро телевидение сообщало о нанесении новых массированных и «самых крупных» групповых ударах по украинской энергосистеме... Правда, не говоря при этом об украинских ударах по нашим топливным базам и электроподстанциям. Но таинственно добавляя: все наши массированные удары по украинским тылам наносятся «в ответ»...

Но вот 29 декабря мы услышали заявление российского МИДа:

*«В ночь с 28 на 29 декабря 2025 года киевский режим предпринял террористическую атаку с использованием 91 ударного беспилотного летательного аппарата дальнего действия на государственную резиденцию президента РФ в Новгородской области. Все беспилотные летательные аппараты уничтожены средствами противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации... Обращаем внимание на то, что данная акция была совершена в ходе интенсивных переговоров между Россией и США по урегулированию украинского конфликта. **Подобные безрассудные действия не останутся без ответа. Объекты для ответных ударов и время их нанесения вооруженными силами России определены. При этом мы не намерены выходить из переговорного процесса с Соединенными Штатами. Вместе с тем, учитывая окончательное перерождение преступного киевского режима, перешедшего к политике государственного терроризма, переговорная позиция России будет пересмотрена**»* (выделено мной. — В.Х.).

Сразу после этого заявления С. Лаврова почти все политологи телевизионных аналитических программ хором запели о том, что теперь-то уж главарям киевского режима не сносить головы и что мы просто обязаны ударить «орешниками» и «искандерами» по правительственным зданиям на Банковой улице, а их Министерство обороны и СБУ вообще должны быть превращены в пыль. Эту

желанную песню они пели вплоть до последнего дня 2025 года, но потом как-то неожиданно сникли.

Перед самым наступлением Нового года, ночью 31 декабря, аккуратно перед боем курантов, жидобандеровские беспилотники самолетного типа с фугасными и термитными зарядами ударили по гостинице и ресторану в Херсонской области. 29 человек, среди которых оказались и дети, погибли сразу, еще более 50 человек, в том числе дети, были ранены. Этот удар самостийные нелюди нанесли без всяких угроз и предупреждений.

Со дня заявления Лаврова прошли сутки, двое суток, трое, пять... Но никаких адекватных этому заявлению «ответных ударов» не последовало. Прошла неделя новогодних каникул — результат был тот же. Серьезным, думающим людям было понятно: нельзя тянуть с «ответными ударами», тем более громко заявленными, время которых якобы уже было определено... Так как затяжка времени этих ответов снижает эмоциональный эффект в сердцах нашего народа и в сознании врага. Хотя уже по прошествии этой недели стало ясно: никаких «орешников» **по Киеву** не будет. А соловьевско-скабеевские «эксперты» с легкостью забудут свои уверенные предсказания актов разрушительного возмездия. Не произошло за это время и никакого пересмотра «переговорной позиции России».

Поневоле согласишься в неоднократные интернетсообщения прошлого года о данных Путиным израильскому премьер-министру неких обещаниях...

Но в чём можно не сомневаться на сто процентов — это в том, что в Россию в 2026 году будут завезены тысячи и тысячи новых мигрантов из Средней Азии, Индии и Африки.

Корреспонденты новостных программ центрального радио и ТВ выражали недоумение, а кто-то и возмущение тем, что никто из западноевропейских лидеров никак не отреагировал на зверский теракт киевских нелюдей в Херсонской области. Хотя, собственно, европейской реакции и ожидать-то было бессмысленно. Но гораздо большее недоумение вызывало долгое молчание российского президента в связи с этим терактом... Ни 1-го, ни 2-го, ни 3-го, ни 4-го января он публично не произнёс ни слова. А ведь народ ждал...

Вызывало удивление и отсутствие публичных заявлений и выступлений по этому поводу в первые дни января других наших государственных деятелей — премьер-министра, депутатов Федерального собрания, силовых министров... Мало того, что раздолбая телегульба пела и плясала на всех

каналах, как ни в чём не бывало, но и вся наша высшая элита не желала нарушать свою загородную дачную идиллию... Ну как же, наши депутаты не зря ведь приняли для самих себя закон о двухнедельных новогодних каникулах... А то, что вся страна по их воле каждый год две недели валяет дурака и не знает, чем заняться в перерывах между алкогольными вливаниями, похоже, их, депутатов, вообще мало волнует. Даже во время войны, названной спецоперацией, длящейся уже четыре года.

* * *

Как я и предсказывал в «Протуберанцах» прошлого года, американцы напали на Венесуэлу. 3 января по приказу недавнего претендента на Нобелевскую премию мира г-на Трампа США нанесли серию авиационно-ракетных ударов по столице непокорной латиноамериканской страны. И в первую очередь — по ее министерству обороны, как и положено в подобных ситуациях. Одновременно с вертолётов был высажен армейский десант, который захватил президента Венесуэлы Николоса Мадуро с женой и переправил их на свой авианосец. И европейские «подсвинки» Трампу аплодировали!

Как бы мы ни относились к Хрущёву, но он в 1961—1962 годах защитил Кубу от пиндосов, даже ракеты туда завёз...

В прошлом году я спрашивал: сможем ли мы помочь Венесуэле? Но уже тогда было ясно, что не сможем. Впрочем, похоже, и желания такого у нашей элиты не было. Ну разве можно было ссориться с нашим новым «переговорным партнером», таким «мужественным и смелым»...

А он, этот наш новый «переговорный партнер», в общем-то, показал нам, как нужно воевать и с чего надо начинать любую военную спецоперацию. И наши спецслужбы теперь могут сами себе задавать удивленные вопросы: «А что, разве так можно было?..» Оказывается, можно... Но не всем. **Им можно всё.**

Собственно, и мы точно так же могли победить Украину за один день. И в 2014 году, и в 2022-м. Но кому-то в нашей элите этого очень не хотелось... И вместо этого Россия была втянута в долгую войну местного значения.

Разве за четыре года войны мы не могли поймать Зеленского за все его преступления? Конечно, могли. Но кому-то у нас этого очень не хотелось...

* * *

5 января Трамп на борту самолета объявил журналистам, что никакого украинского нападения на президентскую резиденцию В.В. Путина в Новгородской области вообще не было. «Мы проверили, — сказал он, — это не имеет отношения к атаке на резиденцию». Видео его заявления опубликовано на сайте Белого дома. Интересно, как после этих слов и после захвата Мадуро наш президент будет вести телефонные разговоры и даже встречаться с Трампом для решения украинской проблемы?..

Интересно и другое: в первые дни после похищения американцами главы Венесуэлы Николоса Мадуро с супругой президент России по этому поводу не проронил ни слова.

* * *

Финский президент Александр Стубб в своем новогоднем обращении к гражданам страны сказал о том, что отношения между Финляндией и Россией изменились навсегда. На эти слова в интернете откликнулся зам. председателя российского Совбеза Дмитрий Медведев. Он согласился со Стуббом по поводу изменения отношений и выразил надежду на то, что Россия никогда больше не повторит ошибку, допущенную большевиками в 1917 году, имея в виду предоставление Финляндии независимости правительством Ленина, несмотря на то, что до 1917 года Финляндия вообще никогда не имела своей государственности.

Трудно сказать, повторит ли когда-нибудь нынешняя Россия подобную «ошибку». Но Дмитрию Анатольевичу было бы нелишне напомнить о том, что в 1991 году демократическая Россия, у руля которой он и сам находился, совершила точно такую же «ошибку» по отношению к Украине, Грузии и Молдавии, с которыми впоследствии пришлось воевать и отношения с которыми тоже сильно изменились... И что-то никакого раскаяния за эти трагические «ошибки» мы ни от кого в российской власти так и не услышали.

* * *

В социальных сетях в первые дни нового года сыпались недоумённые вопросы: как такое вообще возможно? В ночь на 31 декабря в селе Хорлы Херсонской области, находящемся в составе России, заживо сгорели 29 человек, еще пятьдесят с лишним ранены, многие тяжело, а в стране не объявлен траур, и по всем телеканалам шла разгульная

новогодняя развлекуха: ни на одном канале она не была отменена... И более того, никто из руководства страны, в том числе и президент, в первые дни января не выступил перед народом в связи с этой трагедией и публично, на официальном уровне не выразил соболезнования погибшим и пострадавшим. Как такое возможно? Да, по местному телевидению выступил губернатор региона Владимир Сальдо, обещал оказать медицинскую и материальную помощь раненым и родственникам погибших, а также объявил в регионе трехдневный траур. Но разве этого достаточно для воюющей страны? Или главное руководство и депутаты Госдумы решили не прерывать своего отдыха в новогодние каникулы и не омрачать никому праздничного настроения? Тогда о каком же единстве народа нам рассказывают с высоких трибун властные чиновники?! Если они сами это единство первыми и нарушают.

По крайней мере, кто-то из высшего руководства мог выступить перед народом в первый день Нового года сразу после сообщений о страшном теракте и объяснить нашим гражданам примерно хотя бы так: «Да, праздничные передачи, записанные заранее, мы на телевидении не отменяем, чтобы не давать лишний повод для радости врагам, но выражаем искренние соболезнования семьям погибших и пострадавших и обещаем жестокое возмездие врагу за это варварское преступление по отношению к мирным людям». Но даже этого не было сказано.

И еще один риторический вопрос: для чего вообще воюющей стране нужны эти дурацкие «новогодние каникулы»? Не школьникам, не детям, а всей огромной стране, подвергшейся нападению мировых агрессоров?

* * *

В Венесуэле у нас случился, конечно, еще один провал (после Сирии). Американцы в ночь на 3 января, перебив охрану и не понеся потерь, выкрали президента Мадуро вместе с женой и вывезли в США. Уже даже прошло судебное заседание по обвинению их в наркоторговле. В нападении на Венесуэлу участвовало 150 вертолетов, ни один из которых не был сбит, хотя Россия поставила ей несколько комплексов ПВО С-300. При этом погибло около 100 человек спецназа, охранявшего президента, в том числе 32 кубинца. В соцсетях пишут, что было предательство в окружении Мадуро и среди его генералов. Конечно, американцы умеют покупать генералов противника, как это было в Ираке и в

Сирии. Но неужели прошлый печальный опыт так никого ничему и не научил? В том числе и нашу разведку вместе с ФСБ и службой безопасности. Мы, простые граждане, не обладаем никакой информацией на этот счет. Но мы знаем главное: президент Мадуро и его супруга находятся в американской тюрьме. И не имея точных подробностей о том, как и почему это произошло, нам только и остается впитывать информацию, исходящую из зарубежных СМИ через российские теле- и радиоканалы.

А «миротворец» Трамп, «хорошо относящийся к России и к Путину» и, по его словам, «остановивший восемь войн», теперь угрожает Кубе, Мексике, Колумбии и Гренландии (а год назад угрожал еще и Канаде). Как он говорил, «они нужны Америке для ее безопасности». Со своей точки зрения, он, конечно, прав. Они ему действительно нужны. Только не ради безопасности, а ради их природных ископаемых.

Демократические маски американского капитала окончательно сброшены. Зачем ему рядиться в какие-то маски или в какую-то тогу? Пришло время говорить всё прямо, четко и ясно: «Плывать мы хотели на ООН и на придуманное кем-то «международное право». Забудьте все о своей дурацкой независимости. Если вы не можете оказать нам сопротивления, мы идем к вам за вашей нефтью, за вашим газом, за вашим золотом, за вашими редкоземельными металлами...» А чтобы у европейского капитала не возникло лишних вопросов, американский капитал ему объясняет: «Там, куда мы идем, создают химическое (или биологическое) оружие. Или уже создан наркотрафик, уничтожающий население США» (кроме Гренландии, конечно). И европейским подсвинкам этих объяснений вполне достаточно.

Колониальная история возвращается. Время пустых и никчемных, а главное, лживых демократий закончилось. А вслед за колониальной историей вернется и рабство. Причем на вполне законном, государственном уровне. Во всяком случае нынешние турецкие «паши» и приверженцы халифата мечтают об этом давно. Третий рейх (т.е. объединенная Европа) пытался вернуть рабство в прошлом веке. Пока не удалось. Но всё впереди.

* * *

Трамп — это современный Гитлер 1938—1939 годов, перед началом мировой войны, обладающий ядерным оружием. С этим оружием он может стать страшнее Гитлера.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что беспилотники дальнего действия в ночь на 29 декабря были направлены на резиденцию В.Путина в Новгородской области по распоряжению Трампа, а не Зеленского, т.к. их полеты координируются американскими операторами через американские спутники. То же самое произошло и в селе Хорлы Херсонской области. Эта операция с ударом фугасно-термитными зарядами на самый Новый год, уверен, так же планировалась англосаксами. И Трамп, конечно, был в курсе этих спланированных действий. ЦРУ и военные планировщики всё ему докладывают заранее. И новый Гитлер наверняка следил за исполнением этой операции на экране — так же, как он следил на экране за нападением на Каракас и похищением Мадуро. Отказать себе в удовольствии лицемерия в прямом эфире убийства чужих людей он, конечно, не мог. 9 января он уже начал угрожать Мексике.

(Просто так, что ли, он свое Министерство обороны переименовал в Министерство войны?)

Он же, Трамп, приказал высадить десант на нефтяной танкер «Маринера» в нейтральных водах, шедший под российским флагом, и захватить его. Помощь в захвате американцам оказывали английские десантники. Так может действовать только страна, возглавляемая современным Гитлером, плюющим на все международные законы и права. Наш МИД после этого вопиющего беззакония сначала действия США назвал морским пиратством, а затем обратился к Трампу с просьбой освобождения двух российских членов международного экипажа. И современный Гитлер проявил снисхождение — приказал их отпустить. Наш МИД, естественно, выразил ему за это «признательность»... Ну еще бы ему не отпустить: обменял на танкер с нефтью двух не нужных ему людей...

Вслед за похищением Мадуро и захватом в нейтральных водах российского танкера кто-то из американских журналистов перед телекамерами спросил Трампа: есть ли что-то такое, что могло бы остановить его в своих действиях? И современный Гитлер спокойно ответил: «Есть. Это моя собственная мораль. Больше — никто и ничто».

Не точно так ли Европа стеснительно улыбалась в 1938 году после захвата Германией Австрии и Чехословакии?..

Владимир Соловьев в своих политических телешоу прошлого года очень часто повторял: «У нас многие ругают Трампа...» И после небольшой паузы с мечтательной

улыбочкой произносил: «А мне он нравится!..» Ну еще бы! Как же может ему не нравиться просионистский «папочка»?..

* * *

12 января 2026 года специальная военная операция сравнялась по продолжительности с Великой Отечественной войной — 1418 дней. Со следующего дня СВО уже превосходила по длительности самую страшную в XX веке войну. К глубокому сожалению, за это время мы не сумели достичь поставленных целей (демилитаризации и денацификации Украины) и даже не смогли полностью освободить Донбасс, не говоря уже о занятых врагом наших конституционных территориях в Запорожской и Херсонской областях.

Конечно, сравнение СВО с Великой Отечественной войной некорректно, нелогично и неправомерно. Тогда, в сороковые годы прошлого века, вся страна была мобилизована и поставлена на военные рельсы, было введено военное положение, и все ресурсы страны работали на армию и оборону. Сейчас этого нет, хотя, по моему мнению, напрасно. Если бы это произошло, то и нынешняя война, названная специальной военной операцией, уже была бы победно завершена, а над оставшимися в живых главарями киевской преступной власти уже вершился бы суд.

Но этого не произошло. И потому война (военная спецоперация) продолжается. Сколько она еще продлится — сказать не может никто. Если сравнивать войну с лечением человеческого организма, то любую запланированную операцию нельзя оттягивать и затягивать по времени, иначе основной организм может ослабнуть и погибнуть. Сначала мы ее оттягивали на восемь лет, а потом затянули на четыре года. Гнилой зуб, не поддающийся лечению, нужно вырвать, а не глушить обезболивающими лекарствами, так же как, не затягивая, надо удалить воспаленный аппендикс, а тем более раковую опухоль.

Бандеровская Украина — это и есть гниющая раковая опухоль на теле России. Ей «демократические эскулапы» дали шанс существования отдельной жизнью, но это для нее оказалось невозможно. Существовать без России, своего изначального тела, она не способна по своей природной, эгоистической и самонадеянной сути. И она стала гнить изнутри. Всё началось с обычной местечковой нацистской заразы. Но за последние 25 лет ее «самостийности» и «нэзалэжности» метастазы жидобандеровщины сожрали в

ней все здоровые клетки и угрожают гибелью самой России. Четверть века — это большой срок для лечения гниющих метастаз в надежде на какой-то «переговорный процесс» с необратимо больным органом. Уже давно пришла пора для серьезной, радикальной операции — безжалостного удаления, глубокого вырезания гниющей опухоли, то бишь потерявшей разум и страх жидобандеровской банды.

Вопрос: ради чего кремлевские стратеги четыре года берегли террориста Зеленского? Неужели ради «переговорного процесса»?.. И второй вопрос: будем и дальше лечить гниющую опухоль? В том смысле, что пытаться с ней о чём-то «договориться»?..

* * *

15 января трамповские посланники Уиткофф и Кушнер сообщили американским журналистам, что до конца января вновь придут в Москву для встречи с В.Путиным по возобновлению «переговорного процесса» относительно «украинского конфликта». И это — после уничтожения нами 91 беспилотника, нацеленного на президентскую резиденцию в Новгородской области, после 29 сожженных человек в селе Хорлы, после нападения на Венесуэлу и похищения президента Мадуро, после захвата в нейтральных водах нефтетанкера, шедшего под российским флагом...

Впрочем, это и не удивительно. По прошествии половины января В.Путин так ни разу и не выступил по поводу перечисленных событий. Более того — ни разу нигде их вообще никак не прокомментировал...

И «дух Анкориджа», зарождающийся на Аляске, по-прежнему витает над кремлевскими башнями...

* * *

21 января в своей вечерней телепрограмме В.Соловьев сиял от восхищения Трампом, не скрывая своего восторга действиями нового Гитлера. Приглашенные политологи тоже дули в эту восторженную дуду. И все в этот вечер почему-то радостно и как-то странно улыбались... Понять их радость было трудно, но если постараться — можно.

В тот же день на заседании Совбеза России В.Путин в своем выступлении, показанном по ТВ, чуть умереннее, нежели Соловьев, но так же положительно отзывался о новогодних инициативах Трампа — вообще без какого-либо их осуждения. «Если говорить о Гренландии, — сказал он, — это нас не касается совершенно». То есть дал понять

американскому агрессору, что лично он, российский президент, закроет глаза на вторжение пиндосов в северный европейский остров. А то, что они сразу же установят на нём свои стратегические радиолокационные системы управления и противоракеты, нас, и прежде всего Кремль, «не должно касаться совершенно». (По всей видимости, именно об этом они договорились на Аляске, в Анкоридже — в обмен на вывод бандеровских войск со всей территории Донбасса. Скорее всего в этом и состоит смысл постоянно доносящейся из Кремля фразы о необходимости «соблюдения договоренностей в Анкоридже».)

«То, что Трамп хочет купить Гренландию, — продолжил на Совбезе свою странную лекцию наш Верховный главнокомандующий, — то мы имеем собственный опыт решения подобных проблем. Как известно, в XIX веке мы продали США Аляску за семь миллионов долларов...» Кого я ни спрашивал, никто не мог объяснить, в чём же заключается «наш опыт решения подобных проблем» относительно Гренландии?..

О похищении Мадуро Путин вообще ни разу не заикнулся, не говоря уже об угрозах Трампа Кубе. Зато долго рассказывал о приглашении России в некий «Совет мира», придуманный Трампом в противовес ООН. Да-да, в «Совете мира», во главе которого, естественно, будет стоять сам Трамп, «остановивший восемь войн». В.Путин весьма благосклонно отнесся к этой идее и обещал подумать над трамповским приглашением. А для начала предложил выделить этому «Совету» миллиард долларов из замороженных наших активов для помощи сектору Газа, разбомбленному Израилем. Но на этом не остановился: выразил желание использовать остальные наши замороженные Западом валютные средства на восстановление Украины, точнее, ее районов, пострадавших в ходе СВО. То, что Донецк уже который год живет без центрального водоснабжения, — как-то осталось без упоминания. Много можно было ожидать от нашего президента, но это — что-то уже совсем новое и неожиданное. Само собой, не мог В.Путин не упомянуть и о стремлении России к переговорам с Украиной. Видать, для того и берегли Зеленского все четыре года войны...

Лет тридцать назад кто-то из журналистов перед телекамерами спросил Путина: «Господин президент, почему вы носите часы на правой руке?» Тогда, тридцать лет назад, он ответил: мол, колёсико часов натёрло ему левое

запастье... С тех пор он сменил много часов, и на его сегодняшних — вообще нет никаких колёсиков, но он по-прежнему носит их на правой руке. Кстати сказать, и премьер-министр — тоже...

* * *

22 января в Кремле состоялась встреча В.В. Путина с посланниками Трампа Уиткоффом и Кушнером. По словам помощника президента Ю.В. Ушакова, разговор был «исключительно конструктивным и крайне доверительным». Договорились о создании трехсторонней переговорной группы в составе экспертов из Москвы, Вашингтона и Киева. Свою работу она начала уже на следующий день, 23 января, в столице Объединенных Арабских Эмиратов Абу-Даби. Оказывается, с террористами, как при Чернобырдине, можно вести переговоры... Одним из членов киевской делегации являлся глава офиса Зеленского А.Буданов, в 2024 году внесенный в РФ в перечень террористов и экстремистов.

Двухдневные переговоры кончились ничем. Киевские террористы заранее получили указание от Зеленского и, естественно, от европейских кураторов не соглашаться ни на какие уступки территории. Даже несмотря на то, что российские переговорщики настаивали только на выводе ВСУ с оставшейся не освобожденной земли Донбасса. Но для бандеровского и европейского врага было важно продолжать убивать русских. И тем не менее американский посредник на переговорах в Абу-Даби Уинкофф назвал их конструктивными...

* * *

Ночью 25 января ВСУ нанесли самый мощный с начала СВО удар по спящему Белгороду и его пригородам — беспилотниками и американскими ракетами «Хаймерс». Весь следующий день 26 января все новостные программы и политические шоу российского ТВ вели речь о Трампе, Гренландии, о пингвинах, которые в Гренландии не водятся, о Зеленском и европейских подсвинках. О Белгороде речи не шло вообще. Прикормленные журналисты и политологи четко отработывали свои немалые серебреники. Зачем портить впечатление о «конструктивных» трехсторонних переговорах, которые вновь были назначены на первое февраля?..

В это же самое время города Мурманск и Североморск уже несколько дней находились без света, тепла и воды. Произошла техногенная катастрофа. Рухнули опоры ЛЭП.

Возможно, произошла диверсия. Города были парализованы. Но в новостях об этом — ни слова. Всё по той же причине. Нельзя нарушать общую оптимистическую атмосферу: впереди «очень важные» переговоры в Абу-Даби, Начальник Генерального штаба ВС РФ озвучивает по ящику победные религии, глава государства проводит в Эрмитаже экскурсию для иностранных гостей, а на следующий день встречается в Кремле с главами еврейских общин...

* * *

Нередко люди всё же сравнивают по продолжительности СВО и Великую Отечественную войну, длившуюся около четырех лет. Причем с ноября 1944 года СССР воевал уже за пределами своей территории. Но многие совсем забыли о том, что огромную наполеоновскую армию, завоевавшую почти всю Европу и дошедшую до Москвы, мы изгнали со своей земли в течение **полугода**! С июня по декабрь 1812-го. Без самолетов, автомобилей, танков и железной дороги.

* * *

В конце января все-таки в киевских жилых кварталах не стало света, а также пропали тепло и вода. Правда, в Раде свет оставался — работали резервные генераторы. Но уже без отопления. Так что очень самостоятельные депутаты своей шкурой почуяли «руку Москвы» — через четыре года после начала СВО. 28 января киевляне начали перекрывать дороги. Не из-за огромных потерь на фронтах, а по причине перебоев с электроснабжением. Давно ли их молодёжь скакала на площадях, хором весело крича: «Хто нэ скаче, той москаль!» Теперь пусть попрыгают, чтобы согреться.

Но в эти последние дни января Путин и Трамп договорились об очередном энергетическом перемирии на Украине — *«для создания благоприятной переговорной обстановки»*... Трамп уточнил для журналистов свою просьбу Кремлю: «Чтобы не страдало население из-за сильных морозов». «Да, это наша добрая воля» — подтвердил для прессы Д.Песков. После массового убийства людей в селе Хорлы Херсонской области и после каждодневных ударов по жилым кварталам г. Белгорода.

* * *

30 января спикер Госдумы В.В. Володин, не обращаясь ни к кому лично, сделал заявление, озвученное в программе «60 минут» Ольгой Скабеевой: «Депутаты Государственной

Думы считают, что мы должны применить более жесткие действия по отношению к нацистской Украине. Пора нам уже ударить по Киеву настоящим оружием возмездия, необязательно ядерным. Надо закончить это раз и навсегда, иначе будем бесконечно тянуть эту резину».

Признаемся честно: это было для всех неожиданно. Наконец-то хоть один реальный человек во власти нашел в себе мужество сказать то, о чем думает весь народ России.

31 января стало известно, что намеченные на 1 февраля трехсторонние переговоры вражеской стороной перенесены. С целью продления энергетического перемирия.

* * *

Министерство юстиции США в конце первого месяца этого года опубликовало более 3 миллионов страниц документов, фотографий и видео, связанных с расследованием преступной деятельности американского финансиста и сексуального маньяка Джеффри Эпштейна (покончившего с собой или убитого в тюрьме). В этих документах обнародованы факты самых грязных извращений, к которым были причастны гости «острова Эпштейна» — все американские президенты последних 35 лет, а также почти вся политическая элита Северной Америки и Европы. Среди этих извращений — педерастия, педофилия, садомазохизм, каннибализм, изнасилования, массовые оргии с детьми и т.п. Имя Трампа упоминается в них 38 000 раз. Помимо него также во множестве раз названы Буш-старший и Буш-младший, Б.Клинтон, Б.Обама, Д.Байден, Э.Макрон, Илон Маск, Билл Гейтс, Дэвид Копперфилд, Леонардо Ди Каприо, Клаудия Шиффер, британский принц Эндрю (брат короля) и многие другие западные политики, артисты, представители СМИ. В опубликованных документах фигурирует имя и ублюдка Зеленского — в связи с поставками на «остров Эпштейна» украинских несовершеннолетних девочек. И с этими мразями — главными выразителями «западных ценностей» — нашим переговорщикам придется о чем-то договариваться, заключать с ними какие-то сделки?..

Когда журналисты задали Трампу вопрос по поводу опубликованных Министерством юстиции документов, он перед телекамерами молча показал всем средний палец...

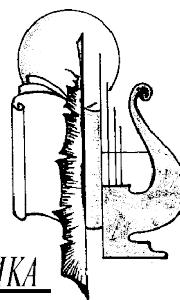
ГОЛОС ЭПОХИ

(Раздумья над новыми стихами Валерия Хатюшина)

Величие поэта измеряется ценностью его творений. А как рождаются эти творения в наш суровый век — век жестоких схваток и тревог? Нетрудно догадаться, читая стихи поэта-современника Валерия Хатюшина, что рождаются они в боли. Истинные стихи рождаются в боли, как и человек. Появление на свет сопровождается страданием, но в случае поэзии это страдание особое: оно не связано с телом, а прорастает в душе, превращаясь в слово — боль души рождает поэзию.

*Но никто не подскажет, откуда
мы в земную приходим юдоль
(всех чудес невозможное чудо)
через муку любви, через боль...*

Давно замечено, что разговор в стихах поэта В.Хатюшина идет не с отдельно взятым человеком, а со всем миром, судьбой страны. И не только итог многолетнего нравственного опыта поэта запечатлен в строчках — они крылато и

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

зорко обращены к будущему. Автор утверждает, что удел человека — высшее совершенство, и его стремление прийти к осознанию вечных законов оправдано жизнью.

*И бежим от родного порога,
беспокойно куда-то спеша...
Ближе к дому — прямее дорога.
Ближе к Богу — живее душа.*

Личную боль поэт-философ, поэт-лирик В.Хатюшин умеет перерабатывать в голос эпохи, и тогда его строки звучат так убедительно, словно сама история доверила ему свои тайные страдания.

Благодаря таким поэтам, мы учимся слышать чужую боль и становиться человечнее. Они открывают нам тайну самой жизни — её хрупкость и её величие, её способность ранить и исцелять одновременно. И, может быть, именно в этом противоречии рождается настоящая красота слова и мысли.

Жизненный и творческий путь Валерия Хатюшина воспринимается не как череда дат и фактов, а как внутреннее движение души. А душа поэта-философа, писателя-публициста блуждает всегда около тайны преображения. Слово для него — не просто звук, не просто строчка на бумаге. Оно становится судьбой, становится путём, по которому поэт-пророк идёт навстречу миру. В каждом стихотворении слышится не только личная исповедь, но и голос времени, голос истории, который требует ответа.

*Сколь ни радостно жизни начало, —
ждёт печаль в завершенье пути...
И зачем-то из родины малой
неприменно должны мы уйти...*

Книги В.Хатюшина — это диалог, где читатель неизбежно становится собеседником, а сама жизнь превращается в философский спор о смысле бытия и ответственности за него. «Быть человеком на Земле» — это не лозунг и не декларация для поэта, это тихое, но твёрдое напоминание: человек рождается в боли не для того, чтобы пройти мимо, а чтобы оставить след — честный, совестливый, наполненный смыслом, и стать Человеком!..

*Запомни — весь путь свой земной
ты к встрече с собою готовишься*

*за той невозвратной чертой,
когда Человеком становишься.*

Как много тайн хранит в себе поэзия В.Хатюшина-философа, который за годы своей работы подарил читателям более тридцати книг. Тайны, ключ от которых спрятан от всех нас в душе поэта, открываются осторожно, нечаянно. И какие бы маски ни надевал поэт, как бы ни прятал свою боль, — печали своей он не скроет, потому что она в стихах:

*Не могу я слушать песни о любви.
Сердце в спазмах горла плачет, замирая.
...Как в осколках лета губы ни криви,
отмирает август, листьями играя.*

Читатели, любящие поэзию, всматриваются в слово, чтобы понять, какими путями ходит поэт, чтобы поведать миру сокровенное. Каждая строка для них — тропинка вглубь сердца, где чужая исповедь превращается в их собственное откровение. Лирические герои стихов В.Хатюшина не безлики, не лишены сомнений, тревог, не лишены боли. Личность поэта неотделима от его поэтического «я». Прочитанные и глубоко осмысленные стихи открывают не только тончайшее движение души поэта, но и его сокровенные желания — такой силой обладает искренность и достоверность его поэзии.

*У каждого своя дорога.
Куда ведет она — как знать...
Наверно, можно жить без Бога.
Но как без Бога умирать?..*

Валерий Хатюшин умеет удивительно тонко переплести живые картины природы — «Терпко дышит шальная весна...» — с глубокими размышлениями о времени и вечности: «Ближе к старости — рифмы точнее, ближе к мудрости — проще строка...» Его биография сама по себе звучит как символ: от рабочего и строителя до главного редактора журнала «Молодая гвардия». Этот путь даёт ему право говорить о ценности труда, о человеческом достоинстве, о силе слова и ответственности перед обществом не отвлечённо, а из личного опыта и прожитой жизни. Его жизненный путь сделал поэзию особенной — сильной, земной, наполненной правдой.

Поэзия В.Хатюшина — это стремление удержать человека в мире, где всё непрочное и изменчиво. Его строки напоминают, что слово способно быть не только оружием, но и молитвой, не только протестом, но и утешением. Вот уже 35 лет, будучи главным редактором «Молодой гвардии», В.Хатюшин выступает не только как руководитель, но и как хранитель традиций и вдохновитель новых идей. Рубрики журнала: «Память», «Вызовы времени», «Русский вопрос», «Уроки истории», «Национальное образование» — объединили современные голоса талантливых критиков, публицистов, поэтов. Сегодня «Молодая гвардия», пережившая в 2022 году столетний юбилей, — не просто журнал, это орган, несущий время в себе. Поэт и публицист, главный редактор журнала Валерий Хатюшин не объявляет себя «истолкователем своей эпохи», он выражает дух этой эпохи в той мере, в какой он способен его постичь, и его журнал — это своеобразная патриотическая трибуна для вещания и просвещения. В публицистике В.Хатюшин так же, как и в поэзии, стремится осмыслить судьбу человека и России, сочетая личное переживание с историческим и национальным контекстом.

Первая книга стихов «Быть человеком на Земле», задавшая тон его лирике, — стремление к нравственной честности и философскому осмыслению бытия — стала своеобразным манифестом поэта, определив дальнейший творческий путь: обращение к вечным вопросам человеческого существования, поиск гармонии между внутренним миром и внешней реальностью. А книги поэта-современника В.Хатюшина **последних лет** удивительным образом совместили интимную лиричность и гражданскую прямоту, создавая редкое ощущение единства личного переживания и общественного призыва. Философские стихи (а они все таковыми являются) учат видеть красоту мира и одновременно не оставаться равнодушными к судьбе Родины.

В этом двойном измерении — личном и общественном — проявляется сила его творчества: он говорит и от сердца, и от совести.

*Лишь вере страшишь изменять
в дороге, что сердцем не пройдена,
чтоб смочь в этой жизни понять,
КОГДА начинается Родина.*

Родина, как утверждает поэт, не формальность и совсем не территория. Она начинается внутри человека, когда он идёт по своему пути честно, не изменяя вере и сердцу. Родина — это момент внутреннего прозрения, когда человек понимает, где его корни и что для него свято.

Стихотворение «Я сделал в жизни всё, что мог...» звучит как исповедь души, которая прошла долгий путь испытаний и теперь обращается к Богу с тихим, но предельно искренним словом.

*Я сделал в жизни всё, что мог,
в душе храня свое призванье.
Когда о грешном вспомнит Бог —
настанет время испытанья.*

Это, безусловно, не победная речь, а скорее определенный итог, в котором слышится и усталость, и благодарность. Призвание — это то, что удерживает человека от распада, даёт ему внутренний стержень. Но вместе с этим приходит мысль о грехе и неизбежном испытании: Бог вспомнит о грехах, и тогда наступит час проверки. Здесь нет громкой декларации, нет пафоса — лишь смиренное признание того, что человеческая жизнь всегда остаётся несовершенной, но может быть освещена любовью и милостью свыше.

*И должен с этой высоты,
спасенный лишь Его любовью, —
отринуть сладость суеты
и тяготенье к празднословью.*

Во второй строфе слышен призыв к очищению. Человек должен «отринуть сладость суеты и тяготенье к празднословью». Звучит мотив духовного аскетизма: истинная высота достигается не внешними успехами, а внутренним освобождением от всего ненужного и лишнего. Сложно не признать, что судьба — это череда взлётов и падений. Но именно в этом жизненном движении рождается «венец» — итог жизни. Очиститься от «горделивых наслоений» — значит увидеть себя настоящим, с истинным лицом, в истинном образе.

*Узреть, как всей судьбы венец,
дорогу взлётов и падений,
себя очистив, наконец,
от горделивых наслоений.*

Финальный аккорд — это признание в невозможности поделить глубинной мукой. Только Богу можно сказать глазами о том, что невозможно высказать устами. Это — вершина искренности, когда душа остаётся один на один с Творцом.

*И ниц не опустив лица,
но покорившись высшей воле,
дойти до самого конца —
до тьмы в глазах — по нерву боли.*

Читая этот духовный монолог, в котором и исповедь, и молитва, и итог жизни, понимаешь, что он о смирении, честности, готовности пройти через боль, сохраняя внутреннюю верность призванию. Нет, здесь не отчаяние, а способность принять судьбу и доверить самое сокровенное Богу. Стихотворение о духовной зрелости и готовности к последнему шагу, где боль становится не наказанием, а частью пути к освобождению.

*И этой муки никому
не выдать словом и слезами.
Лишь только Богу одному
с тоской о ней сказать глазами...*

Следовательно, философская лирика В.Хатюшина последних лет строится на символах веры, времени, совести, которые превращаются в универсальные метафоры человеческого существования.

В стихотворении «Мир земной — это дар изречённого Слова...» тема веры продолжается, но в другом ракурсе. Каждое слово здесь пронизано ощущением духовной миссии. Оно звучит как пророческое размышление о месте России в мире, о её предназначении и о том, что истинные ценности заключены не во внешних формах, а в живом Слове и вере. Несмотря на грехи и хаос современного мира, «на грешной Земле существует Россия — как единственный Рим и единственный Храм». Россия предстает не просто страной, а духовным оплотом, хранительницей истины и веры, последним бастионом против разрушительных сил.

*Нас, неверных, конечно, смела бы стихия
за бесовский бедлам и за гендерный срам...
Но на грешной Земле существует Россия —
как единственный Рим и единственный Храм.*

Философское размышление В.Хатюшина — это не религиозная медитация, а философское пророчество. Оно утверждает, что истинная сила мира заключена в Слове, а Россия — хранительница этого Слова, «единственный Рим и единственный Храм». В этих строках звучит тревога о судьбе человечества, но вместе с ней — твёрдая уверенность в духовной миссии, которая способна превратить драму истории в благодать. Поэт уверен, что история не даст новых духовных центров, всё завершится в том, что уже дано. Россия и вера во Христа — последняя опора человечества.

Читая стихотворение за стихотворением, понимаешь, что поэзия В.Хатюшина рождается из напряжённого диалога, где участники — поэт — душа — время.

Гражданская лирика поэта — это не отвлечённые размышления, а крик сердца, обращённый к России, к её прошлому и настоящему. В стихах слышится горечь утрат и тревога за будущее, но вместе с тем — стойкость и вера в духовное возрождение.

Для поэта-философа В.Хатюшина поэзия неразрывна с гражданской позицией, а слово становится оружием, которое защищает честь народа. В стихах звучит протест против равнодушия, против утраты памяти, против предательства Родины.

Человек, который видел Север и Сибирь, строил КамАЗ, служил в ракетных войсках, его гражданская лирика выстрадана жизнью, она не придумана в кабинетной тишине. Не случайно литературный критик В.Смык в статье о книге В.Хатюшина «На переломе» пишет о поэте, что его «чувство Родины, любовь к ней не умозрительна — выстрадана жизненным опытом...»

Перечитывая несколько раз стихотворение «Памятники», прихожу к выводу, что метафоричность — в переплетении небесного и земного, в духовной памяти. Кровь погибших рождает жизнь, и это не метафора жестокости, а своеобразное утверждение, что жертва не исчезает бесследно, она становится частью будущего. Памятники — это не только каменные символы, но и сама память о тех, кто отдал жизнь.

*В этом Слове бессмертна память,
как зарыть ее ни тужись.
Память — вечной Победы пламя.
Кровь погибших рождает жизнь.*

Стихотворение «Памятники» Хатюшина — это гимн памяти, которая сильнее разрушения. Поэт, как истинный патриот, показывает, что памятники живут не в камне, а в душе народа, в его слове, в его крови. Их нельзя уничтожить, потому что они — часть вечности. А в Слове заключена истина и любовь, именно Слово хранит бессмертную память. В.Хатюшин утверждает, что духовное наследие сильнее политических перемен, оно не поддается уничтожению.

В. Хатюшин — поэт, публицист, гражданин, для которого слово и гражданская позиция составляют единое целое. Его художественные произведения и публицистика исходят из одного духовного корня: стремления защитить национальные ценности, вдохновить читателя на осмысление судьбы страны и человека. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» — не случайно этими возвышенными словами открывается журнал «Молодая гвардия» сегодня!

Неспокойная душа поэта одним своим бытием указывает, что есть твердые, гранитные устои, «эти линии самые красные», границы, которые нельзя нарушать. Тема, начатая в стихотворении «Красные линии», находит продолжение в «Красных птицах». Следует заметить, что в творчестве В.Хатюшина красный цвет выступает как символ жизни, энергии и борьбы, одновременно отражая любовь, страсть и трагизм. Он несёт многозначную семантику: от солнечного света и радости до крови и войны.

Апокалиптический мотив в стихотворении «Красные птицы» звучит как предупреждение. Стихотворение начинается с цитаты из Откровения Иоанна Богослова: «Пятый Ангел вострубил...» XXI век стал временем, когда пророческие трубы звучат вновь, а человечество стоит на грани. Поэт уверен: те, кто погибает, должны были смеяться, любить, петь... Жизнь обрывается внезапно, и это делает войну не просто политическим конфликтом, а преступлением против самой человеческой природы.

*Век двадцать первый — как сцены из ада.
Мир человеческий — на грани распада.
Красные птицы со свистом летят.
Ангелы света уже протрубили.
Черные демоны солнце затмили.
В храме укропами пленный распят.*

Поэтическая миниатюра — крик души, свидетельство утраты гармонии и баланса добра и зла. Красные птицы —

символ того, что война стала привычной частью реальности, а смерть — повседневным зрелищем. Пророческий гимн боли и ужаса! Поэт предупреждает, что, если человечество не остановит полёт этих «птиц», оно окончательно утратит свет и надежду.

Для современного читателя строки стихов В.Хатюшина звучат особенно актуально. В мире тревог и суеты поэт напоминает, что жизненный путь человека — это не бегство, а возвращение. Возвращение к дому, к истоку, к себе, к Богу. Формула духовного опыта поэта, прошедшего сложный путь: «Ближе к дому — прямее дорога. Ближе к Богу — живее душа». В отличие от многих поэтов, для которых смерть — это трагический финал, В.Хатюшин видит её как возвращение. Это роднит его с религиозной лирикой Заболоцкого, где старость и смерть воспринимаются как очищение и переход к вечному.

Творческий и жизненный путь В. Хатюшина — это путь человека, который не отделял поэзию от гражданского долга, поэтому он вправе сказать: «Я сделал в жизни всё, что мог...», ведь так остро переживать боль и так честно относиться к жизни и обществу способен далеко не каждый.

г. Гродно, Белоруссия. Декабрь 2025 г.

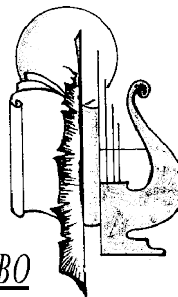
Руслан СЕМЯШКИН

ЕЕ ПРИЗВАНИЕ — РУССКАЯ ПЕСНЯ

К 100-летию Ольги Воронец

Высочайшее мастерство отличало эту исполнительницу, олицетворявшую собою, своей женской красотой, статью и творчеством саму Россию и всё то лучшее, что провидением заложено в русского человека, в его такую тонкую, восприимчивую и отзывчивую душу. Обладала она и прекрасным голосом — ее звучное, богатое обертонами меццо-сопрано покоряло слушателей. Был свойственен сильному, подвижному голосу Ольги Воронец и широчайший диапазон звучания, от нежного, прозрачного пианиссимо до величавого форте. Имелась в арсенале певицы и великолепная дикция, позволявшая ей филигранно, бережно относиться к каждому слову, исполнять как русские народные, так и лиричные, и гражданственные песни советских композиторов. И каждый ее выход на большую сцену или на небольшой подмосток где-нибудь в заводском цехе, становился для замороженного певицей слушателя праздником — праздником русской песни, которую Ольга Борисовна боготворила и долгие годы несла по бескрайним русским просторам, советским республикам, странам ближнего и дальнего зарубежья.

Звонкоголосая певица, исконно русская подвижница, всем сердцем, помыслами и делами служившая России и стоящая в одном ряду с такими лучшими исполнительницами русской песни, ставшими ее незабвенными символами, как Н. Плевицкая, И. Яунзем, Л. Русланова, О. Ковалева, А. Прокошина, М. Мордасова, Л. Зыкина, А. Стрельченко, — вспоминается нами по случаю столетнего юбилея со дня ее рождения,

ИСКУССТВО

приходящегося на 12 февраля 2026 года. Впрочем, такого дарования артисты, какого была и Ольга Воронец, даже и после физической смерти продолжают жить. Благо и то, что сохраняется их творческое наследие, записанное и доступное сегодня посредством различных каналов передачи информации. А посему навсегда останется в нашей памяти и эта выдающаяся певица, слушая которую мы вновь и вновь переживаем добрые эмоции и как будто идем по российским дорогам, видим густые леса, бескрайние поля и подвижные реки, синие озера, встречаем приветливых, скромных и доброжелательных людей, заходим в их деревянные избы, пьем с ними душистый чай, вместе радуемся и грустим, но неизменно и сообща гордимся тем, что нам выпало огромное счастье «жить одной судьбой» с Россией, возвращение подлинного величия которой, хочется верить, уже не за горами.

Большую жизнь суждено было прожить Ольге Борисовне. Многие пришлось ей повидать и на жизненном пути, растянувшимся на без малого полных девять десятилетий. Да и не был он сплошь безоблачным и радужным. Уроженка Смоленска, дитя Великой Отечественной войны, она пережила годы эвакуации в маленьком поселке Федоровка, затерянном в необозримых кустанайских степях, где и научилась тяжелому физическому труду, когда ходила за плугом, бороновала поле, скирдовала солому, отсеивала шелуху, работала на бахчах.

Не просто жилось и в послевоенные годы. Конечно, встречались ей и непорядочные люди, завидовавшие ее таланту и готовые всегда подставить ей подножку. Не миновали певицу и разочарования. Приходилось ошибаться. Не всё гладко было и в личной жизни. Унылыми, безрадостными, тягостными стали для нее и последние годы жизни, как назло омраченные болезнями и травмами, нагнавшим инсультом и другими напастьми.

Однако же, выходя на сцену, Ольга Воронец преображалась, и ни у кого из слушателей и мысли не возникало, что певица могла что-либо переживать и от чего-то расстраиваться. Собственно, выступая, исполняя ту или иную песню, Воронец уже всецело погружалась в ее существо и жила как бы там, где-то далеко, в самой песне, вместе с ее героями, тем более, что каждую песню воспринимала как самостоятельную завершенную новеллу со своим неповторимым сюжетом и музыкальным содержанием. Иначе она и не могла — артистический дар и необычайно уважительное отношение к слушателю не позволяли ей петь посредственно, абы как, не вдумываясь в сюжет песни и не сопереживая или радуясь вместе с ее героями.

Недаром подмечали, и прежде всего те, кто музыкальным творчеством занимался профессионально, что Воронец — «умная певица» и «поет с головой», позволявшей, к счастью, делать выступления вдумчивыми, правдивыми, предельно одухотворенными и правильно, в профессиональном артистическом ключе интерпретированными.

Присущ певице был и особой артистизм, сдержанный, не допускавший кривляния, неестественной наигранности и крикливого выпячивания, но и красочный, изящный, полный

чувственности, выразительности, темперамента, сопровождаемый, если в том имела необходимость, грациозной жестикуляцией рук.

Яркая творческая индивидуальность Воронец просматривалась явно, что называется, невооруженным глазом. Ее наличие у певицы подтверждала и учившая Воронец профессиональным навыкам чуткий педагог, ставившая к тому же и первые программы начинавшей исполнительницы, народная артистка РСФСР Ирма Яунзем, написавшая в одном из номеров журнала «Советская эстрада и цирк» за 1966 год, в том числе такие слова: «Главное же, на мой взгляд, заключается в том, что Ольга Воронец нашла свою индивидуальность, без которой не существует искусства вообще, обрела только ей присущий почерк, свою манеру исполнения... Каждая спетая ею песня — картинка».

Кстати, сама Воронец очень ценила то доброе участие и помощь в процессе ее профессионального становления, которое принадлежало Ирме Петровне. «Она никогда не навязывала мне своей трактовки песни, — вспоминала певица годы спустя. — Напротив, требовала и помогала найти самобытность в решении самых запетых сочинений. Ее огромный опыт сочетался с удивительным тактом и радостной щедростью».

Коль уж вспомнились старшие товарищи и коллеги Воронец по певческому искусству, не могу не сказать и о том, что Ольга Борисовна была в добрых дружеских отношениях с легендарной Клавдией Шульженко. И несмотря даже на то, что работали они в разных жанрах, Воронец очень ценила личные качества и огромный певческий опыт выдающейся певицы. По сути, Клавдию Ивановну она воспринимала в качестве своей наставницы и не раз говорила о том, что «очень многим обязана Шульженко».

«Когда я была девочкой, то даже не мечтала не только подружиться, но быть хотя бы знакомой с Клавдией Ивановной, — признавалась Воронец. — В 1961 году я познакомилась с ней, и с тех пор эта удивительная женщина бескорыстно дарит мне свою дружбу».

Известны и отзывы народной артистки СССР Шульженко о Воронец. Так, Клавдия Ивановна однажды сказала: «У нас много общего в понимании места и роли певицы в жизни общества и народа. И помогать мне много Ольге не пришлось, — мы понимаем друг друга с полуслова, наши творческие устремления лежат в одном русле. Если говорить о генеалогии ее исполнительской манеры, то среди множества предшественниц ближе других стоит к ней имя знаменитой в свое время Н. Плевицкой. Ольга не культивирует подчеркнuto деревенскую, этакую квасную и посконную манеру исполнения в духе «раззудись, размахнись, расступись»... Ее стиль благороден — в нем есть что-то от культуры большой поэзии и в то же время — через вершины этой поэзии — истинно народное... Мне глубоко импонирует в Ольге вот что: она поет не на люстру в зале — а глаза в глаза, душа в душу зрителю и слушателю. Не голосовыми связками — а недрами сердца поет. Ее главный прием — вскрывать исполняемую песню изнутри и переливать ее прямо в зал...»

Немаловажно и то, что выступления Воронец славились исключительным, скорее даже совершенно феноменальным

гармоническим сочетанием текста и мелодии. Потому-то и сложилось мнение, что она и не пела, по сути, песню, и не рассказывала ее, а играла, именно играла песню, как это наблюдалось некогда на Руси. Причем играла, заручившись поддержкой аудитории, настроения которой Воронеж всегда ощущала не только по аплодисментам, но и по пристальным взглядам, обращенным к ней.

Да и относилась она к своему слушателю по-особому. С уважением, признательностью. Посему и старалась не просто порадовать голосом, но и подготовить соответствующий репертуар, делая акцент на произведениях глубоких по смыслу, содержательных, вызывавших поток эмоций и раскрывавших душу России, красоту земли русской, любовь к матери, Родине, человеку.

Петь все подряд Воронеж себе никогда не позволяла. «Песен, которых не люблю, я не пою», — говорила певица, так как была взыскательным творцом и в первую очередь ее интересовал смысловой фон песни. Предпочтение же она отдавала произведениям содержательным, с четким сюжетом, который, как правило, авторам стихов удавалось уложить в подобие музыкальных этюда, новеллы или баллады, где наличествовали ко всему тому и страстные обращения к слушателю, признания, монологи.

«Первое, что я делаю при знакомстве с новой вещью, — читаю текст, — откровенно говорила певица. — Степень его наполненности содержанием определяет для меня всё. Мой критерий прост: текст должен быть глубок и интересен, он должен будить мысль и будоражить чувство. А если при этом и музыка хороша — это уже произведение. И все сомнения — брать или не брать — отпадают».

Но сами по себе стихи и музыка к певице чудесным образом не приходили. Их тоже, и в особенности если речь заходила о русских народных песнях, необходимо было подыскивать, изучать, сопоставляя свое видение с тем взглядом на них, который бытовал ранее.

В работе этой певице помогали ее друзья: композиторы и поэты, а также и все те, кто дорожил русской песней и делал всё возможное для ее сохранения и популяризации. А таких увлеченных людей, бескорыстно служивших национальному искусству, в советские годы было немало. Далеко немало жило на просторах Советского Союза и тех, кто искренне любил песню. Вспомним ежегодные трансляции «Песни года» рубежа семидесятых годов прошлого столетия, на которых ведущие зачитывали выдержки из писем неравнодушных граждан, обсуждавших песни и их исполнителей и голосовавших за полюбившиеся им песни в рамках тех всенародно любимых фестивалей. И таких писем в редакцию музыкальных программ Центрального телевидения СССР приходило десятки тысяч. Более того, письма эти читались, комментировались, передавались композиторам и поэтам. К тому же граждане активно писали и своим любимым исполнителям. Писали они и своей любимице Ольге Воронец...

Сегодня трудно даже представить, как трепетно относились советские люди к песне, как любили они певцов, композиторов, поэтов, как верили им! Это удивительное явление советской

цивилизации убедительно говорит нам о том, что общественный климат в стране был здоровым. Люди имели возможность приобщаться к подлинному, высокохудожественному и высоконравственному искусству, ходить на концерты и, ко всему тому, лицезреть артистов на производственных площадках и колхозных станах, в коллективах и учреждениях, воинских частях, в труднодоступных местностях, куда и добраться-то было крайне непросто, на стадионах и в сельских домах культуры. И пускались в дальний путь не только начинающие артисты, а и те, кого в стране знали, кто имел почетные звания, заслуженное признание и авторитет.

Любимыми же сценическими площадками Воронеж были цеха заводов и сельские клубы. «Всегда уверена, что в этой аудитории найду настоящее понимание песни, добрый отклик на нее, — не сомневалась певица, с удовольствием выступавшая практически в любых трудовых коллективах. — Но главное — знаю, что песня нужна трудовому человеку. И не только как отдых, но и как стимул хорошего, доброго, настоящего трудолюбивого настроения. Люблю слушателей в рабочей одежде».

Исколесила всю необъятную страну и Воронеж. Где ей только не довелось побывать! Как сама она вспоминала, что «по Советскому Союзу ездила везде. Нет такого уголка во всем бывшем Союзе, где бы не побывала». В пути певице приходилось находиться долгими неделями. На одном только БАМе она гастролировала шесть раз и присутствовала на церемониях укладки «серебряного» и «золотого» звеньев БАМа. Дважды командировалась Воронеж и на Камчатку. Пела певица в холодный, дождливый, ветряный день и перед строителями Братска, которого тогда еще и не было, так как не взорваны были пороги на Ангаре. Выступала она в Братске и потом, но уже в роскошном Дворце культуры, из окон которого была видна огромная плотина Братской ГЭС.

Об обширной географии своих поездок Ольга Борисовна говорила и в интервью корреспонденту газеты «Труд», опубликованному в ней в сентябре 1980 года: «Где я только не побывала за годы работы! На Камчатке и Сахалине, на Волге и в Крыму, на Урале и в Сибири... Только за последний год у нефтяников Уфы, шахтеров и металлургов Кемерово, на Магнитке, БАМе, в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре... Ну, кажется, везде побывала. А взгляну на карту страны: нет, оказывается, далеко не везде».

Не одно десятилетие она шла пешком и ехала на подводах, пересеживалась с автобусов и машин в поезда, летала на самолетах, пассажирских и грузовых вертолетах, передвигалась на паромов, пароходах и судах, благодаря которым мелькали бесконечные города, поселки, села, далекие станции, дома культуры, предприятия, организации, колхозы, воинские части. И, разумеется, везде ее встречали люди, их глаза, улыбки, а порою и слезы — слезы радости, непроизвольно появлявшиеся у слушателей, потрясенных задушевностью и лиризмом, всегда сопровождавшими творчество исполнительницы.

Посему неудивительно и то, что Воронеж стала даже народной артисткой Каракалпакской АССР. А вообще-то наградами Ольгу

Борисовну не сильно-то и баловали. В 1966 году ей присвоят звание заслуженной артистки РСФСР, через двенадцать лет она станет народной артисткой РСФСР. Советское государство наградит Воронеж орденом «Знак Почета». И уже в достаточно преклонном возрасте певица удостоится звания почетного гражданина Смоленска, где она многие годы являлась председателем жюри фестиваля народной песни «Голоса России». На ее малой родине в 2009 году вспомнят о том большом личном вкладе, который Воронеж привнесла «в развитие музыкального исполнительского искусства и прославление города Смоленска, его истории и культурного наследия в России и за рубежом». Награждалась она также и орденом Монгольской народной республики «Полярная звезда».

Между прочим, с середины 60-х годов Воронеж блистательно выступала и на зарубежных сценах. В какой-то степени зарубежное ее признание опередит отечественное, которое придет к ней в Российской Федерации и в других республиках СССР.

Тогда же, находясь в прекрасной певческой и физической форме, обогатив репертуар русскими народными песнями, романсами и песнями советских композиторов, солистка Москонцерта Воронеж уверенно покорила массового слушателя Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии, ГДР, Франции, Финляндии, Дании, Голландии, США, ряда стран Южной Америки с прилегающими к ней Антильскими островами, включая и Барбадос, а также граждан Монголии, Японии, Египта, многих африканских стран, а вместе с ними и жителей одноименного государства, расположенного на острове Маврикий.

А в августе 1965 года во Франции на международном фольклорном фестивале русская народная песня «Калинка» в исполнении Ольги Борисовны пользовалась таким грандиозным успехом, что певицу ласково прозвали именем «Ольга-Калинка».

Кстати, с «Калинкой» у Воронеж однажды вышла курьезная история, надолго ей запомнившаяся. «В поездке по Тринидаду нас сопровождал импресарио с Ямайки, — вспоминала певица. — После одного из концертов, в котором я пела «Калинку», он подошел ко мне и, извинившись, потрогал мое горло: откуда, мол, идет столько звука, не вставлен ли в горло... долгопоющий автомат?»

За рубежом Воронеж пела не только на русском языке: «...выступая в Африке, часто пела на государственном языке страны. А в одной из стран оказалось два государственных языка, — пела на обоих». И везде ее встречали тепло, в каждой стране певице были искренне рады. Особенно ее любили в Монголии, о пребывании в которой у Ольги Борисовны остались самые добрые воспоминания. «Разве можно забыть улыбку знаменитого монгольского скотовода, принимавшего нас в своей юрте? Радушию хозяина не было конца. А как подбадривали меня монгольские друзья, когда я, едва дыша, управляла... верблюдом?»

Как же находила Воронеж свою песню? Были ли и у нее счастливые открытия? Да, такие радостные находки в ее исполнительской биографии случались.

Однажды вместе с известным композитором, гусяршей и аранжировщиком, народной артисткой РСФСР Верой Городовской Воронеж в одном из старых дореволюционных изданий обнаружила удивительное произведение «Мой костер», считавшееся «жестоким» цыганским романсом, хотя и слова к нему были написаны русским поэтом Я. Полонским. Обдумав, проиграв возможные вариации, певица преподнесла этот прекрасный романс слушателю, причем в благородной русской манере исполнения. И он буквально преобразился, став украшением постоянного репертуара Воронеж.

Новую жизнь смогла певица подарить и русской народной песне «На улице дождик». Эту чистую, как слеза, проникновенную песню в свое время записал лично Горький и прислал ее Яунзем. Пройдут годы, Ирма Петровна поставит ее как режиссер и введет в репертуар Воронеж.

Примерно так же, с подачи равнодушных любителей и ценителей русской песни, приславших певице слова и ноты давно подзабытых произведений, она воскресит к жизни такие замечательные русские народные песни, как «Кари глазки», «Ах ты, ноченька», «Ты прости, прощай...»

Вообще же русскую народную песню певица любила всем сердцем, истово, проникновенно. «Мое призвание — русская народная песня, — признавалась Воронеж. — Она радость и боль моя, забота и гордость и непреходящая моя любовь. Из чего я исхожу, останавливая свой выбор именно на этой, а не на какой-либо другой песне? Для меня главное, чтобы в песне душа была. Потому я так часто обращаюсь к прошлому: в старинных-то песнях бездушия опасаться не приходится: без души они бы в столетиях не уцелели...»

Немало ярких впечатлений подарили певице также те дни и часы, когда она бралась за работу над песнями советских композиторов. В одном из поздних интервью, данных корреспонденту «Российской газеты» А. Ярошенко, Ольга Борисовна рассказывала:

«Как-то послушал меня главный редактор телевизионного новогоднего «Огонька» и спрашивает: «Оль, а вас никогда на телевидение не приглашали?» — «Нет», — говорю я. «А на радио?» — «Тоже нет». — «Подготовьте несколько песен, мы вас послушаем». Несколько дней не спала, не ела — готовилась. Послушали и решили сделать обо мне маленькую передачу на радио, в которой прозвучали две мои песни, одна из них была «Вьюга» Григория Пономаренко. И «Вьюга» пошла в народ!..»

Когда Оскар Фельцман предложил мне песню «Взрослые дочери» я сразу категорически отказалась. Больное материнское естество взбунтовалось (у певицы не было своих детей. — Р.С.). Потом смущало, что я еще молодая для песни о взрослых дочерях.

Оскар Борисович мне интеллигентно, но убедительно говорит: «Дура ты! Это же образ!»

Убедил, и песня пошла в народ. Русланова до самой смерти пела «Я молоденька девчонка, у меня русая коса». Пела так, что ей все верили. Песня возраста не имеет.

Я когда «Дочерей» пела, то всегда вспоминала свою маму, как она в войну водовозом работала, как полуголодная несла мне кусок

хлеба. Вспоминала ее руки, запах, глаза, и песня шла у меня из самого сердца. Ничего не придумывала, никаких интонаций, все из души шло и в сердца попадало.

Многие песни Григория Пономаренко имели особый успех. Гриша же был самородок чистой воды, деревенский, в шесть лет так играл на гармошке, что вся округа плакала. Он все ноты брал от земли и из народа. Секрет прост, вернее, секрета в его случае не было. Что от народа шло, то в народе и оставалось.

Очень большой успех я имела, когда спела пономаренковский «Колокольчик», ее страшно любили дети, они мне пачками письма писали. Еще «Тополя» его же пользовались необыкновенной популярностью...

Но с композиторами бывало всякое. Когда Вано Мурадели первый раз услышал «Я Земля» в моем исполнении, ему это жутко не понравилось. Кавказская кровь, вспыхнул как спичка. Потом подходил, благодарил, руки целовал...»

Творческое содружество с замечательным русским советским композитором, порядком уже подзабытым в наше время, — Г. Пономаренко, подарило Воронецу и другим замечательные, чрезвычайно полюбившиеся в народе песни. Это такие песни, как «Белый снег» на стихи В. Бокова, «Нарьян-Мар, мой Нарьян-Мар» на стихи И. Кашежевой, «Бабья доля» и «Где мне взять такую песню?» на стихи М. Агашиной.

О последней попутно замечу, что певица на ее счет имела твердое убеждение: «...чтобы спеть «А где мне взять такую песню и о любви, и о судьбе», нужно было жить одной жизнью, одной судьбой с теми, для кого пела. По-другому эта песня бы не стала народной».

Г. Пономаренко напишет, причем специально для Воронеца, на стихи В. Чурсова и удивительную, сверхэмоциональную, гражданственную песню «Русские матери», впервые исполненную певицей в бессмертном городе на Волге — Сталинграде-Волгограде.

В тот свой приезд в город-герой певица успела побывать и на Мамаевом кургане, где долго смотрела на монументальную фигуру Родины-матери. А вечером ее «Русских матерей» зал слушал стоя. В конце же песни Воронеж в сущности уже и не пела — она буквально заходила в пронзительном, исполненном трагедийной патетики крике, в котором, тем не менее, напряжение душевных струн было сильнее напряжения голосовых связок. Народное горе и народный подвиг сливались в единое целое, в ту духовную святыню, которая навсегда останется в сердце каждого русского человека-патриота, любящего и готового защищать нашу великую Россию.

«Русские матери» на многие годы стали неизменной кульминацией каждого концерта певицы. И, пожалуй, так темпераментно, гражданственно, призывно и в одночасье задушевно эту песню лучше Воронеж никто не исполнял. Но, как ни прискорбно об этом говорить, при всем при том сегодня этот песенный шедевр практически не услышишь на телевидении и по радио. Не знает эту песню и молодежь. Да и среднее поколение, заикнувшееся на повседневных трудностях и заботах, всё больше отдаляется от исконно русских песен, чаще

отдавая предпочтение серой и бездумной, низкопробной попсе и зарубежным поделкам-однодневкам, чуждым нашему русскому духовно-нравственному мироощущению. Увы...

Сама же Ольга Борисовна в вышеупомянутом интервью газете «Труд» отмечала: «...Есть в моей жизни встреча, при воспоминании о которой я испытываю не передающееся словами чувство. После концерта в Ухте, где среди прочих я спела песню «Русские матери», подошла ко мне старая женщина, вся в черном, и сказала: «Я потеряла на войне сына... Спасибо вам, дорогая, за эту песню. От всех матерей спасибо». И поклонилась земным поклоном».

Пронзительную ностальгию каждый раз навевало исполнение Воронеца песни новосибирского композитора Николая Кудрина на стихи русского поэта из Казахстана Владимира Гундарева «Деревенька моя». Слушатели как бы вновь мысленно вспоминали родные деревни, деревенский незамысловатый быт, близких, соседей, работу на земле. Потому-то и брала эта песня за душу, особенно в тот момент, когда певица голосом виолончельного тембра выводила известные слова: «Тебя называю по имени-отчеству, святая, как хлеб, деревенька моя».

Полюбили в народе и блестяще исполнявшиеся Воронеж песни русского советского композитора Евгения Птичкина «Ромашки спрятались» на стихи Игоря Шаферана и «Сладка ягода», стихи для которой написал поэт Роберт Рождественский.

Старшее поколение наших сограждан, как и многие зрелые, давно немолодые люди, живущие на просторах бывшего СССР, конечно же, помнят, как великолепно, с особым запалом, душевностью и на высоком подъеме звучали известные всей стране слова:

*Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву,
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.
Спроси, переспроси меня —
Милее нет земли.
Меня здесь русским именем
Когда-то нарекли.*

Пожалуй, эта песня Леонида Афанасьева, написанная на стихи Шаферана, стала одной из самых популярных в творческом репертуаре Ольги Борисовны, постоянно исполнявшей ее с того времени, как впервые спела ее в рамках телевизионного фестиваля «Песня-73».

Каждый раз, слушая эту прекрасную, неповторимую песню, вспоминаются герои выдающегося русского советского писателя-патриота Анатолия Иванова из его широко известного романа «Тени исчезают в полдень» и из одноименного, не менее знаменитого фильма, снятого по роману писателя и по написанному им же сценарию талантливыми советскими режиссерами Валерием Усковым и Владимиром Краснополским.

Внимательное, чуткое отношение к песне Воронец испытывала всегда. Причем к песне она подходила как к цельному произведению, где в равной степени важны как музыка, так и слова. «Я не учу стихи отдельно от мелодии, — заявляла певица. — Выучу — начинаю «обкатывать». И за инструментом, и за стряпней на кухне, и на прогулке, и за баранкой автомобиля. Что бы ни делала — ищу, ищу и время от времени нахожу. Находки откладываю в сокровенный ларец — и ищу дальше. Этот процесс огранки, добавлений и доработок, по сути дела, бесконечен».

Никогда не сомневалась певица и в высоком социальном предназначении песни, в ее исцеляющих душу и тело возможностях, с которыми она столкнулась и на личном примере, когда ввиду чрезмерных физических перегрузок находилась на длительном лечении в Центральном институте травматологии. И рассказывала эту историю Воронец так: «Полный упадок духа... Знаете, как это бывает: читать не хочется, говорить тоже, да и о чем говорить, если разговоры вокруг об одном: дескать, нельзя вам, товарищ певица, продолжать петь. Нельзя ездить на гастроли, а нужно срочно менять эту вашу «экстатическую» (так врач и сказал) профессию на любую другую нормальную специальность... И вдруг слышу как-то по радио песню Вано Мурадели «Я — Земля» (стихи Е. Долматовского) в собственном исполнении. И знаю, что сама пою, а слушаю и воспринимаю как-то со стороны и открываю иной, новый для меня смысл. Новый для меня в моем положении. И вдруг во мне словно буря: «Встану! Буду петь! К черту хандру! К дьяволу бессилие!» И еще думаю: «Смотри, Ольга, что может песня!»

Будучи требовательной к себе, постоянно подвергая детальному разбору каждое выступление, Воронец умудрялась при этом свои мысли и переживания не выносить на широкое обсуждение. И не в какой-то скрытности тут было дело. Человеком-то как раз она являлась открытым, общительным. Но и сдержанным, предельно собранным, дисциплинированным, четко понимавшим все тонкости певческой профессии.

Эти ее деловые профессиональные качества хорошо знали и коллеги по совместной работе. Вот что говорил на сей счет художественный руководитель и главный дирижер Государственного русского оркестра народных инструментов имени Н.П. Осипова, народный артист РСФСР Николай Калинин: «С Ольгой Борисовной работать и очень интересно, и нетрудно, потому что она приходит на репетиции максимально подготовленной. Да еще и потому, что у нее хороший нрав — это тоже не последнее в нашем деле. Есть два приема обработки и подачи песни — просто легкий аккомпанемент и другой подход, когда голос становится непосредственным участником оркестровой музыкальной палитры, не выпадая из нее, — ее доминирующей краской. Тогда создается некое равноправие двух основных компонентов, и единство голоса и оркестрового сопровождения рождает уже не просто песню, а целое музыкальное произведение. С Ольгой Воронец работать интересно именно потому, что она в своих творческих целях — максималистка в лучшем смысле этого слова».

Мастер артистической трансформации, умевший одинаково прекрасно передавать в песне, становившейся фактически моноспектаклем, как исповедальную грусть, так и лиричность, а также задор и удал, торжество, тоску и безысходность, пафос и любовное настроение, Воронец была сильной, волевой личностью. Она могла держать удар, не отчаиваться, не унывать, не бросаться в крайности.

Появлению у нее этих качеств она была обязана не только родителям, людям музыкальным (мать Воронец была пианисткой и певицей Смоленской филармонии, отец тоже был певцом, солистом радио), любившим песню и приобщившим к ней и ее, певшую с детсадовского возраста, но и самому времени — тревожному, суровому, требовавшему предельной организованности.

Вот она-то, эта организованность, помноженная на стремление стать артисткой, и приведет вчерашнюю школьницу в далеком 1943 году в Москву, в стены ВГИКа, в творческую мастерскую народного артиста СССР В. Ванина; а затем, когда Ольга решительно пересмотрит свое видение дальнейшей сценической жизни, — и в оперную студию в Сокольниках, на эстрадное отделение, где и начнутся, в тот голодный год военного лихолетья, ее первые выступления в концертах.

А потом уж всё пойдет по накатанной — работа в джазово-эстрадном ансамбле Центрального клуба милиции; знакомство со знаменитым трио баянистов в составе А. Кузнецова, Я. Попкова, А. Данилова, сразу же отметивших ее несомненно яркие певческие данные; выступления на первых сборных и сольных концертах; ну, и, понятное дело, лобовое столкновение с успехом, аплодисментами, цветами, восторженными отзывами поклонников, благосклонными откликами профессионалов...

Но за всем этим счастливым нагромождением строк из жизнеописания выдающейся певицы беспрестанно стоял каждодневный труд, порою изнуряющий, заставлявший потеть, волноваться, переживать, напрягать голосовые связки, дабы петь лучше, выразительнее, с большей самоотдачей, которую от нее всегда ждал слушатель.

Более полувека отдала Ольга Воронец служению песне. На сцену, к счастью, не потеряв голоса, выходила она и тогда, когда уже сильно болела и нуждалась при таких выступлениях в посторонней помощи, которую ей зачастую оказывали баянисты. И опираясь на них, добрых и безотказных товарищей, певица вновь завораживала благодарного слушателя...

Так, никогда не расставаясь с песней, и прошла она — красивая, добропорядочная, восторженно любившая Россию и русский народ, невероятно талантливая женщина, свой продолжительный жизненный путь.

г. Симферополь

